

СТАС КУЗНЕЦОВ

ЛОВУШКА

ПАНДАОРЫ

ЧАСТЬ 1

Молодой талантливый художник — жить бы да жить! Но смертельная болезнь одолевает парня. Ах, если бы это был конец! После смерти оказывается, что покоя ему не будет и в загробном мире. Потому как надвигается Хаос, и спасти мир может только он — избранный! Однако, молодому герою на мир чихать — он всё равно уже мёртв. Вот только как быть с родными и любимой?

Пролог

1 И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд

2 Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения.

3 И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим.

4 Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца.

6 А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней.

7 И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали противних,

8 Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

9 И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

Библия Новый завет. Апокалипсис св. Ап. Иоанна Богослова Гл. 12.

Ткань неба, словно вывернувшись наизнанку, набрякла серой портянкой над землей. Сосновые кроны остроконечными пиками вошли в тучи, и те разродились проливными дождями.

Лес, крепко обняв село, жарко дышал ему в улочки грибами, ягодами и хвоей. Селение отвечало томными вздохами душистого сена, печеных хлебов, парного молока, костров и навоза.

Село это было из зажиточных, хотя и надежно пряталось от всего бела света за покровом лесов и завесой туманов. Не случалось у них в волости обычных для тех времен притеснений и обирания простого люда со стороны барского сословия. Управляющий был крепким хозяйственником. Делами руководил мудро, пользуясь и кнутом, и пряников: с хитринкой в вопросах торговых, с научно-практическим подходом к сельскохозяйственным проблемам, с сердцем к бедам селян и искренней преданностью и почтением к графской семье, коей он имел честь служить, как до него служил его отец.

Глаз радовался глядя, на каменную церквушку, мельницу, начальную школу, добротные избы, с хорошими ломтями земли и чередой хозяйственных построек, из которых и хрюкало, и мычало, и кудахтало. Даже охота, рыбный промысел и заготовка дров на помещичьих землях не воспрещались.

Барское имение стояло за рекой. Запущенный сад и заколоченные ставни фасада красноречиво указывали приезжему, что хозяева давно забыли сюда дорогу. Местным это нарочитое указание казалось избыточным, так как за много лет никого еще не угораздило наведаться в их всеми забытую глушь.

По пустым покоям старого особняка ползали холод и сырость, пробираясь даже в жилую часть дома, хотя она отапливалась щедро и жарко. Прислуга уговаривала Софью Александровну оставить причуды и переселиться на другую, более солнечную и лучше

прогреваемую сторону, но та наотрез отказывалась, продолжая упорствовать в желании жить в собственном доме инкогнито.

Минуло шесть лет с тех пор, как однажды вечером Софья Александровна вернулась в родовое имение. Вернулась измученной и будучи уже глубоко беременной. А ночью схватками пошла.

В тот же миг, говорят, все светила ослепли. Темень легла на землю, глухая дремучая.

Тяжелые были роды. Ребенок пошел поперек матери.

Налитые тучи разразились сухой грозой. Молнии чертили небо так яростно, что среди ночи наступил день. Прежде такого дива даже старожилы не видывали.

В раскатах грома слышались стоны роженицы, и от ее родовых мук небо, будто сетью мелких трещин пошло. По всей деревне занялись пожары, а спасительного дождя все не было. Мужики и бабы выбились из сил, сбивая огонь, но без толку. Крестились на бесовское пламя, шептали молитвы. Огонь выедал избы. Выли собаки. Жалобно голосила скотина.

Под утро вместе с криком петухов в деревне отчетливо раздался первый крик новорожденного. И в тот же миг сплошняком полил дождь. Огонь ушел. Говорят, что то был хмельной ливень, что от него голова становилась лёгкой, и веселье охватывала душу.

Девочка родилась недоношенной, думали, помрёт вместе с матерью. Однако местная повитуха выходила обеих. Теперь хозяйка с дочерью безвыездно жили затворницами в родовом гнезде.

Местным не привыкать укрывать от мнений столичного света своих господ. Много лет назад мать Софьи Александровны точно так же приехала рожать невенчанной в родовое имение. По слухам, будучи фрейлиной, она зачала дочь от самого царя. Через пару лет, наняв свору няnek и учителей для оставленной в деревне незаконнорожденной дочери, графиня вернулась ко двору. Впрочем, вскоре впала в немилость и умерла, как поговаривали, с горя.

Софья Александровна была единственной наследницей, и по великой милости царя получила графский титул и состояние, хотя они передавались исключительно по мужской линии. Этот факт закрепил за ней кулуарный статус незаконнорожденной княгини уже не только в глазах деревенских жителей, но и в столичном свете.

И вот, спустя годы Софья Александровна повторила судьбу матери. Но об этом ни в деревне, ни меж слугами говорить было не принято. Не хотели кликать беды, уж больно любили графскую семью, многое сделавшую для простого люда, а особо Софушку, которую растили всем миром. Да и сравнить было с чем, как съездит кто в город за спичками, аль за солью, аль сторговать какую шкурку, так наслушаются ужасов о жизни в соседских деревнях Кривотолкиных иль Верховенских. Там, что не год, то голод да хворь, а господа отбирали у своих крестьян последнее.

О другом потихоньку все же судачили и вздыхали, дескать, бедняжка Софья Александровна совсем другой приехала из столицы. Не в себе вернулась, потеряла былую веселость и легкость нрава, фанатично увлеклась писанием Божьим, стала деспотична и нетерпелива. Девчушку её жалели, кою мать от себя и денно и ночью не отпускала, держа в чрезмерной строгости, и все молиться заставляла. А девчушка живая, да задорная, то и дело сбегала в лес, с крестьянскими ребятами якшалась.

В последние годы тревога и навязчивые идеи не оставляли Софью Александровну. А в эту осень, что границей легла меж девятнадцатым и двадцатым веками, её психика окончательно расстроилась. Апокалипсис читала и молилась неустанно. Тело своё, считая

сосудом греха, подвергала наказаниям и всяким лишениям. От постов и нервной болезни отошала и осунулась, и, хотя красота еще не оставила ее изможденных черт, она больше не радовала глаз, а скорее наводила тоску.

Софья Александровна невидящим взором посмотрела в окно. Стекло взмокло, покрылось испариной, и лишь размытое золото сада угадывалось за ним. Такое замирание у окна чередовалось с беспокойной ходьбой из угла в угол. Рука при этом сжимала крест, что висел на груди, губы шептали молитву.

Так продолжалось, пока не отворилась дверь. Из проема высунулась нечесаная голова конюха. Софья Александровна подобралась и с мольбой глянула на слугу. Тот, замаявшись в дверях, все же решился войти. Сминая в руках шапку, он молча вперился в пол.

— Вы нашли ее? — кутая озябшие плечи в шаль, нетерпеливо спросила Софья Александровна.

— Нет, барыня, не заприметили исчо! — почесывая затылок, зычно ответил конюх. — Да вы не боитесь, она ж у Вас не впервой улепетывает. Через часик нагулянькается и воротится.

— Найдите! — отрезала Софья Александровна, отворачиваясь к окну.

— Дык, там все равно ничего же не видать, туман, точно молоко. Вот мы и подумали, что... — забормотал конюх, откашливаясь в кулак. — Нам бы согревательного чего?

— После дам на водку.

Прямая спина барыни красноречиво указывала на то, что аудиенция закончена, конюх вздохнул и поспешил выйти.

Дверь закрылась. На ковер капнула кровь. Софья Александровна посмотрела на руку, которую поранила сжатым в кулаке крестом и, не обращая внимания на кровь, подошла к красному углу. Зажгла свечи. Пала ниц перед иконами и, крестясь, горячо зашептала молитву, давая волю слезам.

Сердце в такт молитве билось часто-часто, убыстряя ток крови, что ринулась в открытую рану. Окровавленная рука размазывала по лицу слезы. И слезы эти обагрjali собой молитву.

— «О Господень Великий Архангеле Михаиле! Избави нас от всякия прелести диавольския, егда услышишь нас, грешных, молящихся тебе и призывающих имя твое святое».

Мало кто из прошлой жизни узнал бы сейчас в этой надломленной фигуре Софью Александровну, что семь лет назад блистала в Петербургском свете. Там она славилась вольными взглядами, а еще необыкновенной красотой и покровительством на верхах, что позволяло такие взгляды выражать без всякой оглядки, чем она, не стесняясь, пользовалась, дерзко высмеивая поголовное увлечение света мистицизмом и спиритическими сеансами. Горячо оспаривала святость самого отца Иоанна Кронштатского. Ей же приписывали обличительный памфлет о хлыстах и масонах.

Даже молодой цесаревич Георгий положил на неё глаз, хотя другие уверяли, что это вздор, и Софья Александровна сама приходится внебрачной дочерью царя Александра III, а цесаревич питает к ней исключительно братские чувства.

Слухи приписывали Софье Александровне много романов, один невероятней другого. Особый акцент делали на некоего немца-альбиноса, якобы они сожительствовали, путешествуя по Европе. Немец тот был больно важен и приметен. Мол, от красы его она не

устояла, а потом в спешке бежала от него на Родину.

Сейчас же светская красавица вымаливала прощение за грехи. Да так фанатично, что даже в суровых ликах икон читалась жалость.

Едва заметно колыхнулся воздух. Вздогнул огонек церковных свечек. В комнате стало светлей и чуть потеплело. Возник Он. Подошел к Софье Александровне, поднял с колен и усадил в кресло. Она, заплаканная и растрепанная, хотела вновь упасть на колени, но он удержал.

— Вам, княжна не должно валяться в ногах, — в голосе тепло мешалась с жалостью, но глаза выдавали раздражение.

Она всхлипнула. И бессильно осталась сидеть в кресле, сотрясаясь от новых приступов рыданий.

Мужчина вздохнул, протянул ей платок. Встал к камину, поворошил дрова. Расправил крылья и повернулся спиной к огню, подсушивая белоснежные перья, от которых шло едва заметное сияние.

Софья Александровна с мольбой вглядывалась в его лицо.

Синие глаза гостя могли бы казаться обычными, если бы не поблескивающий золотой ободок вокруг черного зрачка. Над белыми кудрями можно было заметить призрачный нимб, подсвечивающий неземным теплом идеально-правильные черты. Ангел, как ему и полагалось, был прекрасен.

— Я чувствую, он придет и пожрет мою Вареньку! Господь оставит нас!

— Господь всегда с вами, — возразил ангел.

— Она не молится с должным усердием. И проклятье неминуемо настигнет ее.

— Она всего лишь дитя.

— Она Его дитя!

— И ваше!

— Что мне делать? Как защитить ее?! Он ей снится в обличье крылатого змия. Искушает ее детское сердце!

— Это следствие ваших страхов и ее воображения.

— А по ночам к моей бедной доченьке приходят видения — шепчутся. Это Его вестники, я знаю....

— Все это лишь фантазии. Он не знает о ней, Софья Александровна. Он ищет лишь Вас. Но Вы укрыты самим Господом Богом. И Люцифер никогда не сможет вас найти!

Однако княгиня будто и вовсе не слушала увещаний ангела. Упорно продолжая твердить своё.

— Господь отвернется от нас. Она не хочет возводить ему хвалу, сбегает и играет с простолюдинами. Я совершила тяжкий грех! Тяжкий грех! — заламывая руки плакала Софья Александровна. — Пусть же он карает меня. Но она дитя, пусть грех не ложится на её плечи.

— Софья Александровна, ваши грехи уже давно на её плечах. Иначе что замаливает дитя, стоя долгие часы на коленях перед образами?

— Что же мне делать?! Как очистить ее?! Что если он уже нашел нас?! И пожрал ее! Апокалипсис грядет!

Софья Александровна, лишившись чувств, обмякла в кресле.

— Я бы советовал вам меньше увлекаться эсхатологическими учениями.

Ангел устало вздохнул, проведя рукой по еще влажным волосам. Пробормотал себе под нос непозволительные для его благочестивого сана ругательства и легонько похлопал

женщину по щекам.

— Я видел девочку, она прячется от дождя в свинарне с детьми человечьими.

— Он ведет ее к гибели! — бескровными губами пробормотала женщина, умоляюще смотря в глаза ангелу.

— Дождь кончился. Скоро она прибежит. Ей не должно видеть меня. Будьте покойны, Софья Александровна, я храню вас.

— Мы проведем весь остаток дня в молитвах о Вас, — попыталась она выдать из себя улыбку. — И во славу Божию.

— Лучше поговорите с дочерью. И возьмите ей учителя, она уже должна постигать науки, тогда и охота отобьётся бегать по лесам. И еще, — он расправил крылья, — больше не тревожьте меня попусту.

Воздух колыхнулся, потревожив живой огонь в камине.

Женщина осталась в кресле с мертвым лицом. Бескровные губы шевелились в молитве, а глаза остановились на входящей в комнату беловолосой девочке, которая виновато застыла на пороге. Её одежда намочила до нитки, и вода с неё стекала на толстый ковер.

Глава 1. Стучась в небесные врата (часть 1)

Глава 1. Стучась в небесные врата (часть 1)

Осень — пора экспрессии, контрастов и безнадежно мертвых красок.

Ночью город принял дождевые ванны и утром хвастливо кичился золотыми нарядами. *В блеске новой красоты* он самодовольно любовался своим отражением в осколках серебряных луж.

Над Матфеем нависла угрюмая глыба больнички. Её стены, напитанные дождевой влагой, рыхлой серостью поглощали свет и тепло. По привычке комиксиста руки зачесались допилить пейзажик чем-то вроде: «*Оставь надежду, всяк сюда входящий*». Вписывать же свою фигуру в это «прекрасное далеко» не хотелось. А хотелось как раз наоборот — бежать отсюда без оглядки, но ноги сделались ватными, в горле пересохло, только сердце, дав себе волю, как бешенное, колотилось в неподвижном теле.

Подобный ступор он испытывал лет десять назад — ребенком, в Эрмитаже перед картиной Ван Гога «Белый дом ночью». Тогда ему стало так страшно, что он не разнылся только потому, что отец стоял рядом, а объяснить, что его так напугало в этой мазне, как охарактеризовал картину отец, он бы ни за что не сумел. Плакать-то он не плакал, но и оторвать взгляд от черной женщины по центру не мог, так что отцу пришлось оттаскивать его, повторяя свой вечный вопрос к сыну: «Да, что с тобой не так?».

Лишь в универе Матфей понял, что его тогда зацепило — художник поймал красками смерть. Она дала ему сроку несколько недель, и окно Ван Гога в белом доме почернело навсегда. А сколько дней выпало Матфею?

Пытаясь успокоиться, он рывком выдавил из себя порцию воздуха и, сделав паузу, жадно вдохнул свежего кислорода. С горечью подумалось, что хотя еще и жаден до вдохов, но в таких заведениях это легко лечится.

Оттягивая время, Матфей поправил лямки рюкзака на плечах, рассеянно огляделся. Взгляд угодил в агитационный баннер. Матфей брезгливо поморщился. На пёстрой, безвкусной рекламе раздобревший мужик, полный наполеоновских амбиций, призывал сознательных граждан отдать свои голоса за сильную власть в его, господина Палкина, лице, уверяя, что уж он-то, наведёт здесь порядок!

Все сошлось — поблизости ни души, баллончик и респиратор в рюкзаке, штендер перед носом. Обычно политтехнологи, зная «любовь» народа к сильной власти, подвешивали своих героев на щиты, но этот «баннерный» чувак самоуверенно «стоял» себе на земле, нагло полагаясь на свою депутатскую неприкосновенность.

— Непорядок! — хмыкнул Матфей.

Скинув рюкзак на землю, раскрыл молнию. Из трех цветов выбрал агрессивно красный баллончик. Респиратор и перчатки решил не надевать, рассудив, что работы на пару минут, и он больше провозится с экипировкой.

В виде нимба над головой политика, Матфей аккуратненько, в стилистике баннера расположил любимую цитату: «Анархия — мать порядка!» А на груди господина Палкина нарисовал букву «А» вписанную в окружность — символ свободы.

— Эй, ты!.. — раздался за спиной возмущенный окрик.

Не вслушиваясь в ругань, Матфей подхватил рюкзак и, не оборачиваясь, зашел в больницу.

Тяжелая дверь с грохотом закрылась, проведя черту между внешним миром, принадлежавшим насыщенным красками и звуками жизни, и миром шепотов и вздохов в полутемном коридорчике с обшарпанной, грязно-голубой штукатуркой.

В приёмном покое собралась очередь, на узких лавках сидели люди с уставшими осунувшимися лицами.

Матфей встал к стене, упершись ногами в пол, подперев её спиной и скрестив руки на груди.

То и дело приходилось, подбирать ноги и вжиматься в бетон, пропуская коляски и каталки. Это вконец его доконало.

Он вытащил телефон, зашел в ВК. Ничего нового: полковнику никто не пишет, и никто его не ждет. Лишь на стене кто-то лайкнул закрепленную запись, которая гласила: «Политические предпочтения: Я — (Матфей Журавлёв) анархист! Даже если по версии «VK» таких взглядов в нашей стране не водится. Как и по версии правительства — нет в бюллетенях графы: «против всех». Ниже прикреплялась фоточка Матфея в респираторе, с баллончиком в руке на фоне граффити правящего царя, тыковка которого рассекалась символом анархии. Одна из лучших их работ с Сидором.

Постить такую хрень, конечно, значило лезть на рожон, наживая проблемы с правоохранительными органами. Хотя, честности ради, проблемы он себе нажил задолго до провокационных постов.

Для Матфея это была война. Он не боялся бросать вызов власти и, в случае чего, готов был понести ответственность за свою позицию/оппозицию. Рано или поздно к вниманию силовиков привыкаешь. Даже потом скучаешь, когда его нет.

Впервые он попал на карандаш еще в девятом классе за участие в митинге. Они с кучкой активистов выступали за предоставление большей автономии регионам.

Тогда Матфей был юн, глуп и топил за либералов. Но ему и сейчас было не стыдно за тот протест. Он требовал свободу, пусть до конца и не осознавал какую именно. С чего-то нужно было начинать. И лучше с малого. Как говорил великий даосист Лао-Цзы: *«Путь в тысячу ли начинается с первого шага»*.

Власть их требования интерпретировала по-своему, расценив как сепаратизм. Организаторов загребли, а со школотой и их родителями серьезно поговорили солидные дяди в мундирах.

После сопутствующих истерик матери и значительных ухудшений в ее, без того расстроенной психике, а также злой ярости отца, таки хлопнувшего дверью в последний раз, чашу весов Матфея окончательно перекособочило и заклинило на одном — свободе.

Он решил, что либералы слишком заигрывают с властью, что они — приспособленцы. Встраиваются в государственные структуры и сами становятся «драконами». Никаких компромиссов в его идеологии существовать не должно было!

Именно тогда он начал зачитываться Бакуниным и Кропоткиным, а попозже и Шмидтом. Школьная трактовка их идей оказалась полной чушью.

Матфей иронично хмыкнул потоку своих мыслей — понеслась душа в рай.

Он перешел по ссылке, глянуть, кто осмелился его облайкать. На авве — Герда из советского мультика и ни одной фотки. Но он узнал имя — Аня Речкунова.

Аня Речкунова — да, образ Герды ей шел.

Палец застыл на кнопке «добавить в друзья». Но Матфей тряхнул головой и вернулся к себе на страничку — добавлять не стал. Жаль, но он не Кай — она не сможет его спасти.

— Матфей Журавлев, проходите!

Он протопал в кабинет, пригласившая его медсестра вышла, прикрыв за собой дверь.

Кабинет стандартный: стол, кушетка, ширма, допотопная линейка для измерения роста.

Врач задумчиво стоял у окна. Матфей заглянул ему через плечо и инстинктивно спрятал, перепачканные краской, руки в карман. Видок открывался прямо на злосчастный баннер, возле которого сустились люди в форме. Об окнах Матфей не подумал.

— Вставай на весы, — не оборачиваясь, велел врач.

Матфей подчинился.

Медсестра наверняка пошла за ментами, между делом соображал он, снимая кроссы. Воображение все яснее разворачивало картину: «Возмездие вандалу».

— Сколько? — сухо поинтересовался врач.

— Пятьдесят три, — отозвался Матфей.

Врач развернулся, цепко посмотрел поверх очков, словно продолжая биометрию уже на глаз.

— Эка ты отощал, парень. При твоём росте не порядок! Давай-ка, скидывай верх, я тебя поближе рассмотрю.

Чужие пальцы уверенно ворвались в личное пространство. Схватили Матфееву голову и, поворачивая в разные стороны, прощупали черепушку.

От этого бесцеремонного вторжения, хотелось дать врачу по шее, но приходилось терпеть. Давно пора бы привыкнуть к осмотрам.

— Одевайся. Подпиши пока согласие на обработку данных, — вздохнул врач, садясь за стол, и быстро занося в карточку каракули.

Матфей с облегчением понял, что сегодня его в тюрьму не упекут и штраф не всобачат. Видимо, повезло, и его авторство осталось незамеченным. Напряжение немного спало. Он быстро натянул свитер, завязал шнурки и чиркнул согласие.

— У тебя неплохие шансы, парень! Вылечим! — ободряюще подмигнул врач и протянул амбулаторную карточку. — Отдашь медсестре на посту.

Матфей кивнул.

— И еще, — уже в спину, не отрываясь от бумажек, добавил врач, — на стенах больницы художественная самодеятельность не приветствуется, поэтому баллончики лучше оставить в гардеробе.

Матфей промолчал, спеша прикрыть за собой дверь. Уголки губ поползли вверх: «Значит, все-таки видел».

Он спустился в гардероб, оставил там вещи, переделся в больничное тряпье. Ноги сунул в тапки.

Хорошенькая медсестра проводила до палаты.

Он подумал об Ане — местом учебы указан Медицинский университет, и она, наверное, тоже ходит в белом халате. Ей точно белый цвет идёт.

Он поморщился, приказывая ожившему воображению заглохнуть.

Медсестра мило улыбнулась:

— Если что-то понадобится, зовите. — И пошла дальше по коридору.

Матфей открыл дверь в палату.

В нос ударил навязчивый, слащаво-ванильный запах. В голове запульсировало. Комната раздвоилась, расплывшись цветным пятном. Он едва успел сделать шаг к раковине. Его вывернуло наизнанку. Хорошо, что утром ничего не ел, и выплёвывать кроме собственного

желудка оказалось нечего.

Умылся, прополоскал рот холодной водой. Заломило зубы, но в голове слегка прояснилось. Подняв взгляд, рассмотрел физиономию в зеркале. Рожа недовольно скривилась.

— Кра-сав-чег! — похлопал он себя по щекам.

Зомби из голливудских фильмов в сравнении с ним грустно отдыхали на скамейке запасных: черты заострились, глаза, щеки впали. Волос на голове не было, зато щетина отросла неровными рыжими островками. Даже цвет глаз из золотисто-карих, от которых «писались», по уверениям Сидора, все девушки, стал тусклым и мутным. А взгляд уставшим и затравленным.

— Здра-а-астемордасти! — пропел старческий голосок.

Развернувшись на звук, Матфей с недоумением осматривал странную обстановку.

В палате было две койки, но расставленные совершенно тупым образом: одна, односпальная, жалась к окну, а вторая, двуспалка, стояла посередине.

На той, что располагалась у самого окна, сидел старикан, смахивающий на лиса с безумными глазами. За его спиной, на подоконнике, красовался источник вони — желтое пятно букета.

— Здравствуйте, — буркнул Матфей, не отводя взгляда от ненавистного веника. — Ваши цветы? — всеми силами стараясь быть вежливым, поинтересовался он.

Никогда прежде срезанные цветы не казались ему настолько отвратительными, будто в банке заспиртовали отрубленные конечности и уверяли, что это символ красоты и романтики, и все должны этим восхищаться, несмотря на запах трупного гниения — запах смерти — медленной мучительной ради человеческих прихотей. Еще одно омерзительное проявление власти.

— Цветы-то? — мохнатые брови старика взметнулись вверх, поднявшись так высоко, что стали частью одуванчикового пуха на голове. — Енто как глянуть, авось и мои, авось и твои.

— Уберите, пожалуйста, — балансируя на грани, но как можно более доброжелательно улыбнулся Матфей, понимая, что улыбка скорее напоминает оскал хищного зверя.

Такой же затравленный оскал был у чучел, что раньше висели на стенах в их доме. Висели, пока Матфей их не сжег.

— Да вы чаго?! Пущай радует глаза мои столь отрадное душе моей виденье!

Идиотский говор старика, который произносил дурашливые реплики нараспев, его наигранное возмущение — окончательно вывело Матфея из себя. От удушливой волны злобы, мешающейся с головной болью, сознание заволокло дымкой.

В памяти всплыл запах пороха, голова закружилась. Матфей присел на кровать, ту, что двуспальная и почему-то посередине палаты. От постельного белья пахло «свежестью».

Глубокая осень, первый снег. Мерзнут руки. Отец заставляет пить жгучую вонючую дрянь. Матфею страшно и холодно. Но он помнит назидание отца: «Настоящий мужчина — всегда охотник, это зашито в нас на генетическом уровне!». Только вот одна проблемка: Матфей совсем не чувствует себя охотником. Он устал, хочет есть и домой, но отцу он этого, конечно же, не говорит, чтобы тот не решил, что Матфей еще маленький для мужских дел.

Из-за деревьев появляется олень, точнее олененок. Матфея поражают его большие доверчивые глаза. Животное ничего не подозревает. Не подозревает, что ружье уже целится ему в грудь. И это его последние секунды.

У Матфея замирает сердце, будто это его сейчас должна остановить пуля. Он затаил дыхание, руки судорожно сжались в кулаки.

Олененок такой же, как Матфей — испуганный и потерянный. Вострит уши и настороженно вглядывается в их с отцом сторону.

Вспомнился мультик «Храбрый олененок». В глазах щиплет. Матфей вскакивает и неожиданно для самого себя бросается между оленем и отцовским ружьем. Грохот. В ушах звон.

Крик. Отец с бледным лицом поднимает Матфея со снега и пару раз встряхивает, ставя на ноги. Руку Матфея жжет. На снег капает кровь.

— Жив? Цел? Дурак! — отец отвешивает Матфею подзатыльник, потом прижимает к себе. — Я тебя чуть не пристрелил! Ну, что ты за олух?! Господи, руку тебе пробил!!! — у отца в глазах красная сеточка тоненьких трещин, потом Матфей часто будет рисовать такие глаза злодеям в своих комиксах. — Ну, зачем ты кинулся, придурь мелкая?!

С тех пор отец плюнул и на охоту его больше не брал.

Матфей оказался большим разочарованием для отца, впрочем, как и отец для него.

Матфей потрогал шрам на предплечье, тогда пуля лишь слегка его оцарапала, оленю повезло меньше.

Чучела, цветы — все это символизировало для Матфея стремление человека к доминированию, к демонстрации мнимого господства над природой. Еще один из способов показать пресловутые силу и власть.

Матфей в два шага пересёк комнату и оказался возле койки старика. Открыл окно, выкинул букет вместе с вазой и закрыл обратно.

— Теперь и мне душу будет греть.

Вернулся к себе на кровать, лег, закрыл глаза.

Боль утихла. Гнев отпустил. На смену им пришел стыд. Взглянув на ситуацию со стороны, Матфей поежился от только что разыгранной им роли психопата, обижающего стариков. Вышло нелепо и жестоко. Для пушного эффекта не хватало пропеть голосом Дарт Вейдера:

«Я бью женщин и детей, потому что я красавчик, потому что я сильнее, и они не могут сдачи дать мне».

Может, и не надо было тогда сжигать отцовские чучела. Но, когда вся эта дрянь горела, Матфей впервые почувствовал, как руша оковы посмертного заключения, освобождается сам.

Свобода — в разрушении оков.

Иногда Матфей не мог отделаться от затаенного диалектического противоречия. Получалось, что без несвободы, свободы быть не может. Возможна ли свобода в чистом виде? Если нет, то плохи дела, и у его убеждений отсутствует фундамент.

— Извините, — вздохнул он, открыв глаза, но старика в палате уже не было, увлеченный своими переживаниями, Матфей даже не услышал, как тот вышел. — Я чокнутый — у меня в мозгах опухоль проросла. Извините, — прошептал он в пустоту.

Матфей еще раз тяжело вздохнул. Еще раз огляделся. Очень даже недурно для государственной больнички. Ремонт хороший. Даже плазма на стене висит, и столик есть вполне себе удобный, с креслом, можно будет рисовать. Правда плазма висит так, что телик будет видно только одному Матфею, а старикану придется садиться на стул. Ну и хорошо, а то старики уж больно любят залипать в этот ящик. Матфея же обычно и на пять минут не

хватало.

В нём шевельнулось смутное подозрение, что мать вбухала ради его комфорта последние деньги. С другой стороны... Он посмотрел на вторую койку — соседей отдельная палата не предполагала, да и у матери не было таких денег, даже если бы это и взбрело ей в голову.

Надо было чем-то себя занять. Но гул в башке отбрасывал всякую возможность заняться чем-то дельным.

Пришла идея поюзать телик. Он со школы не заглядывал в черное зеркало, понимая, как сильно в угоду той или иной политике, оно искажает реальность. Но этой извращенной реальностью живет большинство людей. В том числе и его мама. Что их так пленяет в этих иллюзиях?

Обычно стоило маме завести разговор о том, что она смотрела по телевизору, Матфей выходил из себя. Он пытался ей объяснить, что все программы ТВ — способ правительства манипулировать людьми. Но до мамы его доводы не доходили. Она словно глохла и лишь расстраивалась, вздыхая о том, что Матфей все видит в черном свете и совсем ни во что не верит. Мол, так нельзя — жить циником тяжело. Матфей потом плюнул и слушал её вполуха, чтобы не спорить и не расстраивать ни себя, ни её — все равно толку нет, она не поймет.

Он щелкнул пультом. В черном зеркале вспыхнули яркие картинки.

— Такс, что у нас тут нормальненького? — обратился Матфей к телику. — А что? Психам можно все — и с собой, и с теликом болтать. Хоть какие-то прелести от того что больной на голову, — пожал он плечами.

Но ничего под критерий «нормальненького» не подходило и даже под критерий — «сойдет на раз», и даже под — «ну ладно, пусть фоном будет». Хотя Матфей старательно провел себя по всем кругам ада раз так сто, но, сколько он не тыкал пультом, чудя не случалось. Голые тетки рекламировали чего-то, голые тетки кривлялись зачем-то, а тут... О, что-то новенькое? А нет, опять полуголая тетка продает себя, играя в «давай поженимся» со старым хрычом, который изображает бизнесмена.

Странно, но все эти сисястые тёлки казались ему настолько одинаково картонными, что даже не способны были волновать на физическом уровне.

— О, вот вроде проблеск ума в этом царстве похоти и разврата!

Этот «проблеск ума» едва не стоил казенного имущества. Научные факты в передаче бессовестно перемешивались с псевдонаучными, нацистскими идеями, только вместо арийцев теперь везде первыми и самыми-самыми на планете Земля были славяне. Народ, столько сил положивший, чтобы уничтожить нацистскую идею, теперь сам запутывался в ее сетях.

Матфей замахнулся было кинуть пульт в источник зла. Но остановило то, что матери придется заплатить за порчу имущества, а денег и так не было. Вместо этого Матфей просто нажал красную кнопку. И осторожно выдохнул.

Гнев кипел так, что аж челюсти сводило. Боль ударила по башке, пытаясь подчинить себе его «Я». Палату качнуло. Слишком резкий запах кондиционера для белья опять ударил по обонянию, усилив подступившую к горлу тошноту.

Матфей поспешно сел. Маятником закачался из стороны в сторону, пытаясь убаюкать боль и хоть немного облегчить своё положение, но становилось только хуже.

День стал выцветать и блекнуть, опуская сумрачную завесу перед глазами. Похолодало

и сделалось тихо-тихо.

Сосредоточенно уставившись на четкие линии ладони, Матфей зацепился за свою злость.

Злость была громкой и внятной. Глупо было включать это дерьмо, зная, что все каналы принадлежат гребаному государству.

Государство всегда занималось порабощением своего народа. Всегда легче управлять кучкой дебилов, верующих в свою богоизбранность, чем людьми мыслящими и склонными сомневаться в себе и других. Новые технологии, отданные в монополию государству и упадок образования, позволяли успешно пудрить людям мозги. *«И сюда никто никогда не придет, Болота окутала изморозь».*

Резкий аммиачный запах, мешался со сладостным мускусом цветов.

Смерть пахнет цветами.

Тишина упрямо сдавила виски.

Она здесь. Она пришла. От нее не спрятаться. Как ни старайся думать о другом, мысли вернутся к ней. Как не убеждай себя, что это всего лишь галлюцинации, сколько не приводи взвешенных логикой аргументов, само тело восставало, пичкая гормонами для борьбы с мнимой опасностью. И Матфей вновь оказался на охоте, и вновь он был не охотником, как хотел его отец, а жертвой.

Лишь одно могло его успокоить и привести в чувство. Лишь одно позволяло не начинать всматриваться в сумрак и не вслушиваться в тишину. Не видеть проступающую в углах тёмную фигуру, что ждала его там, по ту сторону света.

Матфей соскочил с кровати. Комната опасно накренилась. Он оказался на полу, подполз к еще не разобранным рюкзаку и, вывалив оттуда все содержимое, уже по наитию нашарил свое рисовальное барахло.

Руки дрожали, и первое время линии получались нетвердые. Он стал напевать себе под нос песню анархистов: «Квадраты» на стихи В. Лифшица

«...На каждый вопрос вручили ответ.

Всё видя, не видите вы ни зги.

Стали матрицами газет

Ваши безропотные мозги...»

В глазах прояснилось. Пошатываясь и не отрывая сосредоточенное внимание от почеркушек, он сел за стол. Продолжая, как заклинание, бубнить под нос песню.

«...Ты взбунтовался. Кричишь: — Крадут!..

— Ты не желаешь себя отдать.

*И тут сначала к тебе придут
люди, умеющие убеждать.»*

Вскоре, как и ожидалось, дыхание выровнялось, ноги перестали бить чечетку. Боль притупилась, подскуливая где-то в закутках. Свет налился жизнью и выровнялся.

«...А если упорствовать станешь ты:

— Не дамся!.. Прежнему не бывать!..

*Неслышно выступают из темноты
люди, умеющие убивать...».*

Что-то все-таки продолжало сбивать ритм, мешая погрузиться в себя и работу. Чей-то пристальный взгляд прилип к коже и казался почти осязаемым.

Матфей не выдержал. Осторожно поднял глаза. Палата выдвинулась в проясненном

сознании узнаваемыми контурами.

Он обернулся и облегченно выдохнул. За спиной, слегка наклонившись к столу и пытаясь ему в ухо, стоял старик и, деловито заложив руки за спину, внимательно наблюдал, как Матфей рисует.

Красная заливка щелкнула Матфею в лицо, и он смущенно попытался прикрыть рисунок рукой. Однако тут же понял, как это глупо, и решил продолжать чирканье.

— Как хоть зовешься, мил человек? — спросил старик, выбегая из-за спины Матфея и становясь прямо перед ним.

Тот, не поднимая глаз, представился

— Матфей. Вы извините за цветы.

— Да чаго уж там. Меня Егорушкой можешь величать.

— Егорушка? А отчество?

— А нету, — развел руками старик.

От очередной клоунады соседа у Матфея опять стало подгорать одно место. Он как можно ровнее пожал плечами, сам не понимая, что так сильно раздражает его в старике.

— А я ведаю, чаго ты корябаешь тут. Енто комиксами зовется. Вполне себе недурно выходит.

— Спасибо, — коротко ответил Матфей, надеясь, что, если быть лаконичным и не обращать внимание на соседа, тот скоро потеряет интерес и свалит.

Но Егорушка был тем еще фруктом и никак не мог уняться. Он стал отпускать что-то вроде критических замечаний.

Критику Матфей никогда не умел воспринимать адекватно, поэтому в интернете под его работами часто разражался срач.

— А почему у тебя смертушка в облике такой уродской старухи?

— Я так вижу, — отмахнулся, в духе «творческой» личности, Матфей.

— Довольно заурядное виденье. Это уже и почище тебя обыграли. На мою жинку похожа. Я иной раз среди ночи проснусь, увижу ее прелести, так и бягу из дому поскорей, рад не рад, что в больничку загремел, а то зубов нет, космы торчат, а ласки до сих пор просит. Б-р-р-р... Представляешь? — он вздохнул, помолчал и снова затараторил: — Так я чаго думаю, ты бы мне смертушку покрасивши изобразил, чтобы девонька была познатней, я бы и поспокойней с ней ушел, а с такой уродихой, не дай боже! Лучше я со своей ведьмой жить останусь, с ней хоть привычно что ль, да и сковородка в её руках все поприятней выглядит, чем у твоей коса.

— Для девушек «покрасивше» есть специальные журналы. Можно в любом киоске приобрести.

— Это какие?

— Забейте, — махнул рукой Матфей. — Ляпнул, не подумав.

— А ежели не подумав, то хочу, чтобы девица была облачена в красное, волосики у неё черные и глазки черные, а сама беленькая. Вот такую можешь мне изобразить?

— Я уже готов что угодно изобразить, только бы вы ушли.

— Так и рисуй, авось и сработает, — подмигнул старик, продолжая стоять над душой.

— Я не рисую на заказ, — фыркнул Матфей и, кинув карандаш, решил, что на сегодня с него достаточно.

— Ну конечно, вы сейчас мОлодцы все свободные и гордые, наши стариковские причуды вас не волнуют. Может быть, я когда-то любил такую вот девушку, хотел еще хоть

разочек посмотреть, но не буду занимать больше времени вашего молодого величества, — старик, продолжая ворчать, поковылял к своей койке у окна. — Молодость на старость вечно свысока глядит, нам-то, старикам, больше молодыми не стать, а вот вам, гордым м Олодцам, состариться вскоре придётся.

Егорушка отвернулся от Матфея к окну.

— Не всем придётся состариться, — вздохнул Матфей.

Сегодня у него вышел перебор с хамством, и это надо было как-то замять, хотя бы для себя. Он взял карандаш, задумчиво покрутил его в руке. Особо не думая, наметил контуры. Решил развлечь себя акварелькой. Это не должно было занять много времени, а старика могло порадовать.

Через пару минут он потерялся в работе. Нашелся, обнаружив себя чем-то настолько довольным, что от долгой улыбки свело рожу. Хренов принц Чарминг.

Растянулся в кресле и, моргнув пару раз, расфокусировал себя. Уже осознанно оценил свой тяп-ляп. Получилось намного лучше ожидаемого. Некоторая неправильность даже играла здесь на руку.

Он почти точно воплотил описание Егорушки, но вот глаза у девушки хоть и были черными, отливали сиреневым. А красное платье затенялось так, что казалось черным. Он и сам не понимал, как сумел так смешать краски. Растерянно глянул на палитру, но там царил жесткий замес и разобраться, что откуда — было невозможно.

Девушка напоминала Пандору с картины Дж. Уотерхауса: такая же романтическая и утонченная.

Она завораживала. Легкая, живая, манила в омут и отталкивала в пропасть. В ней чувственный рок соединялся с искренней незащитностью.

Сердце пропустило удар, он сглотнул и, смутившись, отвел взгляд. От силиконового картона, что крутили по телику, такой живой реакции не случилось, а от небрежного наброска... Может, все-таки, с ним что-то не так?

Не хотелось отдавать эту красоту старику.

Из коридора позвали на обед.

Матфей еще немного полюбовался девушкой, да так и оставил акварельку на столе, не решив окончательно, что с ней делать. Пошел есть.

Несмотря на то, что даже от запаха еды мутило, засунул в себя пару ложек сухой гречки, запив её жидким чаем. Осмотрелся. Егорушки в столовой видно не было.

Но лучше бы Матфей не отрывался от чашки. Наверное, фишка с избирательностью мышления все-таки работает — видим то, что думаем, а думаем то, что видим — заложники самих себя.

Взгляд наткнулся на мужика лет под пятьдесят в футболке с портретом нынешнего Царя всея Руси. Вверху надпись. «Я патриот!» Ниже назидательный вопрос: «А ты?».

Патриот громко, с набитым ртом втирал соседу:

— Да, я б этих америкосов хоть сейчас бы пошел перестрелял! Гады тупоголовые! Войну нужно! Как мы им задали во Второй мировой! Забыли?! Пора повторить!

Вернувшись в палату, Матфей лег на кровать, пытаясь удержать съеденное в желудке.

Мысли прилипли к патриотизму и не хотели соскакивать с темы.

Кто такой патриот? Сейчас внушают, что патриот тот, кто, не думая, умрёт за свое государство, за своего царя и его взгляды. Точно так же, как умирали: «За Родину! За Сталина!» Объединяют же патриотов, разжигая ксенофобию. Чужой приравнивается к врагу.

А враги, как внушает государство, всюду. Таким образом, искажается сама суть патриотизма, истинная основа которого любовь. Работает софистский метод подмены понятий. Вот и появляются национально настроенные патриоты, а по существу — бандиты, что не способны любить ни близких, ни соотечественников, ни культуру, ни язык, ни ту землю, что их взрастила. Ими движет лишь ненависть — эта ненависть не способна созидать, объединять и порождать жизнь — она разрушает и самого «патриота» и тех, кто впряжен с ним в одну связку.

Матфей сжал челюсти так, что, аж, зубы скрипнули. Поморщился. Как хотелось *сердцу высказать себя*, так чтобы другой именно понял тебя. Но *мысль изреченная есть ложь*. Не достучаться до других, как не бейся лбом об стену.

Выбита почва. Не за что зацепиться здравомыслящему человеку в России. Мы все тащим с Запада: идеи, производство, философию, политические модели, культуру... И, вместе с тем, тыкаем в него пальцем и орем, что он гниет. Говорим, что не хотим стать сырьевым придатком и вступать в ЕС. И раздаем фактически за бесценок свое сырье.

Проще всего поддаться всеобщей ослепляющей ненависти, чем признать горькую правду — нас опять надули, и мы превращаемся в большой, но пустой шар, что рано или поздно лопнет, потому что мы в своем надувательстве никак не можем остановиться. Людей ослепляет раздутое эго, но и страшно от внутренней пустоты. Проще зажмуриться и не видеть, не слышать, как натягивается жизнь, которая станет очередным пшиком в вечной трагедии, что зовется историей России.

В нос ударил сладковатый запах водки. Матфей приподнялся на локтях и посмотрел, что делает сосед. На тумбочке у того стояла большая, нет просто огромная бутылка, наполовину уже пустая, стакан и соленые огурцы в банке.

— Что это?!

— Огненная вода! Выпьешь со мной? — Егорушка одним махом опрокинул в себя полстакана, громко выдохнул и зачавкал огурцом.

Вытерев об себя руки, он взял оказавшуюся уже на его тумбочке акварельку, которую Матфей, уходя в столовую, оставил на столе.

— О, какая она ладненькая у тебя получилась. Совсем, как в жизни была!

— Нет! Нам нельзя пить!

Матфея выбесило, что старик захапал рисунок, даже не спросив. Он ведь еще его не отдал, да и вообще, отдавать не собирался. Не хватало еще, чтобы на нее старый хрен слюни пускал.

— Да ну! Я гляжу ты больно праведный! Не будь ханжой, а будь лапшой, ой! — на манер репера размахивая руками, вывел старик и громко икнул.

Достав из кармана трубку, набил её табаком. Закурил, пуская ровные кольца дыма в сторону Матфея.

Матфей заскрипел зубами и отвернулся.

— Маразм крепчает!

По мозгу ползла сетка электрических разрядов. Каждый импульс откликался болевым шоком. Боль поела все на своем пути, как ненасытная тварь разрасталась, пульсировала, разрывая, пыталась выбраться наружу.

Терпеть стало невыносимо. Матфей встал и вышел к посту медсестры.

Медсестра, наморщив лоб гармошкой, сосредоточенно раскладывала таблетки по мензуркам. Губы у нее беззвучно шевелились, отсчитывая дозы.

— Извините, — помявшись, решил он.

Женщина, неровно общипанная каким-то горе-парикмахером и от того напоминавшая взлохмаченного воробья, подняла вопросительный взгляд, в котором одна забота затухла, а другая еще не загорелась, и образовался зазор для равнодушной усталости и пустоты.

— Да?

— Э-э, можно мне обезболивающие, ну, от головы, пожалуйста? — чтобы не пускать в голос подвывающих ноток, он перекатывался с пятки на носок, крепко сжимая и разжимая кулаки. Однако на боль его физкультурные упражнения действовали мало, зато, должно быть, выглядели даже хуже скулежа, потому что воробьевидная медсестра тут же наполнилась беспокойным действием.

— Фамилию подскажи?

— Журавлев.

Она, водя пальцем по странице и шевеля губами, нашла его фамилию в журнале. Покачала головой.

— Извини, мой хороший, еще рано. Потерпи чуть-чуть, я через часик сама приду, — сочувственно вздохнула она.

подавив желание упасть на колени и расплакаться, Матфей развернулся и зашагал в палату.

Реальность расплывалась дымовыми кольцами, воняло алкоголем и табаком.

Матфей подошел и открыл окно. Жадно глотнул свежий, влажный воздух осени.

— Эй, меня же продует! — заплетающимся языком возмутился старик.

Матфей проигнорировал его.

И тогда ад грянул на землю — Егорушка запел. Отвратительным пьяным голосом, очень громко. Нестерпимо громко.

— Комбат-батяня, батяня-комбат, — вопил он. А потом перескакивал на: — Ой мороз, мороз! — И на: — «Отцвели уж давно хризантемы в саду». — Ни одну песню по сложившейся традиции он не знал целиком: — «Парней так много холостых, а я люблю женатого!».

Матфей готов был голыми руками задушить этого сумасшедшего!

— Заткнитесь! — рявкнул он.

Старик на секунду замолчал, а потом соскочил с кровати и стал бить чечётку.

— Калинка, калинка, калинка моя! — голосил он

— Старый черт, — бессильно простонал Матфей. В бешенстве соскочил с кровати и, схватив старика за грудки, хорошенько встряхнул. — За-мол-чи! — по слогам отчеканил он.

— А нам все равно, а нам все равно, хоть боимся мы волка и сову, дело есть у нас — в самый жуткий час мы волшебную косим трень траву! — с деланным испугом заорал Егорушка.

Вместе со звуком в лицо Матфею брызнули слюни и отвратительный кислый запах перегара, табака и квашеных огурцов с чесноком.

Матфей отпрянул от старика. Выскочил из палаты. Очень хотелось пожаловаться на этого клоуна, но двор в Матфея с детства вбил, что ябеды долго не живут. И он пошел в туалет.

Вернулся. Егорушка все еще перебирал свой репертуар. Матфей сдался.

— Черный ворон, черный ворон, что ж ты вьёшься надо мной? Ты добычи не дождёшься, чёрный ворон, я не твой, — начал старик.

Матфей тихо подхватил, прикрыв глаза:

— *Ты добычи не дождётся, чёрный ворон, я не твой.*

Старик убавил голос и подстроился на подпевку.

— *Что ж ты когти распускаешь над моею головой? Ты добычу себе чаешь, чёрный ворон, я не твой...*

Все в Матфее поднялось, расправилось. Стало легче, спокойней. Боль отступила, на душе просветлело. Захотелось поплакать, но присутствие старика сдержало подступившую волну.

Он вздохнул, открыл глаза. Перед ним стояла медсестра.

Матфей залился краской. Медсестра, шмыгнув носом, поспешно отвернулась, пряча слезы. Сделалось еще больше неловко.

Он не слышал, как она вошла. Старик наверняка видел, вот и замолк, а ему даже не гыкнул. Он этому Егорушке сегодня точно темную устроит и не посмотрит, что тот старпёр.

— Хорошо поёшь. Давай я быстренько тебе сделаю, а то заслушалась, а у меня еще таких — семеро по лавкам, — защебетала она, надламывая ампулу и набирая шприц. — Ты не переживай, тут врачи хорошие — вылечат тебя.

Она поставила укол и быстро вышла, к большому облегчению Матфея. К старику она даже не повернулась — видно и её он достал.

Егорушка на удивление смолчал.

Матфей встал, чтобы сказать этому провокатору пару ласковых, но с койки тут же послышался угрожающий храп.

— Ну и денёк! Такой сосед — ста стоит. Да и чёрт с ним! — махнул рукой Матфей.

Ему тоже захотелось спать. Он снова лег.

Матфею приснилась девушка в красном платье с сиреневыми глазами. Она пела ему о черном вороне и о смерти. А потом он провалился еще глубже, в другой сон.

Глава 1. Стучась в небесные врата (часть 2)

Из крана капает вода.

Жарко.

Вбегает в дом и пьет воду прямо из-под крана.

— Пши-ши-к!

Холодно.

Над ухом открыли шипучку.

Нет-нет, шипучка в ухе — это перекись капнули, и теперь она щекочется внутри. Она повсюду — в голове, в руках в ногах, он сам шипучка, что капает из крана.

— Кап-кап.

В трубе темно и слизко. Хочется капнуть себя на свободу.

— Кап-кап.

Он река — он течет вспять.

На дне темно.

Он выныривает в незнакомой комнате.

Ночь. В окно заглядывает красноватая луна и пятиконечные звезды. Они настолько большие и яркие, что кажутся не настоящими, а вычурными аппликациями.

Он привыкает к полумраку. На кровати сидит девочка, ее длинные, белые волосы, как будто дают дополнительный свет. Она устраивает на подушке рядом с собой тряпичную куклу и, подтыкая под нее одеяло, тихонько втолковывает ей:

— Вот, Гуленька. Вот так, лапочка, теперь не замерзнешь. Извини, что я одеяло с тебя стянула. Я во сне на драконе летала, вот и размахалась крылами.

Девочка вздрагивает всем телом, видимо чувствуя чужое присутствие. Она вся сжимается в комок от ужаса, подбирает ноги к самому подбородку, рукой прижимает к себе куклу.

— Кто вы? — дрожащим голосом спрашивает девочка.

Он открывает рот в попытке ее успокоить. Но понимает, что у него нет рта, нет лица, нет голоса и вообще нет тела.

Он — темнота этой комнаты. Липкая и холодная тьма.

Это кошмар, и нужно как-то проснуться. Но в том-то и кошмар, что он не может ничего сделать.

Слабо утешает, что девочка напугана вовсе не им, а шипящим в углу комком теней.

— Ши-и-Ши-и-и!

— Я вас не боюсь! — сжав кулаки, кричит ему в душу девочка.

Бойтся. И он бойтся. Хоть и сон. Барахтается, но тщетно.

— Ши-и-и-Ши-и-и!

Звук продирает до поджилок.

Матфей требует от себя проснуться, но не просыпается.

— Я под защитой Бога! Маман сказала, что Бог хранит меня!

— **Бог умер! Бог не воскреснет!.. [1]** — отчетливо заявляют тени.

— Кто вы? — повторяет она вопрос.

— *И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц?![2]*

Он съезживается. В голосах теней нет человечности — они по ту сторону добра и зла.

Девочка лихорадочно держится за спинку кровати, как за последний оплот защиты. Одной рукой прижимает к груди куклу.

— Нет, лукавый! — стиснув зубы, мотает головой девочка, от чего ее длинные белые волосы взметаются и светятся еще сильнее. — Не верую я в тебя! Жив Бог! Ибо верую я в него и в его царствование верую. Изыди, нечистый!

Девочка жмурится и, крестясь, отчаянно шепчет молитву.

Но, видимо, в этот момент бог, как обычно был занят более серьезными делами, чем слезами одного невинного ребенка.

Попытка девочки защитить свою куклу кажется такой настоящей, что сознание никак не может разграничить кошмар и реальность. Матфей же, хоть и понимает, что это всего лишь сон, зачем-то пытается помочь ей.

Силуэты теней делаются четче. В их очертаниях все больше угадываются образы нагих мужчины и женщины.

Мужчина и женщина шипят:

— Ящ-щик. Ящ-щ-щик!

Ассоциация подсказывает Матфею имя Пандоры. Девочка же в привычных ему ассоциациях — чистый лист. Она лишь испуганно переспрашивает:

— Какой ящик?

Вместо ответа мужчина и женщина тычут пальцами в тьму, и она, треснув, разлетается разбитым стеклом на осколки.

Осколки ранят тьму. Прорезают дыру в необыкновенный мир, сотканный из красок, отблеск которых на земле можно видеть разве что в небе при восходе и закате светила.

Он ежится и отползает вглубь комнаты — этот Эдем ему совсем не по душе. Он как в триптихе Босха «Сад земных наслаждений» — жуткий и совсем не вызывает желания туда попасть.

Нагие мужчина и женщина, вписанные во фрагмент сада, напоминают Адама и Еву с полотен эпохи Возрождения. Однако, взглядевшись внимательней, понимаешь, что они намного ближе к сюрре — пропорции слегка искажены, оттого кажутся наоборот правильнее и красивее, чем у обычных людей. Похожие меж собой, как брат с сестрой, но жестами и взглядами демонстрируя похотливое вожеление, они отталкивают. Совсем рядом с ними растет громадное гранатовое дерево, а под ним стоит ящик.

— Неужели это и есть окно в ад? — шепчет девочка.

Да, именно так выглядит ад. Красивый в целом, но уродливый в мелких деталях. В Матфее шевелится желание запечатлеть этот образ, чтобы потом отобразить его в гениальном шедевре, сделать то, чего не удалось самому Босху. Но он понимает, что стоит ему перевести внимание на девочку, образ сада тут же сотрется из памяти.

— Нет, в аду страшно, и черти жарят грешные души. А это не ад! Это рай! — оспаривает она себя.

Матфей хочет укрыть девочку от этого «рая» с ящиком и кривыми образами, спрятать. Он не понимает, почему она не видит очевидный подлог.

— Иди к нам! — зовут тени.

Она подчиняется. Безропотно встает с постели. Кукла падает из рук, но она этого не замечает.

Он всем своим «Я» пытается ее задержать, но лишь медленно плывет следом.

Девочка зачарованно идет по остывшему полу к странному видению. Но чем ближе она

подходит, тем дальше оно убегает.

Выманивает. Это ловушка — окончательно уверяется Матфей. Как же она не понимает, вроде не дуручка?

Девочка как загипнотизированная открывает двери спальни, спускается по лестнице. Открывает тяжелую парадную дверь. Шагает за порог.

Зимняя ночь дышит морозом. Тьма перетекает в холод. Он своим дыханием пытается остановить девочку, вернуть домой.

Маленькие следы детских ног проступают на снегу. Это он, колючий снег, жжет ее босые ступни.

Серебристый свет выхватывает из тьмы белокурые волосы, ветер сбивает их с лица. Они реют белым флагом во тьме. Это он, ветер, пытается вырвать ее из ловушки и вернуть домой.

Девочка, как на веревке, тащится все дальше от дома в стылую ночь. За снежной равниной проступает черная, налитая ночью, полоса хвойного леса.

Ветер в отчаянии стучит в окна усадьбы и, выбившись из сил, уходит, обиженно хлопнув ставнями.

***

Проснулся Матфей от навязчивого ощущения, что за ним наблюдают, и чьё-то не самое свежее дыхание щекочет кожу. Открыл глаза.

В палате сгустились предрассветные тени. Свет из окна сочился серый и угрюмый. Над Матфеем навис Егорушка.

От неожиданности Матфей вздрогнул, из горла вырвался непроизвольный крик. Старик отпрянул.

— Чаго это ты так кричишь-то?! Я, чай, не глухой! — ворчливо возмутился он.

— Какого черта вы тут стоите?! — простонал Матфей, садясь в постели.

Он провел рукой по вспотевшему лицу, задержав ладонь на подбородке, потер отросшую щетину.

— Дак скучно мне, и языком почесать не с кем, — грустно вздохнул Егорушка и нагло уселся к Матфею на кровать, покачивая короткими ногами в идиотских детских тапочках в виде ушастых заек. — Ты всё храпуна пускаешь, вот и дай, думаю, гляну: вдруг ты уже того — со смертушкой на покой ушёл. А мне этого никак пропустить не можно.

Матфей взял с тумбочки бутылочку с водой и сделал пару глотков. Вода оказалась теплой и безвкусной. Он плеснул немного в лицо, стараясь сбить неприятный сон. Но лишь намочил подушку. Одной рукой попытался поставить бутылочку на место, в то время как другой потянулся за полотенцем на спинке кровати. Полотенце соскользнуло на пол, Матфей отвлекся на него и промахнулся бутылкой мимо тумбы. Остатки воды пролились на пиджаму.

— Мертвецы не храпят, — проворчал Матфей, вытирая лицо добытым из-под кровати полотенцем и, перевернув мокрую подушку другой стороной, переложил ее повыше, чтобы удобней сесть.

— Кто знает? Ежели не упокоенные, то и не такие страсти творят, вон по телевизеру, я видал, как ходют они, значит, и требуют вкусить живой плоти.

— Ну, это же в кино?

Матфей наклонился, стянул с тумбочки карандаш и планшетник с прикрепленным к нему листом, стал по привычке чиркать, особенно не вникая, что именно, так, для

спокойствия.

— Вот и я говорю, что ходют и едят живых, а какая разница в каком месте, главное, что вкусно.

— Вы стебетесь? — Егорушка смотрел серьезно и наивно, Матфей не выдержал и добавил очевидное. — Как бы, разница есть!

— Не такая существенная, как ты думаешь, Матюша.

— Да, я так думаю. И все нормальные люди так думают, — хмыкнул Матфей.

— И как оно? Нравится быть среднестатистическим обывателем?

— Не жалуюсь.

— А зря, гениальность — это отклонение от нормы.

— Обойдусь без отклонений!

От Егорушки начинала кипеть голова. Матфей отложил набросок на колени и потер переносицу, старик цепко вгляделся в рисунок и заулыбался.

Матфей, проследив за его взглядом, вздрогнул, перед ним лежал портрет той самой девочки с куклой из сна, босой, в длинной ночнушке, а вокруг нее — лес и снег.

— А отклонениям обойтись без тебя уже никак не можно! — довольно захихикал Егорушка.

Старик не мог знать, что снилось Матфею. Скорее всего, Матфей проболтался о девочке, мямля во сне, старик же использовал подслушанное им таким мерзким способом. Ничего удивительного во всем этом не было, но все равно сделалось не по себе.

— Ой, да говорите что хотите, мне плевать.

— Эт все пустяки, — махнул сухонькой рукой Егорушка. — Я не о том с тобой говорить хотел, я вот чаго углядел-то, у тебя крестика нет! Не по-христиански это! Ты чаго в Бога-то не веруешь?! В твоём положении совсем негоже.

Матфей закатил глаза. Он терпеть не мог такие вопросы от истинно верующих, тем более в голосе старика слышалось осуждение, поэтому решил проверенным способом уйти от ответа.

— А вы верите? — задал он встречный вопрос, переключив внимание собеседника на себя любимого.

— Нет, не верую, — неожиданно честно признался Егорушка. Матфей поднял бровь с непониманием и некоторым облегчением рассматривая старика. — Я просто знаю, — добавил он, тут же разочаровав зародившееся любопытство Матфея.

— Одно и то же, — с досадой осознав, что рано обрадовался, пожал он плечами.

— Веровать — оно совсем не то, что знать-то, — настаивал старик.

— Библия — единственный документ, который подтверждает наличие бога, так? — решил озвучить свой беспроегрешный аргумент Матфей. — Но как верить тому, что само себе во всем противоречит?! Хотя бы на примере истории Адама и Евы. Разве в ней бог учит милосердию и прощению, наказав за проступок не только виновных, но и всех их потомков, хотя согрешили вовсе не они? Да и как согрешили-то?! Весь сыр-бор из-за яблока.

— С Адамом и Евой все было иначе. Дело не в яблоках, а в гранатах! Но, как бы оно ни было, плод — это лишь символ предательства! В этой истории все наоборот. Представь, что все было наоборот!

— Послушайте, я не хочу ничего представлять.

— А ты представь!

Матфей удивленно заметил, что у Егорушки аж нижняя челюсть двигается от

охватившего старика эмоционального волнения.

— Ну, ок. Все наоборот — не яблоки, а гранаты, — решив не спорить с шизиком, согласился он.

— Да, а из Эдема выгнали вовсе не Адама и Еву, а бедного Бога. И теперь Бог бездомный, вынужден бомжевать среди людей и не может вернуться домой.

— Ну что за чушь?! — надолго терпения Матфея не хватило. — Не знаю, где вы этого нахватались, но это называется ересь, а ересь — это грех, если уж вы верознаете там чего.

— Никакие это не ереси! Кто писал библию?! — заорал Егорушка. — Кто писал?!

— Ну, апостолы! — в тон ему заорал Матфей.

— Во-о-от, апостолы. А апостолы — это кто?

— Кто?

— Люди! Историю пишут победители! Люди победили бедного бога.

— Ну и как же это случилось?

— Ужасное вероломство. Но я не вспомню как. Забыл. Однако у меня есть ряд основательных предположений.

— Хорошо, а доказательства? Хотя бы в качестве логического ряда? Откуда, к примеру, взялись тогда на земле люди, если не от Адама и Евы?

— Так от них же и взялись! Какие дети рождаются от грешного союза брата и сестры — уроды! А зачем в Эдеме уродливые больные дети, чей век недолог и мучителен? Зачем привязываться к ним, зная, что они умирают, а ты — живешь вечность. Вот их тоже в мусор, вслед за бедным богом.

— Послушайте, мне уже не по себе от ваших причуд, просто давайте, проехали, а?

— Ну, нет, — чмокнув беззубым ртом, Егорушка продолжил втирать свои бредовые соображения. — Ты вот от веры факты, доказательства требуешь, а их в вере нет и быть не может. Вера — на любовь похожа по своей природе и свойствам. Они рождаются и живут не тут, — он постучал указательным пальцем по виску, — а тут! — положил ладонь на грудь.

Матфей удивленно подметил, что весь странный говор у старика исчез окончательно. И ему сделалось еще больше не по себе. Очевидно, что перед ним псих. А вдруг у него тоже опухоль, и Матфей скоро станет таким же повернутым? Или уже стал?

— Вера иррациональна, — продолжал между тем старик. — Как и любовь, они обе не поддаются логическому осмыслению. Как только в любви и вере пытаются выискивать доказательства и факты, это уже что угодно, но не любовь и не вера.

— Любовь легко объясняется гормональным сбоем, — раздраженно перебил Матфей, вспомнив один блог на эту тему в ютубе. — Это лишь сбой в организме, болезнь. Она длится не больше полугода. Что касается всего остального в дальнейшем, то это лишь установка и совместимость характеров.

— Не-е, гормоны — это не любовь, это секс. А секс без любви быть вполне может, как и любовь без секса, значит, они не тождественны друг другу. Ты все пытаешься осмыслить, как католический монах. Сколько сил они положили, чтобы веру свою рационализировать. Сколько бумаги извели, сколько голов переломали, сколько людей перебили... Дошли до того, что отношения с Богом чуть ли не через суд решали. А итог? От веры там ничего не осталось: одна религиозная форма, под которой гнет, разврат, жестокость, злодеяния. Взять хотя бы деятельность инквизиции, крестовые походы, поддержку нацистов и прочие грехи, что не искупить уж. Православие в этом плане чище. Эта, мистическая ветвь христианства, веру всегда принимала на веру, без осмысления и усложнения. Когда любишь, ведь любишь

не за достоинства, а вопреки недостаткам. Так и верующий слеп в вере своей, как влюбленный в любви. Отсюда: как нельзя объяснить любовь, так нельзя и веру объяснить.

— Если судить по всем этим религиозным фанатикам, которые требуют сажать людей за репосты, то и вера, как и любовь, всего лишь болезнь. А все остальное — романтическая хрень, чтобы цветы и иконы лучше продавались.

— Тут ключевое слово — «религиозный фанатик». Верующий человек не станет никого сажать. Он подставит, как Христос, вторую щеку, потому что верит в силу прощать и не способен ненавидеть. Между религией и верой иногда такая пропасть, какой нет между верой и безверием. Религия порой уничтожает веру, как институт семьи порой уничтожает любовь. Хотя их задача наоборот — сохранять и умножать это.

— Самая сильная эмоция, а это научный факт, длится 12 минут, а средняя — две три минуты, — Матфей подумал, что он опять вляпался по уши в ненужный и абсолютно бессмысленный спор. — Все остальное — настроение и установки. То, что себе накрутили сами люди.

— Ох уж мне эта наука, порой хуже религии. Наука ваша мир объяснить бессильна и тем более человеческую душу. И меня радует, что бессильна. Тебе бы дорасти до понимания всего этого. Жизненный опыт нужен. А времени у нас нет, так что созреешь, надеюсь, в процессе.

— Ну ок, не дорос я. Глупенький и маленький, — пожал плечами Матфей.

Его всегда бесил возрастной аргумент, который вбивают со школы: я же старше, значит, умнее, значит — всегда прав.

Ни фига это так не работает. Ни фига!

Если бы это было так, то нужно было признать, что права и его училка по математике, которая постоянно орала на Матфея, что из него ничего не выйдет и он придурок, только потому что Матфей не мог сидеть на уроках спокойно и чиркал на полях тетрадей зарисовки. Матфей же в этой тупой системе «старше, а значит умнее», каждый раз топал к завучу и слушал угрозы в духе: «Мы вызовем твою маму в школу!» На Матфея это действовало, и он неделю ломал в кулаках пальцы, чтобы не сорваться, а потом опять срывался, и тогда рисунки занимали далеко не одни поля. От чего математичка визжала: «Это ты назло мне!» Но ведь от того, что она это визжала взрослым голосом, это не становилось правдой или чем-то умным с её стороны.

— А девушка-то хоть есть?

— Нет, — отрезал Матфей.

И отчего-то кольнуло. Вспомнилась Аня с её бабочками, которых она вывела у себя дома, собирая осенью гусениц на улице. Аня — королева бабочек, как он подсмеивался над ней. Давно это было и не серьезно, еще в школе. Он о ней уже много лет не вспоминал. Думать забыл, как только из жизни вычеркнул. А сейчас чего вспомнил? Сам понять не мог.

— Хотя бы та, о ком есть что вспомнить?

— Да отстаньте вы, — разозлился Матфей. — Вас это не касается.

— Значит, не познал ни веры, ни любви. Вот плохо! И почему они тебя выбрали? — подвел итог Егорушка. Сложил вместе ладони и, поочередно постукивая подушечками пальцев, медленно двигаясь от мизинца к большому и обратно, спросил с наигранной строгостью в голосе: — И чем ты занимался все эти годы?

— В комп рубился и порно смотрел, — зло отбрил Матфей, отложил почеркушки, зевнул и демонстративно повернулся к старику спиной так, чтобы тому было видно его зад,

голову же при этом накрыл подушкой.

Егорушка крикнул, но благоразумно встал и, на этот раз хлопнув дверью, вышел.

Матфей обругал себя — тоже нашел, с кем спорить и на кого обижаться — на выжившего из ума старика.

Однако сомнения уже ухватили свою пищу и отпускать не хотели. Может, он и вправду как-то не так прожил свой двадцать один год, вот и жалится поднятая со дна обида. Обида на себя, а не на глупого старикашку.

Всегда казалось, что всё впереди. День начинался с того, что будет завтра или что было вчера, но не с того, что есть сегодня.

И вот однажды он понял, что завтра может не быть.

Нет, Матфея это не изменило, он все так же жил или тем прошлым, где он был здоров, или тем будущим, где будет здоров. Времени всегда было только два: прошедшее и будущее. А куда девалось настоящее? Он будто сам у себя его украл.

Ему было и жаль, и не было жаль прожитого времени.

Не жаль, так как он точно знал, что предложи ему прожить все заново, он прожил бы точно так же. Все, что он прожил и то, как прожил, сделало его тем, кто он есть сейчас. Не то чтобы он очень уж себе нравился, но быть кем-то другим не хотел.

И да, жалел, так как знал, что хотел бы стать кем-то другим, и предложи ему прожить жизнь заново, он сделал бы это иначе, чтобы больше себе нравиться.

Парадоксально, но всё так: «да» и «нет» жили в одной связке, в мире и согласии, не противореча друг другу.

Если бы не мама и его обещание ей, что он будет бороться до конца, если бы он был чуть посмелее, он, пожалуй, сделал бы так же, как герои его любимого фильма «Достучаться до небес» — потратил бы последние дни, чтобы поехать на море. Возможно, он даже решился бы украсть с собой Аню. Он увез бы её туда, на край света и, сидя на берегу, пересказал тот знаменитый диалог из фильма, что зазубрил наизусть еще в школе: *Стоишь на берегу и чувствуешь соленый запах ветра, что веет с моря... И веришь, что свободен ты и жизнь лишь началась... И губы жжёт подруги поцелуй, пропитанный слезой... Пойми, на небесах только и говорят, что о море. Как оно бесконечно прекрасно... О закате, который они видели... О том, как солнце, погружаясь в волны, стало алым, как кровь... И почувствовали, что море впитало энергию светила в себя... И солнце было укрощено... И огонь уже догорал в глубине... А ты? Что ты им скажешь? Ведь ты ни разу не был на море... Там, наверху, тебя окрестят лохом...*

Да, он бы ей об этом рассказал, и она бы его поняла. Она бы всё поняла. Аня не такая, как остальные девушки, она бы не осудила, не обвинила в эгоизме, не стала бы закатывать истерик. Она бы положила голову ему на плечо, обняла, и они бы вместе любовались, как солнце тонет в море.

Он вспомнил, как они когда-то давно вместе смотрели этот фильм «Достучаться до небес» у него дома. Им было по пятнадцать, в конце она уткнулась ему в плечо и плакала долго так... Тогда ему тоже хотелось заплакать, но он не мог, поэтому он подсмеивался над тем, как плачет она. А она и не думала обижаться, она все равно доверчиво плакала ему в плечо.

Он взял наушники и врубил знаменитую песню Боба Дилана «Knockin' On Heaven's Door». И, стучась в небесные врата, заснул.

[1]Ф.Ницше «Весёлаянаука»

[2] Продолжение цитаты

Глава 2. Жизнь без боли (часть 1)

Курилка прокурена настолько, что можно и не вытаскивать сиги, а просто заглотнуть пару вдохов едкого дыма, получив нужную порцию отравы, но кайфа от этого никакого. Поэтому Илья сел на свободное место, достал пачку и вытащил из неё сигарету. Щелкнул серебряной зажигалкой в форме черепа, пустые глазницы вспыхнули красным. С удовольствием медленно затянулся, ощущая горьковатые щекотки в горле и, закинув голову, выпустил кольцо дыма в неоштукатуренный потолок.

Здесь было прохладно после горячки танцпола. Оглушительный грохот музла, крики толпы и слепящие неоны притухли, уступив место интиму одурманенных смешков и пьяных поболтушек, что заканчивались либо драками, либо бурным сексом в туалете.

Илья лениво скользнул взглядом по собравшимся. Лица, смазанные плотной завесой дыма, выглядели одинаково тупыми.

Двери открылись. Вошла телочка и рассеяла сизый туман своими прелестями. В ней легко было узнать одну из танцовщиц, что денсили гоу-гоу в золоченых клетках, чтобы завести толпу. Обычно эти райские птички выходили оттуда только под охраной.

— Такие люди и без присмотра! — присвистнули парни.

Образ, созданный для того чтобы возбуждать, естественно, возбудил, и оживленная мужская фантазия бурно пожирала едва прикрытое тело. Наряд не скрывал, а лишь подчеркивал аппетитные формы: короткий топ, под которым угадывались торчащие, крупные соски, джинсовые шорты едва прикрывали попу, длинные ноги на высоченных каблуках перекрещивались в уверенной кошачьей походке. Яркий макияж подчеркивал гламурную кукольность внешности.

— Лапочка, иди ко мне! — игриво заулыбался белозубый альфа-самец, поигрывая бровями.

Девушка в ответ улыбнулась и смерила его оценивающим взглядом.

— Тебе даже час моего общества не по карману, милый, — с презрением резюмировала она и прошла мимо, не достаивая более ответом ничей выпад.

Её блуждающий взгляд остановился на Илье.

Илья косо усмехнулся. Кривая усмешка шла ему, он это знал. С Лилькой был знаком давно — еще со школы. Ради него она и спустилась со своего Олимпа к грешным людям, что грозило ей потерей работы. На кукольном лице отразились и радость, и страх, и отчаяние. От таких противоречивых чувств черты её скривились в отталкивающую гримасу, сделав девушку, при всей её привлекательности, поразительно несимпатичной.

Лилька стремительно подошла к Илье, сев ему на колени, прильнула полуобнаженным телом к его груди. Он лениво обнял её свободной рукой, в другой продолжая держать сигарету.

Она, наслаждаясь близостью, по-кошачьи прикрыла глаза. Жадно вдыхая запах дорогого парфюма, стала целовать его шею, оставляя на мраморной коже фиолетовые отпечатки губ. Ее руки беспокойно ласкали его.

Он продолжал курить.

— Значит, не показалось! Как давно я тебя не видела, Илья, — мурлыкала она ему в ухо. — Где же ты пропадал?

— I was in Europe, — ответил он и, морщась, раздраженно добавил: — Помада —

отстой.

Достал из кармана влажные салфетки и протянул Лильке. Она тщательно стерла следы с его кожи и, сняв остатки блеска со своих губ, бросила испачканную салфетку в пепельницу.

— Сорян, забыла, что тебе не нра помада. Новое тату? — кивнула она на штрих-код с левой стороны шеи. — Что значит?

— Бессмысленность всяких значений, — насмешливо изрек он, явно не собираясь отвечать нормально.

Лилька нахмурилась, сглотнув обиду, но тут же игриво качнула головой. Заулыбалась, обнажив ровные зубы с модной щербинкой посередине, слегка перепачканные остатками фиолетовой помады.

— Плиз, дай сижку, — попросила она, зазывающе растягивая слова.

— У меня есть кое-что поинтереснее, — он сделал едва уловимое движение и незаметно для остальных показал ей зип-пакет с белым порошком, тут же пряча его обратно в карман. — Взорвем пальмы?

Игривое настроение девушки сменилось напряженным испугом. Лилька поникла, нервно передернув плечами.

— Илья, — неуверенно протянула она, — я завязала. Мать болеет, недавно инфаркт был. Понимаешь, я ей обещала, — грустно опустила она нарощенные реснички, сразу став уязвимой и хрупкой. Образ барби дрогнул, и наружу прорвались черты маленькой, беззащитной девочки.

— Understand, детка, — лениво протянул Илья, окончательно теряя интерес к происходящему.

— Мальчик мой, — зашептала Лилька с надрывом, с обожанием, еще крепче обвив его шею руками, словно боясь, что он сейчас выскользнет. — Это же неважно...

— Ты знаешь, что мне нужно, — заметил он, высвобождаясь из её объятий. — Найду другую...

Он встал и двинулся на выход, попутно поправляя розовую футболку от «Iceberg».

— Илья, зачем ты так?! — закричала Лилька со слезами в голосе, вцепившись в его руку. — Ты мой! Мой! И никуда не уйдешь!

— Рили собираешься агриться тут?

Илья выдернул руку из её пальцев. На его белоснежной коже остались царапины от длинных ногтей Лильки. Он достал салфетку и скрупулезно стал вытирать ранки. Казалось, это занятие поглотило все его внимание.

— Ты не можешь постоянно поступать, как мудака! — с запалом продолжала она, сжимая кулаки. — Ты не кинешь меня!

Вокруг образовалась стайка защитников, готовых, как один, на групповой подвиг ради прекрасной дамы в надежде на личное знакомство.

— Он тебя обижает?! — с вызовом спросил один из здоровых парней.

Разминая кулаки и похрустывая шеей, он оценивающе скользнул взглядом по Илье.

Илья со скучающим видом продолжал обрабатывать царапины, никак не реагируя на агрессию. Наконец он выкинул салфетку. Задумчиво посмотрел в глаза здоровяку и с медленно расплывающейся улыбкой Джокера поинтересовался:

— Фо рилзис, хочешь заступиться?

Парень инстинктивно попятился, но своя же трусость разозлила его. Расправив плечи и

задиристо кивая головой, он выдавил:

— Хочу! Выйдем?!

Лилька повернулась к заступнику. Её глаза обратились в узкие острые щелки. Тонкие крылья носа яростно раздувались.

— Я тебе шары выцарапаю, если его тронешь! Чего тут встали, уроды?! — истерично заорала она.

Чары её красоты рассеялись. Наружу проскользнуло что-то безумное.

Такая сцена может выглядеть привлекательно разве что в голливудском кино, в реальности же сумасшествие отталкивает и пугает.

— Ясн, — сделал вывод несостоявшийся заступник, растерянно проводя пятерней по волосам.

— Два психа, — пробурчал другой на заднем фоне, и защитники ретировались за дверь.

— Только ради тебя, давай! — со злостью зашипела Лилька в ухо Илье. — Но ты когда-нибудь заплатишь за то, что делаешь со мной!

— Камон, ты сама хочешь, иначе бы и дальше играла в женщину-кошку с этими крысами, — спокойно ответил он, вкладывая ей в руку зип-пакет.

Истерично бьющий свет урывками выхватывает из темноты танцующих людей, отчего движения разбиваются на мерцающие микро клипы. Музыка пронизывает собой всё и долбит битами по вспотевшим телам на танцполе, заставляя их дергаться быстрее и хаотичней в бешеном ритме.

Здесь так красиво, я перестаю дышать.

И звуки на минимум, чтобы не мешать.

Эти облака — фиолетовая вата....

Лильке весело, все кажется необыкновенно ярким, сочным. И жизнь, как легкое дыхание... Она скользит по музыке, обвивая всем телом Илью. Илья кажется другим: более теплым, более близким, но ей хочется еще ближе...

Девочка — пятница не хочет быть сегодня одна.

Какая разница, где я. Не отвечаю на номера.

Можешь даже не набирать. Можешь даже не набирать.

Я хочу угорать, я хочу угорать.

Лилькин запах, дыхание и учащенный пульс действуют на Илью возбуждающе. Лилька жметя к нему, от чего он ощущает затвердевшие соски под её топом. Тело горячее: оживает под руками, выгибается, вибрирует потоками готовности отдаться. Зрачки расширены, отчего слегка покрасневшие глаза блестят и кажутся черными, она часто дотрагивается до кончика носа и смеется.

Илья закрывает глаза, наслаждаясь своими ощущениями и их силой. Ощущая, а не имитируя ощущения.

Твои кенты-лошки, а я без башки,

Мы не будем играть в "Кошки-мышки".

Твои ладошки уже далеко зашли.

Я хочу тебя, а еще хочу сижку. [1]

— Ты такой красивый, — говорит она сквозь музыку. — Как ангел! И мой!

Илья не слышит её бессвязных бормотаний. Сейчас он сосредоточен на себе. Он хочет её, желание искрами ползет по телу и сбивает дыхание. Больше медлить нет смысла.

Он тащит её туда, где может быстро дать выход назревшему желанию.

В кабинке туалета тесно. Она разгоряченная, её тело давно готово принять его. Илья не церемонится и не тратит время на лишние прелюдии. Он надевает презерватив. Все происходит быстро, она кричит — грубость заводит её, приходится зажимать ей рот рукой.

Илья брезгливо моет руки, с раздражением глядя в зеркало, висящее над раковиной, на застывшую за спиной Лильку. Она бледной тенью стоит позади него, и никак не понимает, что в мужском туалете тёлкам не место.

— Илья, мне плохо, — она прижимает руки к груди. — Мне очень больно, — по щекам у неё текут слезы. Косметика расплзается по лицу некрасивыми разводами. Она с мольбой смотрит в зеркало на Илью. — Ты же учишься на врача. Помоги мне, что-то с сердцем, в груди жжет.

— Похоже на инфаркт, — равнодушно бросает он через плечо.

— Помоги мне. Вызови скорую! Позови кого-нибудь! Помоги... — голос её слабеет, она обессилено сползает по стене.

Илья с неприязнью смотрит на сушилку для рук — источник дополнительных микробов, достаёт салфетку и тщательно вытирает руки.

— Пока, Лиля.

Илья разворачивается и выходит в бешеный поток.

— Выродок! — побелевшими губами шепчет ему вслед девушка.

На улице осень. Сырая, поздняя, ожидающая снега, чтобы прикрыть старческую дряхлость увядания.

Тишина после клубного шума ударила по ушам. Реальность слишком резко проявилась во всей полноте бытия, так что захотелось её из себя вытошнить.

Илья застегнул куртку. Достал сигарету, закурил, посмотрел на часы Omega — время 3:42 ночи.

— Ша, кипишь будет, — послышались сзади голоса, выходящей из клуба компании.

Илья обернулся.

— А чё там случилось-то? — спросил тощий неформал, доставая сигарету.

— Да девка в туалете, кажись, очоурилась или чуть не очоурилась, — затягиваясь, ответил паренек в нелепой зеленой шапке-ушанке, рука с обгрызенными ногтями подрагивала.

— Чо, кто-то убил? — обеспокоенно пропищала девушка с сережкой в носу.

— Да не-е, под наркотой, скорее всего, — пожал плечами зеленоголовый.

Илья пошел к машине, пикнул, снимая сигналку. Дверца щелкнула.

Мать ненавидела звук, с которым открывалась и закрывалась его машина, и все порывалась уговорить Илью на новую. Но Илья, если и думал поменять свой гелик, то явно не на предлагаемую мать, якобы самую безопасную машину в мире — Volvo. Он не знал, в каком веке и от какого нищоброта она слышала, что этот дешевый хлам надежен и безопасен, но приставала к нему довольно регулярно — значит, какой-то очередной любовничек надоумил. Илья же присматривался к толковым тачкам вроде А8-ой, ну или мерса AMG, на покупку которых мать категорически не соглашалась. Опять же под чьим-то дурным влиянием, до которого у Ильи никак не доходили руки, мать решила, что Илья слишком избалован и в воспитательных целях пыталась ограничить его расходы.

Ничего, совсем скоро он перестанет зависеть от её денег.

До дома минут пятнадцать езды по пустым дорогам еще не проснувшегося города, но он решил покататься, пока гаишники спят.

Щелкнул центральным замком. Нажал кнопку старт и вжал педаль, разгоняя гелик по максимуму, где-то в глубине себя желая разбиться.

***

Подмороженная земля хрустела под ногами. Обманчивый лед ломался, ноги проваливались в лужи. Сердце колотилось в ушах. Промозглый холодный воздух резал легкие. В бок колело. Но Аня продолжала бежать, волоча за собой двух испуганных детей.

Вадик споткнулся.

— Вставай, Вадик! Быстрее! — скомандовала она.

Чувствуя в руках предательскую слабость и дрожь, Аня торопливо подняла мальчика с земли, автоматически пытаясь отряхнуть грязь с его куртёнки, но вместо этого лишь размазала сырые комки по одежде и испачкала руки.

Мальчик хныкал, пытаясь ответить, но спазм в горле мешал ему выдать слова, и лишь плаксивое: «МА» все же продиралось к Ане в душу.

— С Валькой всё нормально! Она убежала вперед нас! — раздраженно, в который раз объяснила Аня брату.

Она ненавидела мачеху. Та, заварив кашу, свалила, даже не подумав о своих детях. Привязанность брата к непутевой мамашке всегда выводила Аню из себя.

— Давайте, Ариш, Вадик, — повторяла она, поглядывая по сторонам. — Немного осталось, потерпите.

Аня снова схватила детей за влажные ладошки и потащила в темноту.

Вадик прихрамывал, да и ей, в промокших насквозь комнатных тапках, бежать было неудобно и холодно. Она только и успела схватить детские сапожки и куртки, и наспех одеть Вадика и Аришку.

Хуже всего то, что бежать им некуда.

Да и не бежали они уже вовсе, а так... Метались по темноте. Бежать больше просто не было сил.

Колотилось сердце, мешая думать, и предательские слезы вставали комком в горле.

Она завернула за гараж и остановилась, чтобы дать перевести дух себе и детям и подумать, что делать дальше.

Погони было не слышно.

Аня выглянула из-за гаража: даже если отец рядом, в этой проклятой темноте ни черта не рассмотреть ни ему, ни ей.

Скорее всего, он потерял их из виду и уже давно дрых дома, как это обычно с ним и бывало.

Наверное, уже можно вернуться?

Да, точно, все уже позади. Они оторвались. Давно уже не слышно ни трехэтажных матов, ни пьяного сопения за спиной.

Он, поди, уже спал в теплой квартире, а она тут понапрасну морозит Аришку с Вадиком.

А если нет? Если он ждет их у подъезда, сжимая нож, за который у него появилась привычка хвататься? Вдруг он снова набросится на них?

Стал накрапывать дождик. Противный, мелкий, холодный дождик-предатель.

Вадик опять простынет. Вот уже зашмыгал носом... А нет, это она сама, — удивленно поняла Аня.

Посмотрела на испуганных, притихших Вадика и Арину. Посмотрела на свежий синяк у Вадика на скуле.

Как отец мог ударить Вадика? Вадика еще нет и шести. Как же он мог его ударить?! Что теперь делать, если его лапы и до Вадика добрались?

Но делать особо нечего. Выхода нет, и рассвет не скоро.

— Очень тихо, как мышки, идем обратно, — решила она.

— Не хочу! — насупилась Арина. — Я боюсь вашего папы!

— Он уже спит, Ариш.

— Не хочу! — Арина выдернула ладонь из Аниных рук и упрямо набычилась, скопировав гримасу своей недалекой мамы, от чего Аню покорило.

Аня прикрыла глаза и досчитала до пяти.

— Подойдем к дому, — как можно спокойней выдохнула она. — Я пойду первой, проверю, а вы меня подождете за углом. Хорошо?

— А если он тебя побьет?! Если он там?!

— Не побьет! — строго отрезала Аня.

Путь обратно, как каторга.

Дождь зарядил. Зашли в круглосуточный магазин погреться. Наташили за собой грязи. Продавщица недовольно осмотрела их. Вскоре и администратор стал коситься, нервно перекручивая в руках цепочку.

Аня зло обменялась с ними взглядами, готовая в любой момент дать отпор.

— Деточка, — Аня вздрогнула, подняла голову на скрюченную старушку с сеткой и костыльком, что, рассчитавшись на кассе, подошла к ним. — Ты тут бережешься, да? Меня муж тоже по молодости, ой, гонял, ой, гонял, паразит. Как вспомню, так вздрогну.

Аня скрестила дрожащие руки на груди. Стыдно сделалось, но старушка смотрела по-доброму и будто впрямь понимала, и она кивнула:

— Отец буйный у нас.

— Некуда вам деваться, да? — старушка поставила сетку на столик для сумок и оперлась обеими руками о костыль. — Так, ко мне пойдете. Времена сейчас нехорошие, и веры у нас друг в дружку нет, да и махнем на это. Я — старуха, одна живу, с меня, кроме плохих анализов, ничего не возьмешь, с вас, гляжу, тоже. Квартирка у меня махонькая, но все ж лучше вам будет, чем по улице шастать в такую-то погоду. А эти вон уже глазищи наточили на вас — прогонят.

Аня, подумав, снова кивнула и взяла сетку с продуктами. Выбора особо не было, а старушка располагала к себе. Вместе с ней они поднялись в небольшую, но уютную и чистенькую квартиру, которая находилась в том же доме, что и магазинчик.

— Меня баб Люся зовут, — прислонив костыль за дверь, представилась старушка и стала, покряхтывая, разуваться.

— Аня, а это мой брат Вадим и сестра Арина.

Все трое одновременно шмыгнули носами. От чего всем тут же сделалось смешно.

— Ты, давай, скидывай с них все сырое, в машинку закинем, а деточек — в ванну. И сама давай, я — сейчас, у меня там халатик есть, тебе как раз впору будет, а деткам футболки найдем, наденут, как ночнушки.

— Н-н-не хоч-ч-чу, в ноч-ч-ч-нушке, как девч-ч-чонка, — насупившись, выдавил Вадик.

— Девчонка? — спустив очки на кончик носа, удивилась баба Люся, строго посмотрев на Вадика. — Враки. Сорочка — это мужской наряд. Это потом женщины за мужчинами повторять стали.

Вадик вопросительно поглядел на Аню, мол, правда? Она кивнула — правда.

— Вечно ты, Вадик, как маленький! — недовольно буркнула Арина.

— Сама ты м-маленькая...

— Эх, сама ж еще девчонка, а детки — на тебе уже, — сочувственно глядя на Аню, вздохнула баба Люся. — Уж не обессудьте, но спать я вам на полу постелю.

— Спасибо, нам на полу хорошо будет, — улыбнулась Аня.

[1]Элджей и Федук «Розовое вино».

Глава 2. Жизнь без боли (часть 2)

Осенняя ночь подморозила асфальт, покрыв его тонким слоем льда. Машина рычала и подпрыгивала, мчась по еще пустым улицам, как реактивный бомбардировщик. Повизгивала на поворотах.

Еще бы мигалки сзади подцепить — вообще было бы кайфово погонять с ментами наперегонки. Мусора ни за что бы его не догнали на своих древних ведрах.

Илья смутно видел дорогу. Он вдавливал газ, то и дело прикладываясь к стоящей рядом бутылке виски. В салоне гудела музыка, в уши забивались удары басов:

Не подходи сюда, слышишь?

Я мертв, будто молодой Вишес.

Она говорит: «Я хочу на тот свет,

Ведь лишь там с тобой снова увижусь»...

Он проворонил поворот. Запоздало надавил на тормоза и выкрутил руль. Гелик опасно дрифтнул. Колеса потеряли сцепления с дорогой.

... Ты бежишь в тепло, я с холодом на ты.

Холод и есть я, из-под ребёр дым...

Машину занесло и криво поволокло юзом в сторону обочины. До затуманенного сознания медленно докатилось, что нужно вновь переставить ногу на газ, но машина была слишком тяжелой и больше ему не подчинялась.

Поздно. Удар. Забор. Скрежет металла.

Я замораживаю всё.

Всё, к чему я прикасаюсь. (...).[1]

Илью сильно дернуло на ремне и долбануло лицом об раскрытую подушку безопасности. Все съежилось и потемнело.

Очнулся. Открыл глаза. Облизал солоноватые губы. Машинально провел ладонью по лицу. Пальцы окрасила кровь.

От хлопка раскрывшейся подушке безопасности в ушах стоял гул, Илью как будто слегка контузило.

Он выкарабкался из машины на свежий воздух. Оглядел изрядно пострадавший Гелик. Триплекс был весь в трещинах и местами осыпался в крошку. Вся бочина разбита вдрызг.

Обходя автомобиль, случайно увидел в боковом окне свое отражение. Из носа струилась кровь, заливая лицо и куртку от Balenciaga. Кроме того, он умудрился обо что-то раскроить себе лоб.

Илья брезгливо вытащил из раны кусок металла. Достал из кармана салфетки, осталось всего две. Рука слушалась плохо, вполне возможно, что перелом или трещина. Рана на лбу глубокая, скорее всего придется накладывать шов, машинально отметил он.

Задрал голову, зажал одной салфеткой нос, а другой порез. Кровотечение приостановилась.

Снова залез в машину на пассажирское сидение. Пошарив в бардачке, нашел пластырь, наскоро заклеил лоб. Усмехнулся. В целом легко отделался. На такой скорости ему легко могло бы сломать все лицо о подушку безопасности. Да и вообще всякое могло быть...

Он поморщился. Придется вызвать такси и эвакуатор для этой груды металла.

Илья подумал, что купит себе, наконец-то, новенькую А8-ую, однако тут же вспомнил мать и понял, что, скорее всего, это будет все-таки Volvo.

Позвонил знакомому, попросил организовать ему эвакуатор так, чтобы тот как можно быстрее и тише зачистил следы. Пообещал хорошенько отблагодарить. На том конце провода недовольный сонный голос сразу взял услужливую тональность, заверяя, что все сделает в лучшем виде.

Вызвал такси. Закурил. Посмотрел в еще темное небо и пустил в него харчок. Тот, описав дугу, приземлился в подмерзшую лужу.

Крутанулся на льду, в найках было холодно, и не прикрытые короткими джинсами голени задеревенели. Он снова глянул на небо и показал ему фак.

Такси приехало быстро — в пять утра дороги еще пустые.

Илья сел на заднее сидение. Таксист испуганно на него покосился и заглушил мотор.

— Эээ, парень, может скорую? — начал он, нерешительно поглядывая то на пассажира, то в окно, на разбитый гелик.

— Нет, обычная ссадина. Let's go.

— Не, парень, не пойдет, не повезу! Выходи! Ты вот тут окочуришься, значит, а я, значит, потом хлопот не оберусь, — ворчливо забормотал себе под нос таксист, упрямо демонстрируя нежелание трогаться.

Илья, не скупясь, сунул ему, припасенную для таких случаев наличку, и водила дал по газам, не заботясь более о здоровье своего пассажира.

У подъезда Илья понял, что забыл ключи в машине. Он набрал номер квартиры на домофоне, послышались монотонные гудки.

— Кто? — наконец, раздался сонный женский голос.

— Я.

— Кто, я? — недоверчиво переспросила женщина.

— Илья.

Домофон звякнул, дверь открылась. Консьерж мирно посапывал, сложив голову на руки.

Лифт медленно тащил Илью наверх. То и дело темнело в глазах, но боли, как всегда, не было. А так хотелось порой ощутить боль...

Механический голос лифта объявил: «тридцать второй этаж — пентхаус».

Их с матерью квартира занимала два верхних этажа башни небоскрёба в центре. Размеры жилища позволяли Илье не пересекаться с матерью, что устраивало обоих. Илью еще больше устроило бы жить отдельно, но мать категорически не соглашалась. Из чистого упрямства, конечно. Слишком вжилась в роль образцовой мамыши. Илье же было плевать — есть она или нет, поэтому он особо не настаивал.

Мать, хмуро скрестив руки на груди, с откровенной неприязнью разглядывала входящего сына. Как только она разглядела Илью получше — раздражение и недовольство сменились тревогой.

— Что опять случилось?! Тебе нужен врач! — начала она, идя следом за Ильей через

огромную гостиную, увешанную картинами. — Я позвоню, Олег, придет!

— Справлюсь. Просто потерял много кровушки, ща зашьюсь, — устало отмахнулся Илья.

— Илья, ты... Ты же знаешь... Ты болен, — попыталась уговорить она сына. — Ты не можешь оценивать все, как нормальный человек.

— Да, вообще изи! Если ты помнишь, я учусь на врача, — отстраненно заметил он.

Илья зашёл на кухню, тщательно вымыл руки, снял пластырь, промыл порезы и ссадины на лице. Потом взглянул в зеркало. Вокруг глаз наметились два синяка, так называемый эффект очков. Присмотрелся к зрачкам — это было нелегко, потому что глаза у Ильи были такими черными, что контуры зрачков едва намечались.

— Илья, это не то! Тебе же говорили, как опасно твое заболевание?.. Ты же помнишь, что мы с тобой пережили? Я звоню Олегу!

Мать схватила телефон. Илья подошел к ней, отобрал трубку и положил обратно.

— Не чувствовать боль — не болезнь. Болезнь, когда люди боль чувствуют. Даже слова однокоренные боль и болезнь. Я не хочу слушать нотации твоего Олега, тебя хватает.

— Самая ужасная болезнь — жить без боли, ты словно бы уже мертв...

— Сотрясения нет. Легкие ссадины и ушибы. Небольшая кровопотеря. В целом состояние не опасное. Назначу себе железосодержащие препараты. И придется наложить шов на лоб, — монотонно констатировал он, доставая аптечку. — Кажется, останется шрам. Мне пойдет?

— Ты похож на отца. Тебе все пойдет, — автоматически сказала мать, садясь за стол.

Она потёрла переносицу, и уставилась невидящим взором на телефон, словно надеясь, что тот зазвонит или даст совет. Так ничего и не дождавшись, раздраженно выпалила:

— Если твое состояние в норме, тогда потрудись объяснить, что опять с тобой приключилось?! Где ты все время шляешься?! Не нагулялся по своей Европе?!

Она соскочила со стула и стала мерить просторную кухню шагами. Остановилась у панорамного окна и грустно посмотрела вниз.

— Я попал в аварию. Разбил машину...

— От тебя же смердит за версту! Ты опять пьяный за руль сел?! — закричала она.

Руки у матери мелко задрожали, но она продолжала смотреть на то, как из-за горизонта медленно показывается краешек солнца.

— У меня со слухом порядок, — спокойно ответил Илья. — Нет, сидел я обдолбанный, а пил уже в машине.

— Ты болен! Тебе нужен психиатр! Давай мы тебя пролечим. Может Швейцария?

Она повернулась и умоляюще посмотрела на сына.

— Истеришь постоянно ты, а психиатр и больничка нужны мне. Лолка.

— Я так устала за эти годы, Илья. — Мать подошла к нему почти вплотную, и, развернув к себе, попросила: — Взгляни на меня.

Илья равнодушно, с высоты своего роста — он был выше на две головы — смерил мать оценивающим взглядом.

Вид у неё был, действительно, изможденный. В ней еще угадывалась былая красота, но на этой красоте лежала тень: блондинистые от природы волосы потускнели, под большими серыми глазами залегли черные круги. На лице проступила мелкая сеть морщин и четко очерченные губы были безжизненно белыми.

— Лучше бы ты родился без ног, чем то, чем ты родился... — бросила она.

— Выглядишь, рили, не очень. С твоими деньгами эт стремно. О пластике не думала? Мне как раз скоро нужна будет практика.

— Иногда я хочу, чтоб ты умер, — прошептала мать, голос ее чуть дрогнул, она заглотнула воздух, желая еще о чем-то сказать, но, передумав, отвернулась и нетвердой походкой зашагала прочь из кухни.

— Надо было сделать аборт, — усмехнулся ей вслед Илья.

Он вдел нитку в иголку. Саморассасывающиеся нитки Илья приобрел в Германии, швы снимать не придется. Внимательно посмотрел в зеркало, и, уверенной рукой сдвинув края кожи, стал зашивать рассеченный лоб.

Закончив, Илья критически осмотрел свою работу: стежки были безупречно-ровными. Не зря ему прочили большую карьеру хирурга.

Он удовлетворенно кивнул и пошел в спальню отсыпаться.

***

Сидеть на кухонной табуретке, покрытой вязаным ковриком, было тепло и спокойно.

На плите посвистывал чайник.

После ванны на мокрые волосы им накрутили полотенца, от чего все трое выглядели как арабские султанчики из сказок про Али-Бабу.

Баба Люся накормила жареной картошкой с салом и лучком, напоила вкусным травяным чаем.

Вадик уснул прямо за столом, мило свесившись на стуле.

Пошли стелить постели.

Баба Люся показала, где взять белье. Аня с тревогой, шепотом, призналась, что Вадик по ночам не держит мочу.

— Да не волнуйся ты так, деточка, у меня там где-то с дачной теплицы остатки полиэтилена лежали, постелите, и делов-то.

Баб Люся взяла полотенце и пошла в душ.

Аня подставила стул и достала с антресолей чистое постельное бельё и полиэтилен, передав все в протянутые руки Арины, спустилась со стула.

— Странная бабуська, — тихо хихикнула Арина.

— Не странная, а добрая. Она нам очень помогла.

— Да! А картофан-то какой вкусный с салом!

— Стели простыни, а я беру на себя пододеяльники, — улыбнулась Аня.

Как всегда заправить с первого раза у Ани не получилось, ей пришлось до половины залезть в прорезь, чтобы изнутри разровнять непослушное одеяло.

Ане вспомнились мамины пододеяльники с правильными дырками посередине и особенным запахом.

Арина, глядя на Аню, хихикала.

— Неумеха!

— Как ты смеешь смеяться надо мной, маленькая девочка?! Проси пощады! — замогильным голосом протянула Аня, раскинув руки на ширину пододеяльника и изображая приведение.

— Ни за что, я уже большая! — гордо вздернув подбородок, возразила Арина.

— Ах, так!

Аня прыгнула на Арину, повалив на матрас, и стала щекотать её. Девочка задыхалась от

смеха, но пощады не просила.

— За твою стойкость, так и быть, пощажу тебя! — первой сдалась Аня, отпуская Арину.

Кое-как выправив одеяло, растрепанная и раскрасневшаяся Аня вылезла наружу.

— У тебя все волосы в перьях, — снова прыснула Арина.

— Это потому что я ангел, — нарочито зазнайским тоном парировала Аня.

— Да, наш ангел! — не стала возражать Арина.

— Те девочки в школе по-прежнему тебя обижают? — невзначай, будто между прочим, спросила Аня, вытаскивая из волос белые перышки и складывая к себе в ладошку.

— Нет, я теперь невидимка, — вздохнула Арина, сразу поникнув и съезжившись.

— Я тоже была невидимкой, — покачала головой Аня и накидала на волосы Арины вытасщенные перья. Та заулыбалась и изобразила руками крылышки. — И знаешь что? — Аня, хитро глянула на сестру. — У невидимок есть своя супер сила.

— Какая, например? — иронично спросила Арина.

— Их никто не видит, а они — они видят всех, — подмигнула Аня. — Давай ложись.

Арина быстро легла. Аня, взмахнув одеялом, накрыла Арину с головой. Присев, убрала одеяло с лица девочки, чмокнула её в щеку и пожелала спокойной ночи.

— И тебе, — уже сонно пробормотала Арина.

Аня пошла на кухню и, осторожно взяла Вадика на руки. Отметила, каким он стал тяжелым.

Стараясь не потревожить его сон, присела и положила Вадика на матрас. Он что-то забормотал в полусне, она прикрыла его одеялом.

— Спи, Вадик, — поцеловала брата в щеку Аня, пригладив его ершистые, еще влажные после ванны волосы. Всколыхнулась щемящая нежность, а за нежностью вздох, что нужно выкроить время и подстричь опять уже слишком отросшие волосы.

Аня погасила свет, остались гореть только аппликации зеленых фосфорных звездочек на потолке. В их призрачном свете она сидела и задумчиво смотрела, как мирно и сладко спали дети, будто и не бегали весь вечер от разъяренного отца.

Аня поражалась, как спокойно и привычно реагируют Вадик с Ариной на те ужасы, которые им приходится переживать. Для них это все стало обыденностью.

Аню по этому поводу терзали сомнения, вдруг она делает что-то неправильно? Вдруг она ошибается, и это так искалечит детей, что они выберут тот же жизненный сценарий, что и родители? Может быть, для ребят детский дом стал бы лучшим приютом и, самое главное, более безопасным, а Аня поступает, как эгоистка не в силах отпустить их от себя?

Может и так. Но сегодня думать об этом и мучиться, у нее не осталось сил.

Из ванной вышла баба Люся. Аня прошла с ней на кухню.

Просидели полночи: пили чай, разговаривали.

Баба Люся вязала носок и рассказывала о своей жизни. Аню вопросами особо не донимала, но незаметно для самой Ани, все о ней выведала.

Обычно замкнутая, неразговорчивая, Аня раскрылась. Ей захотелось довериться поделиться, хотя бы с кем-нибудь.

— Ты, милая, знай: когда видишь у отца глаза мутные, серые и буянить он с минуты на минуту хотит, — тихо наставляла бабушка, — ты, значит, на этот случай заначку держи и подлей ему в рюмочку еще водочки. Он и уснет у тебя за милу душу.

— А хуже не будет? — спрашивала Аня.

— За папку не бойсь, выпивохи — они живучие. Я от своего разве что в другой город с

сынишкой убежать смогла. Как одумалась что, то — не жизнь, так и убежала. А он до сих пор живехонек и до сих пор с бутылочкой не расстаётся.

— А где ваш сын?

— Сынок военным служит. В другой город его распределили. Я и внучика своего видела-то один только разочек. Одна совсем. Так что забегайте, коль нужда будет. А деток никуда сдавать и не думай, любят они тебя, а любовь ничем не заменишь.

Так они и сидели: две женщины, разделенные годами. У одной все впереди, у другой все в прошлом. Но толстая нить схожего жизненного опыта связывала их взаимопониманием.

Наконец легли. Сон к Ане не шел, хотя и вымоталась, хотя и спать хотелось, а сон не шел. Все вспоминала лицо Вадика, который сегодня серьезно так сказал отцу: «Когда вырасту, я тебя убью». Четко так сказал, не споткнулся ни на одном слове, и от этого они прозвучали еще более жутко.

Аня перевернулась на другой бок.

Прежде отец Вадика не трогал, а теперь и до него руки дошли. Что же теперь делать?

Перевернулась на другой бок.

— Чего вошкаешься, поди жестко на голом полу? Могла бы хоть одно одеялко себе подстелить, а то все деткам отдала, горемычная.

— Да, просто думаю, что мне делать?

— На силу нужно отвечать силой, милая.

— Что это значит?

— А ты держи под рукой сковороду, — зевая, посоветовала баба Люся, — и покажи, что в случае чего не побоишься в ход ее пустить.

— Я дома почти совсем не бываю, да и как же я ударю отца сковородкой, ведь убить можно?

Аня перевернулась на спину. Стала разглядывать фосфорные звездочки. Они уже едва светили: три огромные, семь среднечков и три совсем малепусенькие.

«...и того, чертова дюжина», — сосчитала она.

Завтра рано вставать. Нужно будет домой зайти переодеть детей. Вадика увести в садик, Арину отправить в школу. Хоть на парах спокойно отсидеть получится, не дергаясь, как там брат с сестрой одни дома.

Обычно Аня строго настроено наказывала детям после школы и садика быстро заходить в свою комнату, закрываться на шпингалет и открывать только ей. Но теперь задвижка выворочена. Нужно утром попытаться вкрутить обратно, но если отец смог вырвать её один раз, то сможет и еще.

Как она завтра воспитательнице объяснит синяк? Они и так за садик задолжали. Рината Валерьевна уже не маскирует неприязнь к Ане. И все бы ничего, но воспитательница срывает злость на Вадике.

Сколько там время? Через три часа уже вставать.

Аня лежала, стараясь не крутиться, чтобы не разбудить бабу Люсю и детей. Когда лежать стало совсем невмоготу, поднялась и тихонько прошла в ванную. Она видела на полочке многоцветный бритвенный станок — то, что нужно. Аня раскрутила его и освободила лезвие. Села на ванну и подняла ночную рубашку, которую дала ей баба Люся. Обнажила бедро. Белыми полосками на белой коже показались знакомые шрамы.

Аня понимала, что это плохо, что она уже взрослая для такой ерунды, но ничего не могла с собой поделать, только так получалось справиться с тревогой. Она провела лезвием

по ноге, кожу защищало, проступили первые капельки крови.

Аня смотрела, как кровь тонким браслетом обнимает ногу. Вместе с кровью, она выпускала часть своих бед, страхов и боли.

Стало легче.

Промыла ногу, нашла аптечку и заклеила порезы пластырем. Осмотрела ванну, чтобы не оставить следов, закрутила станок и пошла обратно в комнату. Дети и баба Люся мирно посапывали.

Аня легла, укрылась одеялом. Надо уснуть.

Она перевернулась на бок, поджала ноги и забылась тревожной дремотой.

Не успела закрыть глаза, как ее старенький кнопочный телефон сообщил, что пора вставать.

***

Свет ударил через сон. Кто-то открыл жалюзи, и дневное солнце проникло в комнату. Илья застонал, открыл глаза. Над ним нависало испуганное лицо матери.

— Илья! Проснись! Вставай скорей! — встревожено повторяла она.

— Что опять от меня нужно? — щурясь на свет, спросил Илья.

— Там тебя из полиции спрашивают! Что ты сделал?! — в голосе матери послышались истерические нотки.

— Nothing, — вставая с кровати, буркнул Илья под нос.

— Я спрашиваю, отвечай мне сейчас же, что ты сделал?! По-человечески, а не на своем тарбарском! — схватив его за грудки пижамы, выдохнула она.

— Ничего я не сделал. Убери руки, please, ты затрудняешь мои способности к передвижению... — монотонно отрезал он.

— Если ты что-то сделал, ты сядешь, я тебя отмазывать не буду! — с ненавистью крикнула мать и сделала несколько шагов в сторону, пропуская его.

— Ок, — вздохнул Илья, мельком глянув в зеркало, и, поправив волосы, вышел из комнаты. Не спеша спустился вниз.

Мать последовала за ним.

В гостиной мялся мужчина в форме. На вид лет сорок, среднего роста, полноватый. Лицо выглядело так, будто все черты стерли ластиком. Приплюснутый нос в порых, маленькие, хотя и цепкие глазки, создавали поразительный эффект совершенной обезличенности. Можно смотреть на такое лицо хоть весь день, а утром — ни за какие деньги не вспомнить.

— Здравствуйте. Майор Птичкин Пётр Алексеевич, — показывая документы, представился следователь на удивление приятным мягким голосом. — Вы Илья Михайлович Лакунин.

— Да, это я.

Илья сел в кресло и кивнул следователю, приглашая сесть и его.

— У меня к вам пара вопросов по делу Лилии Карасевой, — следователь покосился на белый кожаный диван и так и остался стоять. — Мы опрашиваем свидетелей. Хотя картина уже совершенно ясная, для отчета нужно собрать материал.

— Лиличка? А что с ней? — удивилась женщина.

— Вчера утром в районе четырех утра девушку нашли мертвой. Дело очевидное — передоз. Но для порядка мы опрашиваем свидетелей. Ваш сын по свидетельствам очевидцев

один из последних, кто с ней контактировал.

— Лиличка... — губы женщины побелели. — Только не её... — она заплакала, — какая хорошая светлая девочка была и любила тебя... — Только не её...

— О чем это вы, Мария Анатольевна? — насторожился следователь, пристально разглядывая женщину.

Вместо ответа она повернулась к сыну и наотмашь ударила его по лицу. Рука, хлестанув по щеке, зацепила губу, та лопнула, потекла кровь. Однако Илья даже ухом не повел, равнодушно пожал плечами.

— Хватит устраивать спектакль, — попросил мать Илья.

— Ты её убил, эту девочку! Я знаю! А еще Вову и Колю! Их смерти — тоже на тебе! Они были твоими друзьями. Хотя, нет! У тебя никогда не было друзей! Ты не способен иметь друзей! Ты и меня убиваешь! Я тоже умру!..

— Совершенно необоснованные обвинения. Вова покончил жизнь самоубийством, а Николай умер от передозировки. И — да, друзьями мы не были. Я не имею к этому никакого отношения. Думаю, тебе следует отдохнуть, мама, — вытирая платком губу, вкрадчиво произнес Илья.

Он исподтишка наблюдал за реакцией следователя, который в свою очередь пристально следил за реакцией Ильи. Взгляды их встретились. Стало ясно, что расслабленное состояние мента сменилось на подозрительное.

— И вы с этим ничего не сделаете! — не обращая внимания на сына, истерично засмеялась женщина. Она вцепилась в руку следователя и заглянула ему в глаза. — Он... Он не человек даже, я не верю, что это мой сын... — она отпустила Птичкина и побрела наверх, всхлипывая и бессвязно бормоча. — Он не мой сын, я не могла...

— Как вы заметили, мать у меня не в себе. Ей требуются покой и отдых, поэтому давайте закончим с этим побыстрей.

— Возможно, стоит вызвать женщине скорую, если она не в себе? — обеспокоенно заметил майор.

— Камон, от истерик еще никто не умирал. Насчет вчерашнего я, рили, в ту ночь проводил время с Лилией Карасевой, мы потанцевали, потом у нас была близость, а потом я ушел, было около четырех утра.

— Ясно, — сухо хмыкнул следователь. — То есть не отрицаете, что вы последний, кто видел её живой?

— Не знаю, когда я ушел, она была жива, — пожал плечами Илья.

— Вам её не жаль? — сузил и без того маленькие глазки мужчина уже с откровенной неприязнью вцепившись взглядом в Илью.

— А это как-то относится к делу?

— Судя по моей практике, это как раз больше всего относится к делу. У девушки в результате принятого наркотического средства случился инфаркт. Сейчас я не исключаю возможности, что кто-то намеренно вынудил девушку принять наркотики, чтобы потом воспользоваться её беспомощным положением. Думаю, если там имело место насилие, наши эксперты докапаются до истины.

— Ок, это ваша работа думать и докапываться. А еще быть объективными и беспристрастными. Еще вопросы?

— Пока нет, но уверен, что еще появятся, поэтому будьте так добры, не покидайте город. И если что-то вспомните, вот моя визитка. Берегите свою маму — она у вас одна.

— Как скажете.

Захлопнув за следователем дверь, Илья кинул визитку в мусорку и стал медленно подниматься по лестнице. Со стороны материной половины слышалась печальная музыка. Мать опять терзала свое пианино, долбя по клавишам с такой энергией, что было удивительно, как инструмент выдерживает этот напор.

Илья прислушался. Конечно же, Рахманинов «Вокализ». Без скрипки композиция растеряла всю гармонию звучания, а в истеричном исполнении матери казалась ему еще большей какофонией, чем обычно.

Он, морщась, прошел дальше в свою комнату.

Илья понимал, что опасаться ему нечего. У Птичкина на него ничего нет, и не будет. Но все же ему не хотелось иметь недруга в полиции. Особенно сейчас, когда лишнее внимание ему вообще не нужно. Придется осторожничать.

Застыв на пороге, он внимательно осмотрелся. Помещение, оформленное в стиле модерн, выглядело идеально. Дизайнер сделал всё по вкусу Ильи, в комнате не было ни одной лишней детали — все четко на своем месте и все функционально оправдано. Черно-белые тона, строгие формы, выверенные пропорции. Повсюду царил безупречный порядок, и лишь измятая постель выбивалась из общего вида и говорила о том, что здесь все-таки обитают люди.

Илья заправил постель. Он, как всегда, проспал приход уборщицы. Та обычно заявлялась по утрам, хотя он и просил мать изменить этот режим, но толку от его просьб было мало.

Раздумывая не вызвать ли уборщицу сейчас, Илья придирчиво осмотрелся, провел пальцем по прикроватной тумбочке, не обнаружив пыли, удовлетворенно кивнул и прошел в кабинет.

Кабинет, выполненный в том же минималистическом стиле, что и комната, выглядел таким же идеально пустым.

Он сел в чёрное кожаное кресло за белый письменный стол. На столе был только MacBook. Илья крутанулся в кресле, оказавшись лицом к панорамному окну. Существенным плюсом этой квартиры было то, что город просматривался, как на ладони, со всех комнат.

За окном хмурый осенний день. Люди сверху кажутся мелкими точками. Экзистенциализм их бытия скучен и бестолков. Они лишь пища, лишь ресурс, лишь цифры статистики, и все эти попытки гуманистов разжалобить, обрядив эту толпу в иллюзорный фантик страданий, вредили прогрессивному обществу. Обществу, где выживать должен сильнейший, а не самый жалкий и слабый.

Илья задумчиво покрутил маленький ключик. Потом развернулся к столу, наклонился, вставил ключ в замок и выдвинул нижний ящик. Ящик показал содержимое: пару шприцов и ампулы. Илья смочил ватку спиртом и тщательно протер ею стол.

Он приготовил инъекцию и поднял рукав, открыв исколотые вены на забитой татухами руке. Обработал поле. Затянул жгут, нащупав вену, вставил иглу, потянул поршень на себя, сделав контрольку, ослабил жгут и медленно выдавил поршень.

Введя дозу, Илья подошел к огромному зеркалу в полстены и внимательно посмотрел в свои черные глаза. Черная радужка пульсировала. Она то сужалась, открывая под собой синюю радужку, то вновь надвигалась, поглощая синеву. Наконец, пульсация закончилась тем, что в последний раз черная радужка сузилась, растворившись в зрачке. Глаза из черных окончательно сделались синими.

— Чертово аниме...

Илья опустился на колени, оперся лбом о холодное зеркало, надолго застыл в этой позе. По щекам текли слёзы.

Он выдохнул и с силой стукнул кулаком по зеркалу, из горла вырывался хриплый надрывный стон, стекло пошло трещинами. Он ударил еще и еще раз, пока окровавленные осколки со звоном не рухнули на пол.

Илья схватил осколок и попытался вскрыться, но рука замерла в миллиметре от цели. Он застонал. По лицу катился крупный пот, костяшки побелели, осколок прорезал ладонь, но рука не двигалась с места.

Илья нервно засмеялся. Со стороны было ощущение, что он борется сам с собой и, кажется, проигрывает.

— Я все равно прикончу тебя, ублюдок! — бессильно простонал он и, отключившись, рухнул на пол.

[1]Pharaon «Омертвление»

Глава 3. Исчезнуть в черной мгле (часть 1)

Кулаком в глаз. Ногой в живот.

Дыхание застревает в диафрагме. Хохот пацанов булькает в ушах. В носу пощипывают слезы. И песок засыпает глаза.

Пришлую компашку вспугивает отец.

— Вставай! — приказывает Матфею.

Матфей продолжает лежать в песочнице под накренным зонтом, между перекладинами которого кто-то засунул сплюсненную полтарашку из-под пива.

Песок смаргивается вместе с остатками слез. Подстреленный из рогатки воробей замер под рукой и больше не пытается улететь. Он мертв.

Ему жаль воробья и жаль себя.

Он не смотрит на отца — знает, что тому стыдно. Стыдно, что его сын не может дать отпор мальчишкам. Что продолжает лежать на песке. Что он не тот, кто стреляет из рогатки по воробьям, а тот, кто пытается их спасти.

Брынь — гитара.

Пальцы в мозолях поглаживают струны.

Струна лопается. Отлетает и царапает скулу. Гитара падает на пол.

Бухают в квартире Санька, пока его родители неделями пропадают на даче.

Сквозь музлу настойчиво продирается звонок в дверь.

— Палево, предки! Прячься! — спешно вырубая музыку и засовывая бутылки и пепельницу за диван, шипит Санёк.

Матфей залезает в шкаф, и там, среди навешанных клетчатых рубашек Санька, кажется, сохранившихся еще с детсада, отрубается.

Со скрипом открывается дверь шкафа. По глазам ударяет свет. Лицо матери Санька геометрически удлинняется.

Матфея мутит.

Свет сыплется.

Его выворачивает.

Изнанка света — ночь.

Холодно. Зима. Окраина леса.

Босая девочка в теплом ореоле светлых волос, дрожит среди голых стволов сосен. Тропинка обрывается окном в другой мир. По ту сторону лето тонет в цветении сада. Неправильные образы нагих мужчины и женщины застыли под гранатовым деревом, перед ними ящик.

Девочка тянет посиневшую от холода руку, чтобы коснуться теплого воздуха.

— Ящ-щ-щик Пандоры! — по-змеиному шипит женщина, — Хаос должен пожрать всех выродков!

Она буравит маленькую девочку взглядом, будто старается стереть ее силой своей ненависти.

— Пандоры, — эхом повторяет девочка, и её рука зависает в воздухе.

Она моргает. Отшатывается и пятится. Спотыкается о ветку и падает в сугроб. Барахтаясь в снегу, она окончательно сбрасывает с себя морок, что привел ее в лес. Выбравшись, испуганно осматривается. Обхватывает себя руками.

— Не надо! — посиневшими губами просит она.

— У нас нет выбора! — холодно отвечает женщина, поправляя длинные золотые волосы, что лишь слегка прикрывают её груди.

— Выбор есть всегда! — сквозь страх возражает девочка.

— Ты не должна была родиться! Ты угроза! — зло кривится мужчина, медленно поворачивая лицо от женщины к девочке.

— Пожалуйста... — жалобно просит девочка. — Не открывайте. Я видела это во снах...

— За родительские грехи всегда платят дети! — хором отвечают мужчина и женщина, сплетаясь голосами.

— В глазах детей всякий родитель — безгрешен. Значит, и грехов никаких нет! — голос девочки, скованный морозом, звучит слабо и глухо.

Девочка наклоняется, и окоченелыми пальцами сгребает в руки пригоршню снега. Выпрямившись, она сердито швыряет ее в парочку.

Снег, влетает в Эдем, и попадает в женщину. Она вскрикивает, в ужасе пытается стряхнуть сверкающие крошки с волос.

— Мы не дадим тебе взрасти, дитя Сатаны! — визжит женщина, с отвращением глядя на мокрые руки.

Мужчина подходит к женщине вплотную, и ласково взяв ее руку, слизывает капли с ее пальцев.

— Вместе, — шепчет он ей.

— Вместе, — хищно улыбается она.

Их руки ложатся на крышку ящика.

Совсем обычный с виду ящик, антрацитового цвета, испещренный письменами... Он лишь на миг приоткрывается, и с оглушительным щелчком захлопывается вновь. Но из него успевают вырваться облачко бездны.

Раздается треск. Режется ткань мироздания. Пригоршню невзрачного серого песка швыряет из окна Эдема в сосновый лес.

Матфей дергается, но тщетно, в этот раз он ощущает себя вросшей в снег сосной — все видящей, но бессильной что-то изменить.

Девочка охает. Вся сжимается и, зажмурившись, остается стоять на пути бездны, шепча молитву. Бездна пробивает грудь и тонет в ней.

Девочку на несколько метров отрывает от земли. В воздухе ее безвольное тело выгибает дугой и, как тряпичную куклу, мотает из стороны в сторону.

— Ши-и-и-и! Ши-и-и-и!

Окно в Эдем сворачивается в черную точку и, поднявшись, тонет в глубине кровавого рассвета.

Девочка падает. Ударяется о снег. Из горла рвется глухой стон.

— Маман Софи, — по её щекам текут слезы, но тут же застывают снежными камушками на бледнеющем лице. Она останавливает взгляд сиреневых глаз на сосне, той самой, в которой Матфей мечется в попытках сделать хоть что-нибудь, — она грустит... Ты спасешь меня от холода, мальчик?..

От груди девочки по телу расползается серость. Паутина оплетает ей лицо и волосы. Стирая остатки жизни.

Вопль подбежавшей женщины заставляет Матфееву сосну вздрогнуть. Нетрудно догадаться, что эта та самая мама Софи, а за ней люди в одеждах из прошлого века.

Мама Софи падает возле девочки, прижимая ее к груди. Растирает руки, ноги, но та больше не откликается на прикосновения. В ней больше нет ни боли, ни тепла, ни радости.

— Варенька! Очнись! Доченька! Открой глазки! Господи, какая ты холодная! — причитает мама девочки.

И девочка вдруг открывает глаза. Матфей смотрит в эти глаза и понимает, что девочки больше нет. В черных глазах отражается лишь одно — голод.

— Господи боже, спаси и сохрани! Софья Николаевна, вы гляньте-ка! У вашей девчушки глаза и волосы от холода почернели! — эхом откликаются причеты простоватой бабы.

В небе красным пятном встает солнце. Матфея поднимает по веткам сосны ввысь навстречу свету. Свет заволакивает все звуки и краски. Он обнимает собой Матфея, притупляет страх и боль, и даже сами воспоминания о той, что опаленной тенью остается лежать на снегу.

***

Солнце падало в окно радостными лучиками. Тепло, хорошо, глаза открывать не охота. Хотелось просто пить свет, чувствовать себя его частью и быть счастливым.

В голове впервые за долгое время нет шумов — ясно и светло, как за окном, отчего настроение поднялось на пару градусов, обозначившись оттепелью.

В кресле у кровати мирно дремала мама. Даже во сне она выглядела уставшей и встревоженной. Матфей только сейчас заметил, как морщины грубо поранили её красивые черты. Они выглядели неестественно на её по-детски милом лице, как будто их наклеил плохой гримёр. Видно опять, не отдохнув со смены, помчалась к нему.

Градус настроения пополз вниз.

Он забеспокоился, что её кто-нибудь разбудит, потревожит. Кто-нибудь вроде безумно-шумного старика. Но, покосившись на соседнюю койку, расслабился — койка пустовала. Матфей надеялся, что Егорушка умотал всерьез и надолго.

Внезапное ощущение чужого тепла на запястье сбило мысли в панический комок.

Он вздрогнул. Повернулся. Мама все же проснулась и попыталась погладить его по руке, но, напуганная реакцией Матфея, поспешно отдернула руку. Словно боялась невольно причинить ему боль.

— Привет, — улыбнулась она. Улыбка вышла натянутая, измученная. — Я тебе вкусенького принесла.

— Да не надо было ма, тут в столовой офигительная кормёжка!

Мама между тем вытаскивала из пакета и ставила на тумбочку фрукты, сок, салат.

«Сколько же она набрала? — подсчитывал Матфей. — И все дорогое... Опять в долги залезла, сама поди дома на хлебе и воде сидит».

В такие моменты он жалел, что не застрелился до того, как в лечение были вбуханы все их с матерью сбережения. Тогда бы у мамы хоть средства к существованию остались. А сейчас что с ней будет, если и операция не поможет или, еще хуже, если он станет обузой — овощем?

Передернуло. Нет, он даже думать об этом не мог. Просто надо выжить.

— Да знаю я эту больничную еду — гадство, а у тебя с аппетитом и так плохо, — улыбнулась она.

Матфей видел, как она вся светится, выгружая здоровенный пакет с яркой эмблемой

монополии X, что цепкой сетью опутала продуктовый рынок их города. Он не хотел расстраивать маму, но и оставлять это так — тоже не мог:

— Все у меня хорошо, ма! Куда ты столько набрала?! Забирай часть домой! Я столько не сожру, да и диета у меня. В столовке полезную еду готовят, в этой больнице реально хорошо кормят, вчера на ужин рыба с овощами была.

Матфей, действительно, столько всего не мог бы съесть, он в себя едва пару ложек засовывал, да и любая еда после таблеток и химии казалась безвкусно-пресной.

— Тут тебе все можно, я у врача спрашивала. Вот бульон сварила, все процедила через сито, без всякой накипи и жиринок, как ты любишь, — она достала завернутую в кухонное полотенце банку. — Завтра, еще покушаешь, а то смену взяла, не приду уж теперь до вторника. Что не съешь в холодильник поставь, только фамилию подписать не забудь.

— Я и за неделю это не съем, — проворчал Матфей. — В следующий раз ничего не приноси. Ладно?

— Ну, Матюш, не с пустыми же мне руками приходите? Что ты так напал на меня?

— Ма, да мне все равно нихрена нельзя, и аппетита нет! Нафига ты тратишь последние деньги?!

— Не последние! — огрызнулась она.

Матфею хотелось съязвить, но проглотил.

Когда Матфей только узнал свой диагноз, решил, что маме ни о чем знать не нужно. Да и сам поначалу особо не заморачивался — это казалось временным, поправимым.

Правда вышла наружу, когда у Матфея уже на лбу было написано, что он ходячий труп. С мамой стало твориться нечто из ряда вон: она рыдала, доканывала врачей и постоянно твердила, что это она должна болеть и страдать. Потом вроде как собралась, приняла ситуацию.

Оказалось, ободрилась мама не сама, а с помощью целителя, которого даже по телевизору показывали. Шарлатан выманил у неё все деньги и смылся. Матфей же остался с опухолью и головной болью.

Он узнал все слишком поздно. Ему было до одури страшно, что будет с ней, если он умрет. Она ведь абсолютно беззащитна перед этим миром. А отец у него — козлина.

Замкнутый круг, небо вокруг.

— Как ты себя чувствуешь сегодня, сынок? — помолчав, спросила мама, беспокойно теребя пояс. Она начинала нервничать, если Матфей раздражался.

— Да все отлично, еще бы не чудило сосед, так вообще бы жизнь удалась. Но зато с ним некогда скучать, — улыбнулся он, стараясь показать, что все норм, и она может расслабиться.

— О ком ты говоришь? Какой сосед? — напряженно спросила она.

— Старик тут лежит, — Матфей небрежно махнул рукой в сторону окна. — Видимо ушел несчастных медсестер докапывать.

— Матфей, нет никакого старика. Ты в палате один, и кровать тут одна, — голос у матери дрогнул. Встревоженная, она вскочила с кресла: — Надо сказать врачу...

— Один? Но... — растерянно пробормотал Матфей, поспешно удерживая маму за руку. Кивнул, чтобы она села. — Да, один, конечно. Я неправильно выразился, мам. Я про старика врача, что доканывает своими тестами. Уже поскорей бы вскрыли черепушку и дело с концом.

— Это всегда успеется. Может, еще и без этого обойдемся, все же голова, — вздохнула

мама, садясь обратно в кресло.

Поверила. Но что с ним такое? Опять галюны? У него окончательно течет бак? То старуха-смерть мерещится по углам, то теперь — вот это чудило. Но старикашка так реален! Даже запахи были... Даже имя себе выдумал! То есть Матфей ему выдумал.

От парадокса в мозгах заломило, как ломит зубы от холодной воды.

— Медицина, ма, сейчас продвинулась. Норм все будет, — утешал он маму, мысленно ругая себя за имбецильную тупость.

Ведь это как не допереть до очевидного?! Как не отличить плод воображения от реального человека?! Можно же было догадаться хотя бы по тому, что за день к старику ни разу не подошли ни врач, ни медсестра. Да и вел он себя уж слишком навязчиво, слишком по-идиотски для реального человека! Егорушка — плод воспаленного мозга. Матфея все это время изводила собственная галлюцинация.

Но если он в палате один.... То он в палате один! А один в палате он может быть только, если палата платная.

— Черт! Тогда получается, что... — Матфей не сдержал рвущееся раздражение. — Мама, у тебя нет таких денег! Ты уже и так квартиру заложила! Что с тобой будет, если я окочурюсь?!

— Матфей, не говори так... — тихо сказала она, опустив голову.

— Мама, ты должна уже понять и принять это! — он запнулся, видя, как у неё заблестели слезы на опущенных ресницах и затрясся подбородок.

Наступила гнетущая тишина.

Наконец, мама нарушила затянувшееся молчание.

— Успокойся, деньги прислал твой отец, — виновато прошептала она.

— Отец?!

— Он... он просто хотел помочь...

— Мне от него ничего не нужно! Нахрена ты взяла у него деньги?! После всего того, что случилось?! После того, что нам пришлось пережить по его вине?!

Матфей понял, что кричит, только когда мама начала всхлипывать и по-детски размазывать слезы по лицу.

— Матфей, ради тебя ведь! А он — все-таки твой отец. Он хочет помочь... И знаешь... Я хочу, чтобы ты поговорил с ним...

— Мне плевать! — перебил Матфей. — Без проблем могу лежать в общей палате, — уже более спокойным, но не терпящим возражения, тоном сказал Матфей. — Не хочу ничего слышать о нем, особенно сейчас. Оставшиеся деньги переведи за долг по залогу.

— Но... Это же твой отец!.. Он хочет помочь, и я подумала... Мы вместе подумали, что сейчас самое время помириться, Матюш.

— Не-е, ма, давай не будем, а? Не заводи опять этот разговор. Пусть даже не думает сюда соваться! Пусть катится к своему господу боженьке со своей заботой и помощью!

— Это я виновата, что ты так обозлился!

— Это он виноват! Он бросил нас! — поглядев на расстроенную зареванную маму, Матфей глубоко вздохнул и уже спокойней добавил: — Мне будет лучше, если ты с этих денег отдашь часть долгов. Пусть считает, что помог, и ему там его боженька, в которого он так верит, зачтет это за добро.

— Может, всё же встретишься с ним перед операцией?

— Нет, — категорически покачал он головой.

Мама вздохнула.

***

Матфея перевели в общую палату.

В комнате немногим больше предыдущей стояли пять коек в три ряда. Матфею досталась та, что посередине. От этого он ощущал себя зажатым между двумя булками огромной задницы, в которую он так стремительно угодил.

Компания в палате подобралась разношерстная, на разных стадиях болезни и в разных стадиях психанутости, хотя после Егорушки всякие психанутости казались вполне себе в норме обыкновенных странностей.

Разоблаченная галлюцинация не перестала изводить Матфея клоунадами, но навевалась редко, ссылаясь на занятость и ужасную тесноту в общей палате. Матфей, пыхтя, старательно игнорировал разгулявшуюся фантазию. Чего не получалось делать с соседями.

Гришка, сосед, что справа, молчун — ему отхреначили половину челюсти. Лежал и безучастно пялился в потолок. Было видно: чувак сдался и единственное, чего он хотел в этой жизни, чтобы его добились. Кормили его медсестры через гастростому. Ни разу Матфей не видел родственников, которые пришли бы навестить Гришку. Главным его занятием были душераздирающие стоны по ночам.

Матфей вывел для себя аксиому: «Трудно любить ближнего, если это стонущий по ночам Гришка». Но за такую херню он тут же дал себе мысленную затрещину.

Второй сосед в ряду справа, болтун Жека, — тоже после операции. К нему часто приходили: то жена, то дети — ухаживали. Он, не затыкаясь, разглагольствовал о том, как после больницы поедет кататься с семьей на горных лыжах. Сначала Матфей думал, что Жека прикалывается, он даже пару раз хрюкнул, заценив черный юмор в духе Тарантино. А потом понял, что чувак на серьезных щах с одной ногой собирается в Горный на покатушки, и стало тошно.

У Антона — доброкачественная шишка в брюхе, и его просто наблюдали. Он не переставал ныть, что от такого наблюдения вздернуться хочется, и, если у него реально был бы рак, то точно бы вздернулся. Матфей как-то не выдержал и обозвал его дебиллом — болтать тут о суициде! Антон приткнулся.

А пятый был тем самым Генкой в футболке патриота. С первого же дня их отношения с Матфеем приняла ядовитую, политическую окраску неугасающей конфронтации. Генка был повернутым на политике, говорил о ней постоянно, вернее, пересказывал то, что говорят по телевизору.

Матфею будто засунули телик в башку. Он старался отмалчиваться. И спустил бы чувака на ха-ха, если бы башка так не трещала, да Егорушка без конца не заглядывал бы в палату, корча рожи, если бы не сны и та, что мерещилась порой в темном углу.

Раньше он, как нормальный, забил бы и всё. Но он ляпнул, и понеслись ежедневные разговорчики по типу:

— Нет, ты погодь, — не унимался Генка. — Давай поговорим, парень, что у тебя за замашки либераста, нам таких не надь!

— Да?! — бомбило Матфея. Угораздило же попасть с этим не домученным патриотом в одну камеру. — А что вы тогда футболку носите с портретом главного либераста в стране?

— Ты, парень, с какой вообще планеты?! Не либерал он! Он против них, за народ он!

— Да? А политику либеральную проводит, потому что консерватор?

— Это не он, это все на местах творят! А ему некогда, за всем не углядишь же!

— Ну да, царь батюшка, просто не знает всего.

— Ну, а вы, либерасты во главе с вашим шпионом, куда вы страну приведете?! Разорвете на куски, раздадите всю территорию Западу?!

— Я не либерал, а анархист.

— Еще хуже, давайте анархию устроим — разрушим все окончательно! Хлебнули мы вашу анархию в девяностые!

— Может, вы сначала разберетесь, что такое анархия, а потом разрушать будете? Опять у вас рамочка из клише.

— Да тут и разбираться нечего. Ты или за Россию, или за этих: американцев и Запад гниющий. За кого?

— Я — против всех!

И вот так каждый божий день. Они достали друг друга, достали соседей по палате, достали и медперсонал. Теперь врач, делавший обход по утрам, ехидно улыбаясь, спрашивал не по фамилиям, а типа:

— Так-сь, девятая палата. Тут у нас анархист с патриотом залежались.

Матфей пытался наложить табу на тему политики. Но Генка выводил его, выбешивал так, что все жгло от ярости. Хотя выбешивал даже не он, а люди, что внушили через зомбоящик все эти страхи и глупости. Казалось, они окончательно убили в Генке способность думать.

Матфей снова зачитывался Бакуниным. Иногда цитировал его вслух, в попытках объяснить свои убеждения: *«В России главный двигатель — страх, а страх убивает всякую жизнь (...). Трудно и тяжело жить в России человеку, любящему правду, человеку, любящему ближнего, уважающему равно во всех людях достоинство и независимость бессмертной души, человеку, терпящему одним словом не только от притеснений, которых он сам бывает жертва, но и от притеснений, падающих на соседа!»*[1] А ведь это Бакунин еще в 19 веке для Николая I писал. И царь читал! Но царю, как и всякой монаршей особе, было посрать на это. Так что всё ваши цари знают!

Но все симпатии соседей неизбежно были на стороне Генки. Даже Гришка начинал яростно мычать что-то, что расшифровывалось как однозначное неодобрение Матфея и респект Генке. Матфей, как всегда, был в меньшинстве.

Интеллигенция всегда была меньшинством. Интеллигенция в России всегда думала, что знает лучше как жить большинству. Она разжигала кухонными разговорами и критикой действующей власти недовольство народа, внушала, что можно жить иначе, что народ имеет право на бунт. И народ рано или поздно откликнулся на эти идеи. Он поднимался.

Поднялся в Февральскую, затем в Октябрьскую революции. Всколыхнулся в девяностые. Пошел бороться за не свои, в сущности, идеи, даже плохо понимая, что это за свобода такая, что это за равенство и что за кровавое братство. За счастьем, в общем, пошли люди. И к чему это их привело? К искалеченным судьбам и изуродованным жизням?

Матфея мучили вопросы: «Столько крови пролито за идеи, и всё зря?» Так и остались стоять на месте — рабами государства. Не построили коммунизм. Коммунизм — это анархия, идея самоуправления. Поэтому большинство анархистов коммунистов поддержали. Коммунисты же их использовали, а потом расстреляли. Потому что анархисты сразу хотели власть отдать людям, а коммунисты не хотели ею делиться.

Что интересно, на Западе нет понятия интеллигент. Есть интеллектуалы, а

интеллигентов нет. Потому что у них совсем иначе течет история, и зачем тогда пытаются сравнивать яблоки и оливки?

Матфей чувствовал себя тем интеллигентом-народником, которые ходили в народ, а народ их отдавал властям, даже не понимая языка своих несостоявшихся заступников. Нельзя освободить того, кто не желает быть свободным. Даже если внешне это получится, внутри они останутся рабами, скучающими по тюрьмам и репрессиям Сталина. Так почему бы не заткнуться и не дать им самим решать?

Единственный человек, способный всех убедить — это Сидор. Но Сидор в армии. С ним даже поболтать нельзя. Надо было ему вылететь из универа?

— Ты не жил в девяностые, парень, ты не знаешь, что такое твоя анархия в действии. Что это такое, когда порядка нет. Наш царь вывел страну из кризиса, если бы не он, олигархи так и продолжали бы творить беспредел!

— А вы смотрели его политическую программу? Что конкретно он сделал, чтобы вывести страну из кризиса? Задавали себе вопрос, почему одних олигархов посадили, а другие живут себе и продолжают играть в политику и грабить людей?

— Нельзя было всех посадить — он самых плохих устранил!

— Нет, он устранил конкурентов. А страну вывели из кризиса текущие с «гниющего» Запада нефтедоллары. Единственная идея вашего царя — это давать ипотеку молодым семьям под космо-процент, чтобы люди космополитами себя не чувствовали. Напоминает надел крестьян, за который им и их детям всю жизнь приходилось пахать на государство. Только тогда — хотя бы на государство, а не на кошельки олигархов. Это — привычный дух крепостничества в наших генах. Он успокаивает. Когда на шее вечный долг — твоя судьба предрешена, тебе ничего не нужно решать. Заведи семью, возьми ипотеку и не рыпайся никуда, а то отберут квартиру, дети с голода подохнут, а жена — к тому, кто побогаче уйдет или в проститутки.

— А лучше, как в Америке или в Европе?! Никаких ценностей, только жрать, да трахаться? Голубизну разводить и детей половому воспитанию обучать с пелёнок? Негров вставлять в каждую бочку? И мужиков сажать за то, что не так на баб глядят?!

— А там по-своему не лучше. Я живу не в Америке и не в Европе, мне на них посрать. Но объективно я вижу, что они идут в сторону освобождения, а мы — все большего закрепощения.

— Свобода, свобода!.. Чушь эта ваша свобода! Мы в девяностые на это купились, и?.. Для кого она, свобода? Для братков, что, перестреляв друг друга и обворовав народ, к власти пришли?

— Отвечу словами Бакунина: *«Свобода в государстве есть ложь»*. [2] В либерализме: «Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека», а в анархизме: «Быть свободным в свободе других». Я, как анархист, не могу быть свободным, живя в огромном коттедже и пользуясь всеми благами цивилизации, когда рядом со мной ютится лачуга, где умирают с голоду мои братья-человеки, а либерал может.

— А ежели мне любя моя хибара, и я не хочу в твоих хоромах селиться? — прямо над ухом раздался противенький голосок Егорушки. Тот сидел на тумбочке Матфея и качал коротенькими ножками. — Работать за твои хоромы тоже не хочу, на печи люблю лежать я!

— У тебя нет никакой хибары — ты глюк, — тихо прошипел Матфей в сторону старика.

— Чаго эт сразу глюк? Сам ты глюк. Есть у меня хибара!

— Вот и свали в неё!

— Ага, а ты тут людей с толку сбивать будешь?

[1] М. Бакунин «Исповедь»

[2] М. Бакунин «Собрание сочинений и писем»

Глава 3. Исчезнуть в черной мгле (часть 2)

Шли дни.

Время тянулось жвачкой и рвалось.

Врачи делали какие-то тесты, обследовали и мычали о неплохих шансах.

Он старался не спрашивать много. Нервные они все — врачи. Их и так все спрашивали, а у них то ли ответов не хватало, то ли терпения, то ли времени. Они ныряли в палату, как в прорубь зимой на крещенские морозы, и быстренько спешили скрыться, едва только пациенты их замечали.

Ночью Матфей проснулся от шорохов и перешептываний.

— Отмучился, — различил он.

— Давай, Свет, осторожно. Ты — за ноги, я — за плечи...

Умер Гришка. Его пустая кровать все утро мозолила всем глаза.

Притихли. Ожили разговоры вполголоса о том, как оно умирать. Люди чужие, будто ближе стали, сроднила их смерть.

— Думаете, там, в раю бабы есть?

— Должны быть, они ж тоже умирают.

— Да не-е, на фига настоящие-то? Я про безотказных говорю.

— В раю, даже если безотказные, тебе с ними делать будет нечего. Там этого не можно, — гоготнул Генка.

— Вот поэтому и не хочется умирать. Нутром чую, что там ничего нельзя.

— Ницше считал, как только человек поймет, что ни рая, ни ада нет, — вставил свои пять копеек Матфей, — ему спокойней будет умереть.

— Дурак твой Ницше. Тогда еще страшнее, если ничего нет. Не зря же мы придумали, что что-то есть.

— А мне кажется, что лучше, если ничего нет...

Уже после обеда новый несчастный поступил на химии. Был он угрюм, то и дело супил брови и сердито сопел в кроссворд. Юрой назвался. Лег на ту самую кровать, где еще недавно мычал Гришка.

И все затихло. Все ушли в свои дела, разбежались по своим миркам, отстранились друг от друга, выкинув Гришку из головы, чтобы жить дальше.

Матфею в то же утро объявили, что операцию делать будут через два дня. Нашли время сообщить — припечатали, как судейским молотком. У Камю в «Постороннем» это ощущение приговоренного к смерти хорошо передано.

Поговорить не с кем. Зашел в «ВК», полистал ленту — унылое дерьмо. Когда только успел наподписываться на эту херню? Ощущение, что группы перетаскивают друг у друга одинаково бессмысленные посты, соревнуясь разве что в тупости.

Сидор в армии. С остальными одноклассниками Матфей близко не общался. Написать что-то вроде: «Я тут умираю, товарищи, help», — будет стремно. Да и Матфей несколько месяцев уже как в академке, и одноклассники вычеркнули его из своих быстробежных жизней. Совсем не потому, что какие-то плохие, просто Матфей по себе знал: никто никого сильно в голову не берет, слишком много всего происходит, чтобы еще кем-то голову

забивать.

Ане написать? Написать, сказать, что плохо. Она придет, он знает. И слова нужные ему принесет.

Дурак, может она уже замужем и детей нянчит!

Но даже если так, все равно придет.

Придет, а что он ей скажет? Нужна, потому что умираю, а ты добрая. Эгоистично. В духе папаши. Нет, у неё и так жизнь — не сахар.

Сидор в армии. Имбецил. Матфей же предупредил его, что хватит бухать в своем стройотряде — займись учебой.

Вспомнилось, как Сидор подбивал его на какую-то херню, и они влипали во всякое дерьмо:

— Мы художники — анархисты. В нас должен жить дух авантюризма. А ты — занудная консерва! — поправив круглые очки в стиле Гарри Поттера, вдохновенно молот Сидор.

Они опоздали на пару и привычно «прожирали» время в столовке до следующей.

— Блин, как-то стрёмно горлопанить на улице, — сопротивлялся Матфей, наблюдая, как очередная булочка с его подноса перекачывается в сверхъестественно вместительный рот товарища.

— Матфей, мне нечего жрать, — с набитым ртом уверял Сидор. — Я пробухал все деньги, которые предки из деревни прислали. Ты должен помочь другу, это твой священный долг, как Герцен помогал Бакунину, как Энгельс — Марксу, как революция — Троцкому. Это будет круто. У меня скрипка есть.

— А петь должен буду я?

— Ну, у тебя голос — у меня музыка.

— Скрипка? — поморщился Матфей и хорошенько треснул друга по тянущейся к его подносу лапе. Сидор ойкнул, трясая ушибленными пальцами, скорчил болезненную гримасу, явно преувеличивая нанесенный ему ущерб. — Я слышал, как ты на ней пиликаешь, мозг ломается!

— Ты, питекантроп, оскорбляешь душу музыканта, — обижено мякнул Сидор. — Это ты с привычки, я отлично играю.

— Думаю, ты единственный, кто так думает.

— В самом деле, прояви свою пассионарность, — коверкая букву «р» призывал Сидор. — Выделись из толпы!

— Да ладно, не заливай, оратор недомученный! Пойдем. Хотя, может, я тебе все же денег займу? Бакунин не заставлял Герцена аскасть.

— Я и так тебе штуку должен. Да и ты не Герцен все-таки, а такой же, как и я — нищелюб, правда, без моей щедрой души Бакунина.

— Надеюсь, что привычка отдавать долги у тебя все же, не как у Бакунина, — ворчливо вздохнул Матфей. — Пойдем, но ненадолго, зима все-таки.

Оказалось, что дух пассионарного авантюризма они должны были проявлять непременно под балконами многоэтажки. Матфей, конечно, заподозрил, что место они выбрали какое-то неправильное, но Сидор, заверил, что именно тут золотая жила, остальные места, мол, слишком насижены и предсказуемы — люди уже знают, что от них нужно держаться подальше. Матфей пожал плечами, решил, что Сидору виднее — он же бывалый аскер.

Вторым звоночком было то, что Матфей непременно должен был петь дебилские песни

в духе: «Льет ли теплый дождь, падает ли снег...» или «На белом-белом покрывале января...». На приличные песни вроде «Звезды по имени солнце» Цоя, как уверял Сидор, никто денег класть не будет.

Вскоре от скрипки разболелась башка. Голос на морозе замерз и звучал в духе шансона. А в их чехол за час никто и копейки не кинул, хотя Матфей старательно пел попсовые песенки о любви. Сидор же тыкал его смычком и требовал больше чувств в голосе.

Из окон стали выглядывать жильцы и орать, чтобы недомузыканты заглохли, но были и те, кто призывал заглохнуть призывающих заглохнуть, мол, молодежь, романтика, редко сейчас увидишь. И только тогда до Матфея допёрло.

— Тут же Верка живёт!

Дом все больше казался узнаваемым. Точно! Именно здесь, на этой самой хате, они бухали на посвящении.

Матфей повернулся к другу, тот вдруг заголосил:

— Вера, Вера, это песни для тебя! Это я, Сидор, люблю тебя, крошка!

Сидор выставил вперед узкую грудь и показал руками сердечко. От его картавой «крошки» Матфей фыркнул, поняв, что даже злиться не может, спросил скорее для формы:

— Ты дебил?!

Сидор, покосился на него и опять забазлал:

— Верка! Выходи! Меня хотят убить!

— Э-э, парни, зря вы тут горлопаните, Верки дома нет, — к ним подошла женщина с пакетами. — Я видела, она вчера уехала с мужиком. Если это ее новый хахаль, то вам, ребятки, еще и достаться может — как пить дать, очередной уголовник!

— А, ну тогда сматываемся, — быстро кидая скрипку в чехол, согласился Сидор, его романтический настрой, как ветром сдуло.

— Я поверить не могу, что я отморозил все свои дето-делательные органы только потому, что у тебя, Сидор, пися зачесалась!

— Чего это сразу пися? Нравится мне Верка.

— Верка?! Нравится?!

— А что, в жизни каждого мужчины должна быть роковая женщина! Как у Маяковского Лиля Брик, как у...

— Потаскушка Верка — роковая женщина?! Или тебе обидно, что только тебе на курсе не дала?

— Знаешь, Матфей, тебе не понять!

— Ну, а если бы она, скажем, на меня клюнула. Пел-то я?

— Тебе не нравятся девушки. Ты — в другом лагере.

— С каких это пор?!

— С тех пор, как я всем об этом рассказал.

— Придурок!

— Ты вынудил меня! Иначе я рядом с тобой невыгодно смотрюсь. Ты и так у меня всех баб утащил!

— Я даже не буду спрашивать, каких-таких баб! Чтоб я тебе еще раз поверил!

Но Матфей поверил и не раз. И нужно еще посмотреть, кто из них двоих был дебилом.

Сейчас вспоминать было весело и приятно. Матфей скучал по другу, нуждался в друге, который похитил бы его из этой клетки. А друг — в армии.

Сидор возмутился, что у него оказалась категория годности: «А».

— Ты прикинь, Матан! Они совсем охренели — даже на мои очки глядеть не стали!

— Может, потому что декоративные?

Они опять торчали в столовой. Матфей чиркал в альбоме профиль девушки, которая сидела за соседним столиком, и думал, что благодаря «пунктуальности» Сидора, ему из курса обучения больше всего запомнится именно столовая.

— Чего сразу декоративные?!

— Да потому что ты недавно орал, что на алике отмутил крутые очки Поттера с чудо линзами — без всяких шгучек для слепощарых, а ты и не знал, что такие есть!

— Да, но с тех пор у меня появились проблемы со зрением — я вижу мир в магическо-розовом свете! Я учусь в Хогвартсе и не имею возможности посещать обычный универ, потому что Гермиона похитила мой маховик времени!

— А почему тебя психом не признали?

— Не знаю, я, кажись, перестарался. Они только поржали. И даже пацифистом отказались признавать!

На стене в ВК у Сидора по типу Матфея тоже был пост: «Я (Костя Сидоров) пацифист И в армии служить не должен, но меня похитили в стрелковые войска, применив метод государственного насилия. Я протестую! И не я один! Л. Н. Толстой в своем раю тоже негодует — он же ясно, черным по белому писал, что нельзя служить в армии и платить налоги — слушайте классиков, господа! Help!».

Верка под постом Сидора оставила комент: «Гы, может хоть армия сделает из тебя мужчину!».

Примитивная особь — поморщился Матфей.

Утром перед операцией удушающими кольцами сдавила паника. Матфей, стараясь унять тревогу, решил пройтись по коридору.

Нервно отмеряя шаги, случайно налетел на ведро с тряпкой и опрокинул его. Раздался грохот, грязная вода хлынула на уродливые, коричневые ромбы линолеума. Подбежавшая санитарка, разразилась отборной бранью, и Матвей, опасаясь, что его прикончат раньше времени, торопливо отступил в палату.

Ожидание давило хмурыми тучами, затянувшими свет. Ожидание било мелкими каплями по стеклу. Ожидание тикало часами на стене.

Вспомнилась придурковатость Сидора в плане часов — он не умел определять время по круглым часам. Точнее умел, но мудреным способом умножения, от которого мозг нормального человека вскипал.

Медсестра заглянула в палату, велела готовиться и исчезла за дверью, не дав и рта раскрыть. Её шаги растворились в звуках коридора. Четких инструкций по поводу того, в чём должна заключаться подготовка, Матфею так и не поступило, поэтому он упорно доставал себя накручиванием всякой лабуды.

Когда твою черепушку вот-вот должны вскрыть и отрезать от мозгов одну лишнюю детальку, мнительность включается на всю мощность и кривляется нелепыми фантазиями из разряда: «проснуться во время операции со вскрытой головешкой». Кажется, такую фигню он видел в голливудском фильме. А еще можно не проснуться совсем. А хуже всего проснуться овощем, лучше тогда не просыпаться. Хотя не просыпаться совсем, он совсем не хотел.

Наверное, так чувствовала себя Анна Болейн, обоссавшаяся на эшафоте, или этс

художественный вымысел создателей сериала «Тюдоры»? Но вполне себе правдоподобно вышло. Приговоренных, хотя бы кормили хорошо, перед тем как головешки рубить. Ему же со вчерашнего дня есть строго воспрещалось, а с вечера и пить.

В животе урчало, но опухоль давала свои плюсы, и жрать все равно не хотелось.

Во рту было сухо и противно. Все, о чем мечтал — вырваться на свободу. Бежать. Но бежать не было сил.

Тогда... хотя бы пройтись, ощутить, как ноги пружинят по раскисшей земле, ощутить запах осени. Возможно, последний раз ощутить себя частью всего этого.

Нет, так дело не пойдет, нужно успокоиться. Отвлечься.

Решил почиркать.

Дрожащие потные руки слушались плохо. Пальцы, судорожно вцепившись в карандаш, слишком давили на грифель, отчего он то и дело ломался, и рвалась бумага.

Рисунки получались слишком грязными и темными в стиле «чернот» Одилона Редона.

Матфей недовольно вырвал очередной лист и, скомкав, бросил в пакет.

Нога, пытаясь найти выход расстроенным нервам, подергивалась, отстукивая ритм крутящейся в наушниках песни мечтателя Джона Леннона «Imagine». Престарелая койка скрипуче вздыхала поношенными пружинами, отчего соседи по палате «доброжелательно» просили перестать дергаться.

Он сидел, согнувшись в три погибели над прикроватной тумбочкой, и старательно чиркал в блокноте. Голову сдавила судорога боли. Он вздрогнул и застыл, внутренне умоляя кого угодно, чтобы боль утихла, но она лишь усиливалась.

Вцепился в спинку кровати, стараясь перетерпеть, но боль не проходила. Сорвал наушники, упер острые локти в колени, положил голову на ладони, закачался, пытаясь убаюкать свою боль. Койка опять застонала. Все звуки, запахи, цвета сделались четче. Свет ударил и погас, сделалось темно и холодно.

В глазах поплыло. Затошнило. Картинка смазалась. В ушах зашипело, словно немощное радио никак не могло поймать нужную волну.

В углу нечеткой тенью сгущалась фигура в плаще. Лицо скрывал капюшон. В нос ударил терпкий трупный запах — запах срезанных цветов.

Матфей застонал, зажмурился.

— Чертовы глюки! — сквозь зубы выдохнул он, старательно выравнивая дыхание.

От страха волосы на руках встали дыбом, кожа покрылась мелкими пупырышками. Старуха пришла по его душу.

Смерть нетерпеливо поджидала его, только традиционной косы не хватало. Упертая старуха... А что если она слышит, что он о ней думает? Хотя, пускай слышит — она же галлюцинация.

Его подсознание играло с ним злую шутку.

Все можно было объяснить научно, но предки в его генах звали ко всем суевериям, которые накопило человечество за многие тысячелетия существования.

— Скоро! — шипуче тянула *она* из-под капюшона.

Фигура колыхнулась и стала приближаться, простирая к нему костлявые руки.

Матфея затрясло. «Может, это вовсе никакая не смерть, а какой-нибудь назгул пришел требовать кольцо всевластия», — пытался он уцепиться за смешную аналогию, но это почему-то не смешило.

— Мне рано! Убирайся! — пытаясь хоть как-то защититься от надвигающейся смерти,

он выставил руки вперед.

— Скоро, — повторила старуха, обжигая щеку холодным прикосновением.

Он зажмурился.

— Уйди!!!

— Эй, Матфей, — чей-то голос доносился, как сквозь вату.

Кто-то тряс его за плечо, но он не открывал глаза.

Наконец, боль потихоньку отпустила, из резкой переходя в ноющую.

Он усилием воли заставил себя открыть глаза. Над ним нависало встревоженное лицо

Генки.

Всё та же убогая палата с вымазанными в грязно-зеленый цвет стенами, и никакого напоминания о пребывании здесь костлявой старухи. Лишь на щеке еще горело льдом её прикосновение.

Матфей потер онемевшую щеку.

— Эй, парень? Все нормально? — видно вопрос Генка твердил уже не первый раз. — Может медсестру позвать?

— Да. То есть, нет — постепенно приходя в себя, покачал головой Матфей. — Не надо, все норм, — повторил он несколько раз скорее для себя.

С соседних кроватей на него испуганно таращились Тоха, Жека и Юра. Увидев, что Матфей заметил их реакцию, тут же уткнулись кто в свой кроссворд, кто в планшет.

— Ты, давай, это, крепись, — ободряюще тронув его кулаком по плечу, пробормотал Генка.

Кулак у него был большой, с толстыми мощными пальцами работяги, и прикосновение получилось весьма ощутимым.

— Ты парень хороший, свой! Хотя и со странностями, ну эт прост пока молодой, а так — свой! А России свои нужны, — он подал Матфею руку.

Матфей оценил уважение.

Он мог бы сказать, что России никто не нужен, что Россия и не заметит, как он уйдет, потому что до него уже ушла незамеченной куча людей и после него уйдет еще куча, а Россия делает ядерные бомбы и автоматы вместо лекарств. Россия играет в игру: «кто в доме хозяин?». Россия делает ставку на смерть, а не на жизнь. Но он заценил уважение и промолчал, пожав Генке руку.

Смерть стирает всякие границы — может, поэтому анархизм в общественном сознании связан с гуляниями смерти, потому что только эта старуха уравнивает, примиряет и рушит преграды для всех одинаково.

За дверь послышались приближающиеся шаги и голоса. В палату завезли каталку.

— Раздевайся и ложись, — едва взглянув на него, равнодушно приказала пожилая медсестра, продолжая перебрасываться фразами с молоденькой напарницей.

Матфей быстро стащил с себя пижаму. Растеряно подумал — снимать ли ему трусы и как это унижительно, если снять нужно.

Его замешательство не укрылось от молоденькой медсестры. Она понимающе отвела взгляд, от чего Матфей еще больше смутился. Он вздохнул, понимая, насколько глупо выглядит и, поспешно сдернув остатки белья, забрался на каталку.

Пожилая медсестра, буднично тряхнув простыней, неосторожно накрыла Матфея с головой. Холодная ткань неприятно коснулась кожи, опалив очередным отвратительным

предчувствием конца. Девушка, тут же подсуетившись, убрала простыню с лица.

Однако сам факт того, что к нему относятся так, будто он уже труп, выбесил. Его любая мелочь выводила. А вот это!.. Это вот — нихрена не мелочь.

— Осторожней! — раздраженно рявкнул он.

— Ой, неженка какой! — пожалала плечами медсестра. — Поехали, Оль.

Каталка мягко понеслась по больничным коридорам. В нос ударили смешанные запахи: болезни, лекарств, хлора и кварца. Потолок зловеще подмигивал лампами дневного света, уходя далеко ввысь и вместе с тем умудряясь давить.

У лифта остановились, дожидаясь, когда тот раскроет железное зеву. Толчок, и каталку завезли внутрь.

Матфей лежал, борясь с желанием соскочить с этого гроба на колесах.

В лифте кто-то прокашлялся. В углу скромненько жался Егорушка. Матфей плотно сжал губы, чтобы вслух, при медсестрах не попросить его в довольно грубой форме русскоязычного мата выметаться нах...

— Чаго ж и не помолишься даже напоследок?!

Матфей незаметно для медсестер показал Егорушки средний палец. Но настырный старик продолжал выжидающе смотреть на Матфея. Потом упал на колени и стал подобострастно креститься и шептать молитвы.

Матфею стало душно. Лифт замедлился и встал. Замигал свет.

Медсестры застыли, словно отключенные роботы. Лифт не двигался с места. Старик прекратил клоунаду и вновь принялся выжидающе смотреть на Матфея.

— Хочешь, чтобы я помолился, старый пень?!

— Надо, Матюш, надо, а то ежели чего не так пойдет, а ты пред Господом не покайся?

— Будет тебе молитва, — зло прошипел сквозь зубы Матфей и, сделав раболепное выражение моськи, поднял глаза к потолку, и сложил ладони вместе: *«...Благодарю Тебя, Могучий, Что мне не вырвали язык, Что я, как нищий, верю в случай И к всякой мерзости привык. (...). Благодарю тебя, мой боже, Что смертный час, гроза глупцов, Из разлагающейся кожи Исторгнет дух в конце концов. И вот тогда, молю беззвучно, Дай мне исчезнуть в черной мгле, — В раю мне будет очень скучно, А ад я видел на земле».*

— О, Саша Черный хорош, но Лермонтов мне больше нравится. И тебе больше к лицу. Он тоже романтик: **«А он мятежный просит бури, как будто в буре есть покой!»**

— Знаете что? Идите к черту!

— Черти премилые животные, которые живут в аду. Я бы сходил туда в гости, но ад закрыт. На тебя вся надежда, только ты можешь всех нас спасти, — тихо прошептал старик, сделавшись до озноба серьезным. — Только бы твоего света хватило, а то ты уж больно часто его гасил... — и Егорушка, щелкнув пальцами, растворился.

Матфей застонал от отчаяния. Лифт дернулся и потащил.

Медсестры, как ни в чем не бывало, щебетали друг с другом. Неужели не почувствовали ни замедлившегося времени, ни хотя бы того, что лифт стоял?

Нужно уже поскорее избавиться от лишнего в голове.

В операционной было холодно и много синего мертвенного света, отражающегося от белых стен. Матфей перелез на стол. Подошла медсестра, измерила давление. Сухо сообщила результаты врачу.

— Чуть выше, чем хотелось бы, — хмуро пробормотал тот.

Началась суэта, в руку Матфею вставили катетер, куда воткнули капельницу.

Решительным шагом подошел грузный человек в зеленом медицинском костюме и в такой же шапочке.

Матфей поймал себя на мысли, что ему приятно, что врач в костюме, а не в пресловутом белом халате.

Врач приветливо кивнул ему.

— Меня зовут Алексей Константинович. Я — анестезиолог, — представился он. — Боишься?

— Да, — честно сознался Матфей.

— Не бойся, ты ничего не почувствуешь, я свою работу знаю, — улыбнулся врач. Сейчас я досчитаю до трех, и ты глубоко вздохнешь. Готов? — Матфей кивнул. — Раз, два, три... — На лицо опустилась маска.

Вдох, и Матфей, даже не успев осознать переход между был и не был, резко опустился в глухую, вязкую тьму.

***

Матфей лежал в воде. Она обглодала кожу и мышцы, оставив голые кости, что бултыхались в темной глубине.

Без мышц он никак не мог выплыть. Каждая попытка отдавалась жгучей болью. Так и качался на этих водах, пока одна из волн не шлепнула его по обнаженной сути, захлестнув в крепкие удушающие объятия.

Матфей вынырнул, попытался отдышаться.

Он не мог понять окружающее его пространство, не мог вспомнить себя.

Он ощущал, как бежит кровь по венам, как сокращаются мышцы, как работают органы, как стекает пот с кожи, и с хрипом вырывается воздух из легких. Попробовал разлепить глаза, но веки оказались слишком тяжелыми — неподъемными.

Пробуждение встретило мучительной болью.

На Матфея накатывала темнота — такая заманчивая, безмятежная. Волны, тихо баюкающие уставшие кости, колыбельная, которую пела ему вода, так манили к себе.

Но вспомнилась другая колыбельная. Из глубины памяти всплыли лицо и голос мамы.

Он застонал, задержался в темноте, в попытке вернуться к маме. Свинцовые веки поддались лишь на пару миллиметров и снова беспомощно сомкнулись.

Это бесполезное действие лишило последних сил. Боль захватила все его существо.

Издали доносились чьи-то крики.

Он тонул, захлебывался.

И отпускал...

— Разряд! — раздалось совсем близко, что-то потащило вверх. Но там поджидала боль. Боль отнимала всякое желание, всякую возможность вернуться обратно. — Разряд! — второй толчок оказался намного слабее первого, а на третьем он ощутил, что нить, связывающая его с телом, оборвалась.

Вода обняла его. Он её не отталкивал, он принял её, и она опустилась в него холодным спокойствием прохладной ночи. А там лишь легкость и тишина — как он и хотел.

Глава 4. Бесы (часть 1)

Осень лихоманило. Холодный ветер обрывал листву. Дождь промочил город до основания и повис в воздухе сырой изморосью. В воздухе настоялось и загустело небо, оно обвалилось на землю непосильной тяжестью. И придавило душу к земле.

Лекарство от этой вязкой грусти одно — быть постоянно занятым. Быть постоянно занятым — повод загрустить.

Витамишками себя кормить? На витаминки нет денег. Да и есть ли от них толк, если большая часть полезных свойств теряется в пищеварительной системе? Вопрос дискуссионный. Разве что вкалывать напрямую внутримышечно или надеяться, что сработает эффект плацебо.

Аня опаздывала. Всё потому, что воспитка Вадика сегодня все утро выносила ей мозг. Аня кое-как от неё отделалась, получив вслед клеймо нерадивой молодой мамашки, что растит дебила. Но лучше уж так, чем всплывет правда, тогда Вадика могут и в детский дом забрать. А этого она не могла допустить. По «закону подлости» автобус ушел перед носом.

Аня теребила пуговицу на пальто — дурная привычка, но грызть ногти еще хуже.

Пальто не по размеру мешковато висело на узких плечах, зато это было кашемировое, отцовское пальто, чудом сбережённое из прошлой жизни. Оно хранило в себе запахи дорогих сигар и парфюма — едва уловимые ароматы прошлого. Раньше в этом пальто Аня выглядела нелепо, а сейчас такой крой вошел в тренд, и со спины она вполне могла сойти за современную модницу.

Дотеребилась — пуговица осталась в холодных пальцах. Аня положила её в карман. Старенькое пальто распахнулось, открыв грудь холодному ветру.

Сделалось зябко, Аня поежилась, запахнулась, скрестив руки на груди. Железная конструкция с выбитыми стеклами на месте остановки не защищала от ветра. Летом радовались новым, стеклянным остановкам с рекламой шампуня против перхоти. Но и месяца не прошло, как всё раздолбали. Остались рожки да ножки.

У столба, обклеенного разномастными объявлениями, курил мужик, громко сплевывая на асфальт и ругаясь по телефону. В другой стороне, парочка кормила бездомного пса сосиской в тесте. Когда-то давным-давно и она с Матфеем подкармливала дворняг...

Можно кинуть лозунг, как в психологическом тренинге — тебе выбирать, куда смотреть. Однако, даже если игнорировать агрессивного мужика, это не отменит его существования. Философия солипсизма вместе с Декартом давно показали свою несостоятельность.

В писании говорилось, что Бог любит всех своих детей одинаково. Отчего-то именно это окончательно подрывала основы Аниной веры в свет, добро и Бога в их лице. Всплыли строки из недавно прочитанного на ночном дежурстве О. Уайльда: *«Ты любишь всех, а любить всех — значит не любить никого. Тебе все одинаково безразличны»*[1]. Возможно, классик прав. Возможно, этим все и объясняется на Земле — Богу все одинаково безразлично.

Аня подергала себя за ниточки — не до глупостей, не до размусоливания своих проблем и переноса их в нечто глобальное.

Подъехал автобус с самообличающей надписью: «Лом черных и цветных металлов».

Аня обошла лужу, с плавающей рыжиной резных листьев. Из лужи ей подмигнуло

солнце, на миг выглянувшее из тисков свинцовых туч.

Аня рискнула ответить солнцу робкой улыбкой и едва не упала, получив тычок в спину от только что харкавшего у столба мужика.

Мужик, не давая выйти пассажирам, остервенело пробирался в салон.

Люди бросали ему вслед возмущенное:

— Придурок! Дай выйти!

Аня, дождавшись, когда толкучка в дверях прекратится, вошла в автобус и встала на место для колясок.

Автобус закрыл двери, рыгнул и тяжело тронулся по разбитой дороге.

Мужик устроился поудобней на сидении у окна и врубил на всю громкость какое-то быдло-видео с ютуба.

Бытовое зло куда гаже всех его экранных и книжных воплощений.

И опять вопросы туда. И его Он любит? Если Он любит, почему она не может? Нужно учиться любить всех? Или учиться быть ко всем безразличной?

Подошла кондуктор. Аня рассчиталась. Взяла билет. Номер оказался счастливым.

Вспомнилось детство. К ним домой приходила мамина несчастливая подруга, которая всегда искала счастливые билетки и ела их. Поэтому маленькая Аня думала, что несчастливые люди питаются счастливыми билетами. И, чтобы не приходилось есть невкусные билеты — она всегда старалась быть счастливой.

Интересно, билетная диета в конце концов осчастливила тетю Гаю? С тех пор, как умерла мама и отец запил, Аня её не видела, хотя та и была ее крестной.

Аня вздохнула и засунула билет в рот. Подавив спазм тошноты, заставила себя сжевать и проглотить вязкий ком. В ее случае даже такой призрачный шанс на удачу — нельзя упускать.

Автобус тряхнуло. Стоящая рядом женщина пошатнулась, охнула, замахала руками. Аня инстинктивно схватила ее за руку, помогая удержать равновесие. Женщина, нервно посмеиваясь, поблагодарила. Аня в ответ вежливо улыбнулась.

Глянула в окно и поняла, что почти приехала. Мысленно обругала себя за вечное витание в облаках. Ведь хотела по дороге позубрить термины. С этими работами учебу она подзапустила и рисковала в следующем семестре остаться без стипендии.

Еще и лекция по хирургии, куда Аня непозволительно опаздывала, грозила ей недовольством гениального Лопатина. Он считал, что женщин вообще не должно быть в его аудитории, а опоздуны-врачи — это из ряда вон в любой аудитории медицинского университета, к какому бы полу они не принадлежали.

Аня не любила хирургию, ей больше нравились терапевтические методы. Она уже давно выбрала будущее — и учиться недолго, и резать никого не нужно. Но врач должен разбираться во всем.

Выскочила из автобуса и бегом домчалась до универа. Как назло, на входе долго копошилась, ища в огромной сумке затерявшийся пропуск. Охранник сжалился, махнул рукой, мол, иди, помню тебя, и отворил турникет.

Спешно накинула халат, надела бахилы и медицинскую шапочку. Робко постучав, вошла. В аудитории воцарилась гробовая тишина.

Аня, старательно глядя в пол, плюхнулась на первое попавшееся место. Потихоньку стала доставать вещи из сумки, но потихоньку не получилось. Оглушительно звякнула молния, конспекты с хлопком повалились на пол, а пенал булыжником ударился о парту.

Аня не понимала себя в такие моменты. Казалось бы, сколько у нее в жизни настоящего жестких ситуаций происходило, а вот такая мелочь по нервам была не меньше ожидания удара от пьяного, взбеленившегося отца.

— Поздравляю! Пока вы неторопливо пили утром кофе, ваш пациент скончался, — не отрывая глаз от заметок, глухо заговорил Лопатин. — И больше в ваших услугах не нуждается.

Совсем рядом раздался хрюкающий смешок.

— Алексей Гаврилович, вы находите факт смерти пациента смешным? — Лопатин одарил весельчака пронзительным взглядом из-под поблескивающих линз очков.

— А чё такого? — буркнул себе под нос Лёха.

— Вам, Алексей Гаврилович, повезло, вы ведь в моей подгруппе, а я умею ценить людей с чувством юмора. Завтра у нас как раз семинар, вот и расскажете об особенностях оперативного вмешательства при периаппендикулярном абсцессе.

Лопатин вновь забубнил лекцию.

Острый локоть Лёхи вонзился Ане в бок. Она стиснула зубы, проигнорировав агрессию.

— Ты, сука, теперь сама мне этот доклад пригодишь! — сквозь зубы процедил он ей в ухо.

Аня отрицательно покачала головой. Лёха схватил её за руку и, наклонившись ближе, хотел снова нашипеть гадостей. Но тихий властный голос соседа буквально повелел:

— Оставь, потом разберёмся.

Вот от этого голоса Ане сделалось не по себе. Угораздило же её сесть именно здесь. Не иначе как счастливый билет «осчастливил».

Она старалась переключить внимание на лекцию, торопливо конспектируя умные мысли Лопатина и подчеркивая их текстовыделителем. Но звуки бегающих по клавиатуре нетбука пальцев, крылатыми жуками, зловеще пощелкивали в ушах, не давая сосредоточиться.

Нетбуками пользовались только мажоры. Простые смертные писали конспекты по старинке, вручную. По старинке — оно лучше, задействовано больше систем по запоминанию и меньше соблазнов отвлечься на игрушки, как это делал сейчас Лёха, высунув между толстых губ кончик языка, только что слюна не текла.

Не по себе было Ане, что такие, как Лёха, надев белый халат, пойдут лечить людей.

Хотя Лакунин Илья, которому и принадлежал властный голос, на игры не отвлекался и был самым выдающимся студентом на курсе. Ему прочили большое будущее.

Но Ане было еще больше не по себе осознавать в белом халате Лакунина. Несмотря на незаурядный интеллект, феноменальную память и обширные знания, в нем абсолютно отсутствовало элементарное сочувствие к человеческой жизни. Может для хирурга, которым он собирался стать, это было и хорошо, но всё-таки...

Впрочем, на всё это она не могла повлиять и это её никак не касалось. У Ани было слишком много забот, чтобы брать в голову еще и проблемы избалованных жизнью мальчиков. А если они были вне ее жизни, то и осуждать их она не хотела, хотя и невольно выносила им самый строгий приговор.

***

После пар Аня с одногруппницей Машей пошли в библиотеку.

Задавали много. Дома у Ани компьютера не было, поэтому над заданиями они работали

или в библиотеке или у Маши дома.

Они не то, чтобы дружили — Ане было не до дружбы, но сотрудничали по учебе. Легкомысленная Маша обычно без умолку трещала на ерундовые темы. Молчаливую и замкнутую Аню это более чем устраивало, ей импонировала беззаботность и прямота одногруппницы, а Маше нравилось то, что Аня может ее выслушать и помочь с домашкой.

— Ты прикинь, Лакунин сегодня на «Аморале 222-м» прикатил. Это ж сколько у него бабок! Ох, жалко, что он на таких, как мы, даже не посмотрит, а я б с ним замутила.

Аня поежилась. Вспомнилось, как хладнокровно Илья вел себя на парах и его тон продирающий до мурашек, даже преподаватели его побаивались. Как же замечательно, что пухленькая, веснушчатая Маша для него слишком хороша и его удел — силиконовые барышни, вроде Маргариты Гулиной.

— Что ты так смотришь? Он красавчик, богатей и умник — мужчина-мечта.

— У него на лице все синдромы психопатии, — не выдержала Аня. — Мне представить страшно, что было бы с простой девушкой, которая угодила бы в его лапы!

— Ого, какая бурная реакция! Уж и помечтать нельзя. За холодным ликом этого миллионера, возможно, скрывается горячее сердце Кристиана Грея, — покусывая карандаш, с придыханием вымолвила Маша.

— Вот в его маниакальных наклонностях сомнений нет. И прекрати облизывать карандаш — острицы заведутся! А деньги не его, а родителей.

— Знаешь, ради красивой жизни БДСМ можно и потерпеть, да и во вкус войти можно. Как будто русскую бабу испугаешь плетками?.. В «Тихом Доне» — мужицкая романтика настолько сурова, что любой БДСМ-ист сбежал бы с криками «помогите», — пожалала плечами Маша, откладывая карандаш в сторону.

Аня вздохнула. Села за компьютер и сосредоточилась на проекте. Маша, обвинив ее в «букоятстве» — ее любимое словечко — постепенно тоже включилась в работу.

— Теперь осталось распечатать, и мы в шоколадке, — улыбнулась Маша, извлекая флешку из компьютера. — С тобой работать — одно удовольствие, ты умняшка.

Аня достала кошелек, чтобы скинуться на распечатку, внутренне замирая от очередной траты, но Маша махнула рукой.

— Да, забей! Там копейки.

Аня вяло посопротивлялась, впрочем, уступила быстро — до зарплаты далеко, а детей кормить нужно, они и так постоянно на китайской лапше. Поэтому гордость пришлось в очередной раз прижучить.

Маша ушла распечатывать доклады, а Аня решила залезть на свою страничку в «ВК». Она зарегистрировалась недавно — надоело все время пропускать важные новости по учебе, что сообщались только через беседу во «ВК».

Вспомнилась парочка на остановке, и пальцы сами выбили запрос — «Матфей» (имя редкое, обычно там ставят букву «в»), а фамилия: «Журавлёв». Страничку нашла быстро.

Он изменился, только ошеломительный контраст тёмной меди красных волос и черных конопушек позволил сразу его опознать. Улыбка по-прежнему щербатая, лицо открытое, но в чертах больше нет детской мягкости. Лицо замерзло, сделалось по-мужски жестким. Может, это так только на фото, а в жизни все иначе. Захотелось увидеть, каким он стал, а точнее увидеть, что остался прежним.

В статусе любимое выражение: «Анархия мать порядка», а на стене сплошная политика — все тот же мальчишка.

Аня улыбноулась и лайкнула его запись об анархии.

— Ого, какая физиономия интересная. Вот такой рыжий мне нра. Давно хотела так покраситься, да оттенки в магазине найти не могу. Блеклых и светлых, вроде твоего, завались, а такого красивого и благородного как этот не сыщешь. А что за парень?

Аня, смутившись, поспешно вышла со странички и выключила компьютер.

— Да так, — отмахнулась она.

— Вечно ты вся в себе, подруга, — уставившись в телефон, пожалала плечами Маша. — За мной папа приехал, я побежала, а то опять будет бурчать. Надоели они с мамой со своей заботой. Поки.

Маша, махнув рукой, выпорхнула из библиотеки. Через пару минут раздался звонок, оповещающий о закрытии.

Аня тоже двинулась на выход.

Усталость тукала в голове. Мысли скакали от одного к другому.

На дорогу денег жалко. Если дворами, то дойти можно за час. Беда в том, что придется пилить по темноте через заброшенный завод. Да и домой хотелось побыстрее к Аришке с Вадиком. Сегодня у неё, впервые за долгое время, нет ночных дежурств в психушке. Но денег тоже нет.

Она вздохнула, решив все-таки пройтись пешком.

Прохладный осенний вечер бодрил. Погода благоволила.

Аня вытащила из сумки пачку и закурила. Еще только начало месяца, а она уже прикончила больше половины сигарет. Курила редко, под настроение и тайком. Дым успокаивал. Сигареты — дорогое удовольствие. Покупать их было стыдно, поэтому у Ани всегда стоял лимит — не больше пачки в месяц.

Каждая затяжка в удовольствие, курила медленно, растягивая дым.

Замечталась, что возьмет и напишет Матфею простую фразу: «Привет. Скучала». Или, он, увидит её лайк и напишет сам. Может, уже написал и ждет её ответ. Захотелось посмотреть. Но кнопочный телефон интернет не вывозил, да и не было у нее денег на эту услугу. А завтра опять смена...

Нет, ни он, ни она не напишет. Зачем обманываться? Он давно забыл о ней. Прошрое не вернуть, слишком глубоко они ушли в будущее. Он ушел, а вот она застряла в том отрезке времени, где они были вместе. Двинуть же себя вперед сил не хватало.

Вечер темный, беззвездный. Запахло свежестью, потянуло морозцем: того и гляди пошлет снег.

Аня сунула в карманы шершавые руки.

Недавно ей удалось найти еще одну подработку. После обеда она мыла инструменты в частной хирургической клинике. Можно сказать, что повезло, но вот кожа на руках стала, как наждачка. Но больше всего тяготила ответственность за ВБИ и собственную безопасность, потому что соблюдать в полной мере все требования ВОЗ было невозможно, из-за банальной нехватки времени, а также экономии начальства на всём что можно и нельзя. Как ни крути, Аня была бы рада держаться от всего этого подальше.

Она приближалась к безлюдным развалинам с темными провалами окон. Локации позавидовали бы фильмы ужасов. Даже днем здесь ходить было жутковато.

Посыпала крупа. Первый снег. Ветер загреб пригоршню колючих ледяных опилок и бросил в лицо. Сделалось зябко, неудобно.

Со стороны заброшенного завода доносился шум. Кто-то неразборчиво бурчал в

громкоговоритель.

Аня пролезла через дырявый забор и прибавила шагу, стараясь скорей пройти мимо.

Из кустов под ноги кинулось что-то черное, с шипением отпрыгнув в сторону, зыркнуло на нее желтыми глазами и растворилось во тьме.

Существо оказалось кошкой с крысой в зубах.

Аня поморщилась, обругав себя зайчишкой.

Однако тревога не отпустила. Голоса становились отчетливей, и исходили они буквально из-под земли. Делалось все страшнее и страшнее.

«Скорее всего, кто-то наконец-то выкупил помещения и теперь осваивает их», — внушала себе Аня, пытаясь успокоиться и объяснить своему страху, что он сам дурак и нужно жить дружно и думать о хорошем.

Темнота сгустилась. Снег пеплом кружился вокруг в бешеном танце незрелых снежинок. Выбитые окна провожали пустыми глазницами.

«Ну, прям, чертов Сайлент Хилл», — ежась, подумала Аня.

Ветер бил железякой по остаткам оборудования. Бил творчески, с расстановками, как в набат, и сердце выстукивало этот звук, ускоряя движение, переводя ноги почти в беговой режим.

— И куда мы так спешим?

[1] О. Уайльд «Портрет Дориана Грея»

Глава 4. Бесы (часть 2)

На этот раз Аня все-таки вскрикнула, содрогнувшись всем телом. Подняла глаза. Перед ней стоял Лёха. Она облегченно выдохнула. Но выражение бульдожьего лица с рыбьими глазами ясно давало понять, что она рано расслабилась. Аня знала такое выражение слишком хорошо.

— Кто-то сунул нос, куда не следует?

Лёха торжествовал, и такая гаденькая в этом торжестве была радость, что хотелось стереть ее с его рожи во что бы то ни стало.

— Дай пройти! — как можно тверже процедила Аня, понимая, что нельзя показывать страх.

— Я смотрю, ты больно смелая. Ничего, и не таких сук объезжали! — он стиснул её локоть и подтолкнул к заводскому корпусу. — Пойдем!

— Отвали! — брыкаясь, потребовала Аня.

Поглубже вздохнув, она что есть мочи заорала:

— Пожар! На помощь! — она где-то слышала, что кричать нужно именно о пожаре, тогда люди охотней сбегаются на зов.

Но людям здесь взяться было неоткуда, разве что из подземелья выползут.

Лёха второй рукой зажал ей рот и потащил к вытянутому одноэтажному зданию, со стороны которого и слышались приглушенные голоса. Превозмогая отвращение, Аня укусила его. Пальцы разжались. Лёха разразился отборной руганью. Аня рванула прочь.

Но Лёха опомнился быстро. В два прыжка нагнав Аню, схватил её за шиворот и потянул назад. Она отчаянно пыталась вырваться, но добилась лишь яростной оплеухи. Дыхание перехватило. Лёха вошел во вкус, и не успела она опомниться, как получила вторую еще более жесткую пощечину. Она пошатнулась и, запнувшись о высокий порог, кубарем слетела вниз по подвальной лестнице. Аня ударилась затылком, в ушах зазвенело. Она застонала от боли, сознание притупилось. Он сгреб её и затащил в дверь.

Лёха волок её по длинному коридору, идущему под наклоном в самый низ. Пахло краской и известью, где-то шел ремонт.

Он толкнул вторую, менее массивную дверь и впихнул Аню в помещение. На миг Аня оглохла и ослепла.

Зрение и звуки возвращались сегментарно. Сначала из света выплыла толпа с перекошенными лицами. Совсем молодые, не многим старше, а то и младше её самой, они окружили ее. Вскочив с паллетов, что, по всей видимости, служили зрительскими сидениями, люди со звериными лицами, возбужденно шевелили губами и размахивали руками. Потом появился звук. Вопли и свист, пробивающийся сквозь дикий звериный рев и жалобный собачий визг.

Аня всмотрелась в то, что так будоражило зрителей, и вздрогнула. На импровизированной арене, зарешеченной сеткой рабица, происходило нечто, что трудно было перенести, не разорвав душу. К приваренному посередине столбу приковали медведя и спустили на него свору бойцовых собак. Медведь боролся. Яростно. Отчаянно. На песчаной площадке валялись окровавленные тела изувеченных собак. Они корежились, подскуливая и судорожно хватая воздух. Уцелевшие, обезумевшие от страха псы, под дружное: «Атту» хозяев, продолжали рвать медведя. Медведь продолжал рвать собак.

— Идем! Чё опять встала-то?!

Аня отвела глаза от кровавого месива. Она была бы рада уйти и никогда не видеть этого зверства. Уйти куда угодно и как можно дальше. Но Лёха тащил её все ближе к арене. Запахло сырым мясом и кровью. Хотя Аня была приучена к этим «ароматам» еще на практике в морге, к горлу подступил ком.

Захотелось, чтобы все поскорей уже закончилось, как угодно, но разрешилось. Даже если исход значил оказаться в одной клетке с медведем и собаками, и ей придется разделить их участь. По телу поползла мелкая дрожь. Нет, к такому она была не готова.

Да, здесь же люди! Много людей! Она огляделась на орущую в экстазе толпу и поняла, что никто из них даже не подумает ей помочь.

Вот бы позвонить отцу, услышать еще хоть раз голос Вадика. Она спохватилась, что потеряла сумку. Как же она теперь без сумки будет? Если её съест медведь, то это больше не будет проблемой. Но если медведь есть не станет, то сумку нужно вернуть.

Аня завертела головой. Они подошли к кожаному дивану кислотного-желтого цвета, расположенному у самой арены. На нем вольготно сидело двое и курили кальяны. Один из них закинул длинные ноги прямо на сетку. Это был, конечно же, Лакунин. Из-под приподнятых штанин виднелись белоснежные носочки с клеймом какого-то лейбла. Лёха подтолкнул Аню к нему.

— Илюх, у нас гости! Застукал суку, когда она что-то вынюхивала!

— Я просто шла мимо! — возразила Аня, голос предательски дрогнул.

Илья нехотя отвел взгляд от арены и отстранено посмотрел на неё с Лёхой. Забулькал трубкой и пустил в их сторону дым.

— И? — нетерпеливо вздернул он брови.

— Я бы не прочь её проучить на сцене, — гаденько улыбнулся Лёха. — Чтобы не совала нос, куда не следует!

— Скучно, — смерив Аню взглядом рептилии, бросил Илья.

— Я сделаю нескучно! Ты же меня знаешь. Как в тот раз было... Всем понравилось!

В сетку, в то место, где Илья пригрел свои чистенькие ноги, ударилось изуродованное тело собаки. Аня вскрикнула. Лёха, громко сглотнув, сделал пару шагов назад. Это была овчарка. В детстве Аня под впечатлением от сериала «Комиссар Рекс», мечтала о друге из этой породы. На белые носки Ильи брызнуло пару капель крови. Илья не шелохнулся, продолжая курить, как ни в чем не бывало.

«Психопат!» — утвердилась в своих догадках Аня.

— Медведя догрызают. Обожди, — вставая, кивнул Илья и достал пистолет. — Сиди и смотри за ней. Тронешь мой кальян — убью.

Лёха нервно хихикнул. Толкнул Аню на диван, сел рядом и принялся громко дышать ей в ухо. Но Аня этого не замечала, потому что на арене умирал медведь. Ревел и умирал. Ревел протяжной болью, тоской и укором всем присутствующим.

Аня закрыла голову руками и, уткнувшись взглядом в засыпанный песком пол, стала ковырять его носком ботинка. Пытаясь хоть как-то отгородиться от этого кошмара, но кошмар лез в неё.

Раздался выстрел. Аня вздрогнула. Рев затих. В уши забивался лишь собачий визг и скулёж. Но и они умолкли в грохоте выстрелов.

Аня с облегчением бросила взгляд за сетку. Там стоял Илья и еще один парень с ружьем. Илья отдал парню пистолет. Тот вышел с арены. Нажал на рычаг. Рабица с грохотом

схлопнулась вниз, подняв вверх облако пыли. Между зрителями и Ильей больше не было преград.

Илья взял рупор и, выдержав паузу до полной тишины, обратился к толпе.

— Был в истории один человек, который пытался изменить мир, обратившись к публике с речью: «У меня есть мечта...» — уверенно начал он. — Но у меня никакой мечты нет. И у вас тоже нет мечты. Мы не мечтаем!

Пауза. Толпа выжидающе затаилась.

— Мы не мечтаем! — заорал Илья. — Мы деятели! У нас есть только цели и наше дело!

Толпа одобрительно загудела.

— Русского медведя уже давно порвали в клочья американские стаффордсы и пит-були, английские бульдоги и мастифы. Медведь давно стал пугалом! — говорил Илья, с презрением попинывая мертвую тушу.

— И мы сожрем это грёбаное пугало! Каждый из вас сегодня возьмет его силу себе! И уничтожит к чёрту этот сукин мир!

Толпа одобрительно заорала:

— К чёрту этот сукин мир!

На арену вернулся парень с подкреплением в виде пяти накаченных тел. Они взялись за медведя и, с трудом погрузив его тушу на подвезенную телегу, потащили прочь.

— Запомните, они боятся, — Илья понизил голос до доверительного шепота и вновь поднял до проникновенного надрыва лозунгов. — Власть боится нас! Боится своих детей! Потому что мы молоды и свободны! Нам нечего терять! Они нам ничего не дали! У нас ничего нет! Мы сами себе господа и возьмем все, что нам причитается, сами! Мы ничего никому не должны! Мы идём! Мы идём и сметём к чёрту их прогнившую систему!

— Сметем прогнившую систему! — забазлали с паллетов.

Илья пнул лежащую рядом собаку.

— Мы избранные! Мы революционеры, а *«революционер знает только одну науку, науку разрушения»!* [1]

— Разрушения!

Собака, которую пнул Илья, медленно поднялась. С клыков стекала красная пена. Взгляд налитых кровью глаз выражал абсолютное безумие. Израненное животное растерялось лишь на мгновение, увидев рядомдвигающееся тело, собака кинулась.

Аня вскрикнула, соскочив с дивана, но Лёха с силой дернул её за руку, вынуждая сестру обратно.

Илья чудом успел среагировать. Собака прыгнула, метя ему в глотку. Он бросил рупор и выставил согнутую в локте руку, защищая уязвимое место. Зубы бойцовского пса мертвой хваткой сомкнулись на предплечье. Илья свободной рукой, будто обнял собаку и, сделав плавное движение, свернул ей голову.

Толпа пришла в неопишуемый восторг. Затопали, завопили в бешеном экстазе, все больше напоминая стадо диких зверей.

Илья швырнул труп на песок. Поднял брошенный рупор и продолжил:

— *«Суровый для себя, он должен быть суровым и для других»!* [2]

Скинул с руки толстовку и продемонстрировал толпе рану от укуса.

У Ани перехватило дыхание, собака разорвала руку до самой кости. Илья должен был уже потерять сознание от болевого шока.

— *«Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности*

должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела»! [3]

— Революционного дела!!! — неистово вторила ему толпа.

Почувствовав напряженное внимание Ани, Илья уставился на неё холодным немигающим взглядом. Аню всасывало в черную дыру его глаз. Но любопытство было сильнее страха, а может, именно страх подстегивал любопытство. Аня пыталась отыскать в Илье хоть какие-то признаки боли, которую он превозмогал. Но ни лицо, ни глаза не выражали ничего, кроме всепоглощающей пустоты.

— *«Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции»!* [4]

— Успех революции!

— *«Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ей достижению»!* [5]

— Всегда готов! — подхватила со смехом толпа.

Надо признать, что Илья звучал убедительно. Его харизма и гипнотическая магия в голосе, его кровоточащая рана — призывали всё внутри подняться, вознегодовать и идти за ним. Аня даже поймала себя на том, что поддается чарующей силе его речи и готова вслед за ним и толпой выкрикивать пионерский клич: «Всегда готов!». Хотя говорил Илья полную ерунду.

Толпа верила в Илью, и эта вера подкидывала его над всеми. Наделяла властью и силой. Собравшиеся даже не пытались противиться этой паутине иллюзий.

— Всегда готовы! Помните это! Мы есть история! Мы те, кого она избрала своими солдатами! Карфаген должен быть разрушен!

Зрителя опять ответили взрывом восторга и обожания. Они неистовствовали так дико, что, казалось, вот-вот начнут рвать на себе одежду.

— И точка! На этом все! — И помолчав, добавил. — Камон, дальше культур про: Димончик понасилует ваши ушки и зачитает реп, традиционные бои без правил, присяга и пир с медведем! Сегодня мы обретем силу для борьбы!

Илья сошел с арены и на неё тут же прыгнул худощавый парень, обвешанный цепями, и с криками «Ёу-Ёу-Ёу, народ!» стал бессвязно бормотать в микрофон: «... *Gold on my wrist, я юморист Пошутил не так, и ты попал в black-list Государева немилость, хоть я вроде бы и чистый Небо — самолётам, а цензура для артиста...*». [6]

Аня пропустила момент, когда рядом с их диваном появился Илья. Он стоял чуть в стороне с тем самым парнем, который помогал ему добить животных, и с лаской удава внушал ему:

— Ма-акс, рили, полудохлая тварь испортила мне шкуру. Видишь? А татуха была зачетная. Кто-то должен мне это компенсировать. Рили? Но чушь, чушь!.. — вдруг перебил он себя. — Камон, я ведь не мелочная свинья?!

Макс в противовес спокойствию Ильи замер навтытяжку, потупив глаза. На лбу выступила испарина, он сдавленно выдавил:

— Нет.

Илья нежно провел искалеченной рукой по щеке Макса, оставляя на ней кровавый след, дружелюбно улыбнулся.

— Моя проблема в том, что я не люблю тех, кто плохо делает свою работу. Я начинаю подозревать, что они специально, что они предатели. А эта сука... Она ведь кинулась с той стороны, с той самой от которой я не ожидал удара — с твоей стороны, бро.

— Прости, Илья. Я не специально, я просто не заметил... — плаксиво забормотал Макс.

— Да, изи! Камон, не надо оправдываться, Ма-акс. Это произвело нужный эффект. Если бы у меня возникли сомнения на твой счет, то...

У Ани шевелились волосы от этой спокойной, доверительной угрозы. Хотелось зажать уши, но вместо этого она жадно вслушивалась в беседу. Илья притянул парня поближе к себе, и что-то шепнул ему на ухо, отчего тот побелел еще сильнее.

— Камон, скажи тупоголовым, чтоб убрали эту дохлятину! — быстро перешел Илья на свой обычный повелительный тон.

— Ок, — кивнул Макс, облегченно выдыхая.

— И еще, сука вырвала мне мясо, — Илья опять махнул перед лицом Макса порванной рукой, — нужно обработать и остановить кровь. Аптечка внизу. В темпе двигай, чё тормозишь?!

Макс еще раз кивнул и, спотыкаясь, побежал исполнять поручения.

Аня вернула фокус внимания в себя. За просмотром чужой драмы она как-то забыла о своей. Но Лёха любезно напомнил:

— Илюх, вы пока здесь заняты, и культ про у нас забита интересными зрелищами, — подорвался к Илье обиженный, что его нет в списке развлечений, Лёха. — Я пойду, займусь девкой наедине, в своей машине?

Мозг заработал, стал прикидывать варианты собственного спасения: сбежать от этого уroda у нее не получится, но Аня где-то слышала, что как средство от изнасилования девушкам советовали обоссаться. Мочевой полный, но это казалось очередным бредом, из разряда кричите: «Пожар!»

Илья даже не посмотрел на Лёху, качнул головой.

— Нет, держи её здесь.

— Ты, значит, все-таки не откажешься от десерта на сцене? — с надеждой спросил Лёха.

— Этого не будет.

— Но...

— Лёха, ты рили тупой. Думаешь, кому-то интересно смотреть на твой пыхтеж в две минуты?! Это напрочь лишено эстетики. В тот раз было шоу, телки были приготовленные и под наркотой. А то, что ты предлагаешь, унылое дерьмо. Поэтому прикройся пока и не отвечивай.

Илья всем видом дал понять Лёхе, что разговор окончен. Тот вновь раскинулся на диване, сверля Илью выжидающим взглядом. При этом не забывая сжимать Анино запястье с такой силой, что передавливал кровоток. Рука онемела.

— Ты все равно ответишь! — шипел он.

Прибежал с аптечкой Макс. Аня опять переключила себя на Илью. Макс сел перед ним на колени, поставил рядом аптечку и стал внимательно осматривать травму.

— Илюх, швы надо наложить, — голос Макса подрагивал.

— Так действуй, в аптечке же нитки есть.

— А-аннестезии же нету! — неуверенно пробормотал Макс, растерянно глядя на Илью.

— Не требуется, шей давай! И жгут наложи!

Макс сначала долго возился со жгутом, потом долго не мог вдеть нитку в иголку и мучительно долго обрабатывал поле.

Укус действительно порвал татуировку какого-то уродливого клоуна на руке Ильи.

Рваная улыбка этого клоуна походила на улыбку человека, который смеётся, Виктора Гюго. Аня припоминала, что клоун — герой фильмов по комиксам. Такие фильмы нравились Матфею. Верхняя часть лица изображения теперь была помята, и к жуткой улыбке добавилась жуткая асимметрия всех черт.

Макс примерялся, как сунуть иглу: подносил её к коже и снова отводил в сторону. Не в силах решиться, он пыхтел, кусал губы. А кровь между тем опять заливала поле.

Ане хотелось уже забрать иголку и самой наложить шов. Она даже привстала, но, сжав зубы, заставила себя сесть обратно. Предлагать помощь было рискованно. А Илья после всего, что он сделал, заслужил эту пытку. «Заслужил», — подавляя в себе жалость, уверяла себя Аня.

— Камон, чел. эт вообще не айс! Сам!.. — потерял терпение Илья, оттолкнув Макса ногой, отобрал у него иглу. — Проследи лучше, чтобы нормально разгрузили пивас, а то эти качки опять утащат пару ящичков. И на кухне проконтролируй поваров — все должно быть чисто и быстро, как в больнице.

Опять Аню дернуло помочь. Совесть напомнила клятву Гиппократы. Пусть из нее хирург никакой, но все лучше, чем левой рукой самому себе шов накладывать. Да и он же уйму крови потерял, это, в конце концов, опасно.

— Даже не думай, сука, — зашипел Леха в ухо, вновь вцепившись в нее мертвой хваткой.

Илья уверенно стал сшивать края. Работать одной рукой ему было неудобно, но он и одной орудовал так, как Аня не смогла бы тремя.

Аня понимала, что они сидят рядом, и она может просто предложить Илье свою помощь, и, если он согласится, Лёхе ничего не останется, как отпустить ее или поссориться с Ильей. А если Илья не согласится, то это ухудшит ее без того нехорошее положение.

— Пойдем! — прошипел Лёха, видимо додумавшись до того же, до чего и она, он встал и потащил ее к выходу.

Бросилась краска в лицо: если с ней это случится — она не переживет. Тогда Вадик с Ариной останутся одни. Она не могла этого допустить, поэтому, собрав остатки храбрости, Аня повернулась в сторону Ильи, громко, стараясь перекричать репера на арене, попросила:

— Помоги!

Она знала, что, скорее всего, только вредит себе этой отчаянной просьбой, но все равно попросила.

Илья поднял голову. Их взгляды опять встретились. Коленки Ани от этой встречи подломились, она буквально повисла на руках Лёхи.

— Тупая сука!

Лёха толкнул ее на пол, песок смягчил падение, но от пинка в живот перехватило дыхание.

Когда её бил отец, Аня сворачивалась клубком, закрывала глаза, воспроизводила в памяти желтоватый, давно не беленный потолок и пересчитывала на нём трещины. Аня зажмурилась, запоздало поджимая под себя колени и представляя потолок — прошлый раз она насчитала 13.

— Оставь! — властно прозвучало совсем рядом.

Удары прекратились.

— Да с хрена ли?! — прорычал над ней Лёха.

Аня открыла глаза в тот момент, когда Илья ударил Лёху в нос. Тот инстинктивно зажал

его руками, задирая голову повыше.

Аня вскочила и, не оглядываясь, рванула, что есть мочи прочь. Она бежала через толпу. Повезло, что увлеченные потасовкой зрители не кинулись ее останавливать.

Дверь. Длинный коридор, бежать вверх. Еще одна дверь, тяжелая.

Влажный воздух ударил по лицу...

[1] Нечаев «Катехизис революционера»

[2] Там же

[3] Там же

[4] Там же

[5] Там же

[6] Фейс «Юморист»

Глава 4. Бесы (часть 3)

— Ты, гонишь! — зажимая нос рукой, зло выдавил Лёха.

Реп заглох. Зрители, плотнее сомкнувшись в полукруг, выжидающе затихли. Внимание сконцентрировалось вокруг лидера и его правой руки.

— Рили, сказал не трогать её. Сам выпросил, — спокойно пожал плечами Илья.

Он сел на диван, подхватив торчащую из руки нитку с иглой, снова погрузился в работу.

— А чё это я должен постоянно тебя слушать? — Лёха обвел взглядом публику, рассчитывая на поддержку. Илья сделал еще один аккуратный стежок. — Она теперь свалила, и ментов сюда приведет. Все им расскажет. Нас всех повяжут!

Зрители поднапряглись, стали испуганно переглядываться.

— Камон, она свалила, потому что ты её упустил, — еще стежок. — И не гони, она никого не приведет и никому ни о чем не скажет. Сядь и не отсвечивай.

— С чего ты так уверен?! Ты много о себе мнишь, Илья! Я тя не боюсь, понял! — не голос предательски срывался на фальцет. — Я тоже могу вмазать!

Лёха сжал кулаки.

Иголка повисла на нитке.

Илья, встал и приблизился к Лёхе почти вплотную, оказавшись на голову выше.

— Камон, бей.

— Чё, думаешь, не ударю?! — взвыл Лёха. — Держи!

Кулак врезался в челюсть. От удара губа лопнула. Илья не шелохнулся. Лишь рот расплылся в окровавленной усмешке.

Всем стало не по себе. Лёха инстинктивно попятился.

— Те чё, вообще не больно?! — Выдохнул испуганный бунтарь.

— Ребятки, — раздался старческий голосок. Откуда ни возьмись, в паре шагов от них, появился маленький, щупленький старикашка, явно со стороны, явно чужой. — Давайте жить дружно! — котом из Леопольда, добродушно улыбнувшись, изрёк он. — Нехорошо друзьям кулаки чесать, друг друга обижая. Друзей ценить нужно.

Илья задумчиво, по-птичьи склонил голову вбок. Щелчок. В руке у него сверкнул фронтальной нож «Microtech». Лёха сделал еще пару шагов назад, замотал головой и примирительно забормотал:

— Э-э-э, Илюх, ты чё?

Лёха завертелся, озираясь в поисках помощи, но толпа выражала лишь пассивное любопытство.

— Не ссы Лёха, — Илья протянул ему нож, с искалеченной руки, пачкая рукоять, капала кровь. — Это твой шанс — докажи, что ты главный. Неизвестно, что этот дед видел, а он, уверен, расскажет. Камон, ради будущей революции! Сделай это!

— Ребятки, я это... Ничего не видел! — старик испуганно заморгал. — Ничагошеньки не видал! Просто гляжу, молодежь, а я обычно туточки ночки переживал.

Толпа сомкнулась, отрезав пятившемуся свидетелю путь к отступлению.

— Вы чаго, ребятушки, сбрендили совсем?! Не по-христиански это, не по-людски!

— Рили, если ты заметишь следы, сможешь диктовать всем свои условия. Ты станешь лидером будущей революции. Всем докажешь, что ты — право имеющий, а не тварь

дрожащая, — вкрадчиво продолжал Илья. — Камон. Бомжа даже искать не станут.

Лёха колебался, жадно пытаясь найти поддержку и отвертеться.

— Ну, это так-то серьезно...

Илья смотрел со все большим презрением.

— А как ты думал? Революция — дело серьезное! Не томи! — нетерпеливо науськивал он, будто дело уже решилось, а промедление — трусость.

Лёхе ничего не оставалось, как неуверенно взять оружие. Пальцы подрагивали. Он подошел ближе к старику, безотчетно цепляясь за детали бомжеватого прикида: грязная, желтая куртёнка, за плечами поношенный рюкзачок и спертый гниловатый запах отходов. В попытках обрести уверенность он стал флиповать, но добился лишь скользкой царапины на ладони от скальпелеобразного лезвия. Заскулил. Еще раз умоляюще обернулся на Илью.

Илья ободряюще кивнул.

Толпа затаилась.

Леха, зажмурившись, наугад ткнул старика ножом. Вздогнул и открыл глаза, нож упал в песок. Старик накренился и повалился следом.

Лёха в ужасе смотрел на неподвижное тело у ног.

— Я... это не я... — бессвязно забормотал он.

Илья присел на корточки, прощупал пульс. Поднялся, вытер руки влажной салфеткой, констатировал:

— Убил.

— Да, пошел ты, псих! — выкрикнул Лёха и кинулся прочь. — Это не я! Я не убивал!.. Это ты — ты виноват! — повторял он, пробираясь к выходу.

За ним, как по команде, побежали остальные.

В дверях образовалась толкучка и давка. Все старались как можно скорее свалить с места происшествия. Кто-то задел плечом выключатель. Свет притух, опуская сумрачный занавес несостоявшегося концерта.

На спокойное лицо Ильи падали тени, придавая его обличью демонический вид. Он равнодушно наблюдал, как его армия, подобно крысам, бежит с тонущего корабля. Оставляя после себя лишь захламленные мусором ряды опустевших паллетов.

— Тупоголовое ссыкло, — процедил Илья, когда они остались в подвале вдвоём с бледным Максом. Возможно, тот был просто в шоке и не мог двигаться, а, возможно, он остался единственно верным своему лидеру. — Камон, мы их теперь этим трупом повяжем. Больше никто не посмеет вякать что-то против.

Илья наклонился, салфеткой подобрал выроненный Лёхой нож.

Потыкал, валяющегося на песке старика носком кроссовок от Гуччи.

— Чего разлегся? Поднимайся!

— Не бейте меня старого! — пробормотал старик. Вставая, он беззащитно поднял руки. — Я ничегошеньки не видал! — в лисьих морщинках испуганно метался страх.

— Бить не буду, не ссы! — Илья не спеша подошел к старику и заглянул в глаза. — Но ты — лечишь. А меня лечить не нужно.

Нож зашел в грудь легко. Теплая кровь залила руки. Старик выдохнул, растерянно глядя на убийцу. Илья медленно потянул за рукоятку, наслаждаясь агонией, вытащил лезвие. Вспышка и жизнь перестала плескаться паникой в глазах. Старик, накренившись вперед, упал на Илью. Илья брезгливо его оттолкнул, и тот рухнул в песок.

Тщательно обтерев нож, Илья спрятал лезвие и посадил «Microtech» на клипсу в карман

джинсов.

Макс побледнел еще больше, переминаясь с ноги на ногу, он не знал, куда девать взгляд, старательно отводя его от убитого и от Ильи.

— Нужно замести следы, — отдал приказ Илья.

— Ок, — быстро согласился Макс.

— Включи нормальный свет. Собери весь мусор и паллеты. Сожги.

— Я пригоню парней, они быстро обстряпают.

— Нет, — возразил Илья, — сам. Сюда никого не впускать!

— Ну, хорошо-хорошо, я понял.

— На кухне пусть закругляются. И следы хорошенько заметут. Пригрози, что лично проверю и, если что, расчет не получат. Проследи, чтобы качки закопали псину, а не бросили. Пусть забирают пиво и медвежатину. Мне только лапы и голову погрузи. Остальное — тоже в ту яму, которую выкопали в прошлый раз, и — закопать. А потом пусть валят по домам. Расчет переведу после того, как проверю их работу. Иди. Я пока руку допью.

Макс кивнул. Быстро щелкнул выключателями, вернув яркий свет, и с облегчением шмыгнул за дверь, ведущую на кухню.

Илья сел. Растревоженная рука опять превратилась в месиво. Скрепленные швы разошлись. Пришлось все перешивать. Он снова обработал руки и поле. Снял расплзшиеся нитки и аккуратно стал накладывать стежок за стежком. Одной рукой было неудобно и долго.

Пока Илья зашивался, Макс, отдав указания, пробежался с пакетом, собирая упаковки от чипсов, колы и шоколадок. Пыхтя, и то и дело что-то роняя, вынес паллеты, покрякивая за дверью на качков.

Илья, закончив, забинтовал руку. Подвал опустел. Он прошелся, ковыряя песок в поисках того, что могло бы выдать их присутствие. Все, за исключением изгвазданной кровью площадки возле дивана и самой арены, было чисто.

Он задумчиво уставился на труп бомжа. Его нужно было вынести подальше, к забору, чтобы менты на них не вышли. Но и не слишком далеко. Все должны ссыкануть, что труп нашли в окрестностях завода.

Дверь хлопнула. Вернулся запыхавшийся Макс.

— Всё?

— Да. Вот я сумку еще нашел, наверное, той девки. Куда её? Яму уже закопали. Сжечь или по дороге выкинуть?

В подрагивающей руке Макс держал огромную, потертую сумку, а в другой канистру с остатками бензина.

— Не-е, давай сюда. Я ей сам верну. И это тоже, — он забрал канистру и сумку.

— А если она кому наболтает?

Илья отодвинул кальяны и сумку в отдельную кучу подальше от дивана.

— Не наболтает. Одноразовый телефон есть?

— Д-да.

Открыл крышку и облил остатками бензина диван, кинув канистру туда же. Достал зажигалку в форме черепа и запалил эту кучу. Критически осмотрел арену и догорающий диван. Неудовлетворенно поморщился — повсюду следы, нужно позвонить человеку, пусть зальет все нахер бетоном.

— Завтра в десять вечера позвони ментам, скажи, что нашел труп на заброшенном заводе.

— А зачем?

— Меньше знаешь — крепче спишь, Макс. Камон, тело нужно вынести и оттащить подальше от подвала к забору. Менты не будут особо заниматься бомжом, но надо, чтобы даже случайно на нас не вышли. Телегу притащи, в которую медведя грузили.

Макс сбегал за тележкой.

— А может, попросим грузчиков, они не далеко уехали, — нерешительно предложил Макс.

— Не говори дичь. О трупе, кроме своих, знать никто не должен!

Илью сильно ослабила потеря крови. Старикашка оказался тяжелым, утащили его с трудом. Еще и грязюка вперемешку со снегом. Колеса вязли. Порядком употев, они бросили труп у забора.

Шли обратно, с шаркивая глубокие колеи от телеги. Илья подумал, что кроссы от Гуччи погублены.

Управившись со всем, он еще раз проверил кухню. Убедился, что в целом следов никто не оставил, и все чисто, достал телефон и рассчитал персонал.

— Бери свой кальян и вали домой, Макс, сегодня ты единственный показал себя, как истинный революционер — история тебя не забудет, и я — тоже.

Сжимая плечо Макса травмированной рукой, Илья вперился парню в глаза. Увидев там такие знакомые страх и восторг, он довольно кивнул и отпустил его, забрав ключи от своей тачки.

Первым делом Илья заглянул в багажник 222-ого, там лежали лапы и голова убитого медведя. Он брезгливо поморщился — весь багажник был уделан кровью, потому что никакая свинья не позаботилась подстелить что-нибудь. Придется отдавать машину в чистку.

Сумку и свой кальян он сунул на заднее сидение. Сел в Мерс и, газанув с места, поехал домой.

***

Аня не помнила, как добежала до дома.

Очнулась в подъезде, села на лестенку. Слез не было, одна сухая обида и горечь. Щеки горели.

— Все дерьмо этого мира липнет на меня, — прошептала она себе. — Я не в порядке, — добавила и уронила голову на колени.

«Дитя смерти» это прозвище досталось ей еще в детстве от спившегося отца.

Отец в память о том, что был историком, каждый раз, напиваясь, рассказывал ей о зловещей королеве Франции — Екатерине Медичи, еще до ее кровавых деяний народ успел прозвать Екатерину — «Дитя смерти».

Рассказывать отец умел, и каждый раз он вплетал Аню в эту чужую ей судьбу все навязчивей. И вот сейчас эта злосчастная королева и ее проклятье — «Дитя смерти» — вирусной программой крутилось в голове.

— Бред, — снова заговорила она с собой. Больше утешить ее было некому. — Это все бред.

Она огляделась. Из-за кадки с землей дрожащими руками достала заныканные на

черный день сигареты.

Соседка как-то решила навести в подъезде красоту и вынесла туда из квартиры кадку с цветком. Потом соседка съехала, цветок завял. Кадка с землей служила теперь пепельницей и плевательницей. Цветок, среди измазанных стен и грязи, выглядел нелепо — он был здесь чужаком — а кадка прижилась.

Аня, закурила, глубоко затягиваясь. Быстро выкурила сигарету, закурила следующую. Мысли приугасли. Но все внутри продолжало бултыхаться и кипеть.

Обидней всего в этой дрянной истории было то, что она потеряла сумку со всеми вещами: там лежали пропуск, студенческий, халат, сменная обувь, хирургический колпак, перчатки, доклад и три библиотечные книги. А еще кошелек, а в кошельке — последняя сотка. С одной стороны, она понимала, что легко отделалась, но завтра семинар, а доклада нет, нет халата, обуви, колпака, книжек... Как она будет учиться, работать, где взять деньги, чтобы восстановить эти вещи?

Придется завтра вернуться и поискать. Но как туда вернуться?!

Захотелось помыться. Отмыть от себя этот проклятый день. Отмыть все следы, оставленные чужими взглядами, касаниями, мыслями.

Её стало клонить в сон. Еле-еле поднялась. На ватных ногах забралась на свой этаж.

Открыла дверь своим ключом, уже понимая, что в доме опять собрался шалман. С порога запахло кислым перегарищем и табачищем.

Из кухни доносились пьяные голоса.

— Не, этих не люблю, Таха! Подкидыши они! Вот те деточки, первые, которых отобрали, любили меня, а этих Нюрка против меня настроила, не любят они меня, — пьяно плакалась на кухне Валька.

— Нюрке вашей давно замуж пора и свою семью завести, а не в вашу лезть, — резонно заметила собутыльница.

— Ага, интеллигентка хренова! Она на нас смотрит, как на нелюдей каких!

— Добрая ты Валька, я б её давно выгнала!

— Да что ты! Этот, вон, не даст — дочь же! Он её сам-то лупит, а я только раз сказать что попробовала, он меня чуть не убил! Кто там шарабанится в коридоре? Степка, ты?

Аня вздохнула, нехотя призналась:

— Нет, это я.

— Ты где по ночам шляешься, проститень?!

Аня проигнорировала вопрос. Очень не хотелось заходить на кухню, но пришлось.

Отец спал, уткнувшись в стол, иногда похрюкивая во сне. Рядом сидели обрюзглая Валька в вышарканном халате и ее вечная собутыльница Таха.

Компания, к большому облегчению Ани, заседала сегодня не в полном составе, не хватало старика Егорушки, Степки с Аллкой и прочих «братьев по бутылке».

На столе — водка, квашенная капуста и надкусанный соленый огурец. Сегодня, видимо, шиковали — настоящая бутылка, а не аптечные фунфырики.

— Детей хоть накормила? — налив себе воды из-под крана, вздохнула Аня, устало глядя на гору немытой посуды. Запоздало вспомнилось, что ела сегодня только утром. Еще раз безразлично посмотрела на стол и решила, что сначала примет душ и забросит вещи в стирку.

— Накормила, тебя не спросила! Лучше скажи, кто рожу разбил?! Шалавится она! Вот отец проснется, я ему скажу!

Игнорируя пьяную ругань мачехи, Аня вышла из кухни и отправилась в ванную.

Принимать ванну — слишком дорогое удовольствие, хотя и горячо любимое Аней. Но долг за квартиру и так грозил им всем выселением. Поэтому она, как всегда, обошлась душем, хотя мысленно называла это полноценной ванной.

Тело расслабилось. Глаза слипались, силы иссякали. Аня решила обойтись без ужина. На цыпочках прошла в комнату. Свет включать не стала.

Попривыкнув к темноте, различила силуэты спящих Вадика и Арины. Она подошла, поправила спавшее на пол одеяло Вадика. Легла рядом и мгновенно провалилась в сон.

***

В дверь стучали.

Аню кто-то тормошил.

Просыпаться не хотелось, но будили настойчиво.

Тревога проникла через сон. Аня открыла глаза. В темноте над ней нависли испуганные лица Вадика и Арины.

— Т-т-та-ам с-т-т-тучат.

Аня соскочила с постели, от чего в глазах потемнело. Чтобы не упасть пришлось сесть обратно.

— Чего ломитесь?! — грозно рявкнула она.

— Там человеку твоя медицинская помощь нужна! — голос отца был почти трезвый. — Давай, Анют, по-быстрому выходи!

Аня накинула халат, завязывая его на ходу. Арина схватила её за руку.

— Аня, не выходи! Я боюсь.

— Все хорошо, спите, — шикнула она. — И дверь за мной закройте.

Она вышла в прихожую. На старом линолеуме обозначались бурые пятна крови вперемежку с кусками грязи.

— Что случилось?

— Егорушку гады какие-то пырнули! Он на кухне, — встревожено сообщил отец, потирая заросшую щетиной бороду.

На его помятом лице читалось жестокое похмелье. Порадовавшись, что не белая горячка, Аня попробовала самый разумный вариант:

— В больницу надо.

— А ты на что учишься? Его не примут, у него ж даже полиса нет!

— Ладно, — хмуро согласилась она и растерянно замерла на пороге кухни.

Казалось, кто-то пошутил и посадил на стул слепленную из грязи статую старика.

Для пущей картинности Егорушка драматично прижимал перепачканную руку к груди. Пропитанная кровью грязь, облепив тело устрашающим коконом, стекала на пол ржавой кашицей.

Перед Аней сидел ужас медика.

— Что, дашь умереть старому? Не любишь ты меня, девочка, — слабо прокряхтел «ужас».

Это была правдой Егорушку Аня не любила больше остальных собутыльников отца. Возможно, потому что он появился в их доме первым, еще до того, как алкаши стали нормой в их жизни. Еще тогда, когда Ане казалось, что отец вот-вот бросит пить и вновь займется наукой в своем НИИ.

Егорушка приходил каждый день с бутылкой и ядовитыми жалениями. Приходил,

словно специально руша остатки детских надежд. Его лукавая улыбочка и плутовская пронизательность, с которой он обращался к Ане, довершали созданный когда-то гипертрофированный образ пакостного лиса.

— Он потерял много крови, кроме того, из-за грязи может начаться абсцесс, — констатировала Аня.

Подошла к старику. Решительно стащила с него перепачканную одежду, оголив больного по пояс.

— Удивительно, что вы еще живы, — ошеломленно выдохнула она. — Рана точно напротив сердца!

— А у меня сердечко в правой сторонке. Кроме тебя, светлая, мне эту ранку никто не затянет. Ибо нанес ее изверг. Ибо те бесы происходят не от рода человеческого, а от самого Хаоса.

— Молчите, не тратьте силы! Зашить рану я еще могу, но неизвестно, что там внутри — может быть и внутреннее кровотечение.... — наконец решившись, она обратилась к отцу. — Нужно принести тазик и полотенце, обтереть его.

Тот, хмуро кивнув, принес все необходимое.

Аня, привыкшая работать в больнице, понимала, что у нее каждая минута на счету. Старалась делать все четко и быстро. Вместе с отцом тщательно отмыла старика. Егорушка кряхтел, но молчал. Бледно-серый цвет кожных покровов был не краше грязевого кокона.

— Аня, — виновато заговорил отец, между делом осторожно тронув ее за щеку, на которой остался синяк после Лёхиной оплеухи. — Это я, да? Я не помню. Прости меня.

Аня промолчала. Отвернулась к раковине, остервенело промывая руки с мылом. Достала из аптечки бинты и нитку с иглой. Эти трезвые угрызения совести были хуже, чем пьяные вспышки гнева. Раньше она постоянно покупалась, разрывала себе душу, веря, что там, в проспиртованном теле все еще бьётся человек. Но после того, как отец ударил Вадика, верить в это она больше не имела права.

— Нитки у меня обычные — хирургических нет. Последнюю перекись истратила на избитого Вадика, — укоризненно напомнила она отцу то, что никогда ему не простит. — Придется обойтись подручными средствами.

Аня вдела нитку в иглу взяла водку со стола.

— Эй, не трогай водяру! — пьяно запротестовала Валька.

— Закрой пасть, — глухо рыкнул на неё отец. — Пусть делает свое дело.

Аня знала, что хирург из нее никудышный. Руки дрожали, старика было жаль, и чем больше жалела, тем хуже получалось. Он не стонал, лишь тяжело дышал и покряхтывал.

Перед глазами возникло отчужденное, спокойное лицо Ильи, зашивавшего себе руку. А ведь он спас её. Заступился, хотя, получив травму и потеряв много крови, был слаб и уязвим. А она ему не помогла. Укололо чувство вины.

Она, подавляя угрызения совести, вспомнила собак, медведя и чушь, которую Илья втолковывал толпе. Нет, каждый сам делает свой выбор, и сам должен нести за него ответственность. Аня никак не сопричастна судьбе Ильи. Она заставила себя выкинуть мажора из головы и сосредоточится на деле.

Шов вышел корявый, но с горем пополам она справилась. Подрезав нитки ножницами, как можно туже перевязала грудь.

— Надеюсь, что не будет нагноения. Обязательно постельный режим и наблюдать каждый день — швы нужно обрабатывать. Потом посмотрим, как заживать будет, снимем.

— Отлеживайся у нас. Валька постелит тебе на полу, — налив остатки водки в стакан, отец одним махом осушил его и ткнул Вальку локтем, мол, исполняй.

Сожительница, недовольно бурча себе под нос, нехотя поднялась и пошла готовить гостю постель.

— Заживет, не бойсь, деточка, — простонал Егорушка. — Твоей светоносной рукой всё срастется. Я сделал ставку на тебя и твой свет. И не ошибся, ты избранное дитя солнца.

Аня вздохнула. Кажется, у старика начался бред. Она приложила руку к его лбу, проверяя температуру. Однако вопреки ожиданию кожа была сухой и холодной, и пульс едва прощупывался.

— Возможно, скорую все-таки придется вызвать.

***

Аня сварила борщ, а дома хлеб закончился. Что за борщ без хлеба? Да и сметану хорошо бы купить, если денег хватит. А то без сметаны — тоже совсем не то.

Аня оделась и пошла в магазин, чтобы успеть до прихода Вадика с Ариной.

В магазине, не знавшем ремонта лет 20, пахло тухлятиной. Проходы, заваленные продуктами, вынуждали покупателей толкаться и переругиваться. Аня с трудом отыскивала свободную корзинку. Потом шла по рядам и рассеянно соображала, зачем ей понадобилась корзинка, когда в неё нечего класть. Хлеб и сметану можно в руках к кассе донести.

Стеллажи с алкоголем, крупная вывеска: «3 бутылки «Бочарей» по цене одной!».

«Лучше бы на сметану акцию сделали», — грустно подумала Аня.

Среди коричневых бутылок стоял кто-то смутно узнаваемый. Она вернулась на пару шагов, пригляделась, это был бывший одноклассник Гоша. Он когда-то дружил с Матфеем. Аня обрадовалась ему — он мог что-нибудь мимоходом бросить о том, как и чем живет школьный друг.

Она окликнула парня. Гоша подошел вразвалочку, в руках пиво, выглядел он так, как будто застрял в возрасте пятнадцатилетнего подростка на всю оставшуюся жизнь.

— Здорово, тихоня, — гаркнул он на весь магазин, так что встречные покупатели обернулись на них. Аня смутилась. — Чё к Матану-то пойдешь завтра?

— Привет. Куда пойду? — наморщив лоб гармошкой, не поняла Аня, уже жалея, что подозвала Гошу. Какое ей дело до Матфея, она больше не часть его жизни.

— На похороны Матфея Журавлева, — сделав ударение на полное имя одноклассника, протянул Гоша. — Куда ж еще-то? Гы, на днюхи-то свои он старых друзей давно перестал звать.

— Что?

— Слухай, ты чё совсем отмороженная и не знаешь?! Умер он! Рак, говорят, был.

— Что?!

Пальцы сжали ручку корзинки слишком крепко, отчего пластмасса хрустнула.

— Ой, ладно, всегда ты с приветом была. Мне идти надо, — хмыкнув, махнул рукой Гоша. — Все чуки-пуки!

Он ушел.

Пальцы разжались. Корзинка с грохотом упала на пол.

Аня вернулась домой, забыв и про хлеб, и про сметану.

Отец что-то спросил, встретившись в прихожей.

Она посмотрела сквозь него, изменив своей привычке распознавать градус его

трезвости. Скользнула к себе в комнату, закрылась, надеясь, что отец не станет к ней сейчас приставать.

Дети еще не пришли, у нее было время осмыслить. Хотя, что тут осмысливать? Вероятней всего Гошан деградировал до того, что стал шутить не смешные шутки за гранью или просто ляпнул ради сплетни. Но не похоже было ни на шутку, ни на сплетню.

А на что же тогда похоже? На правду?

Нет. Матфей не мог умереть. Она бы почувствовала. Он даже никогда не болел. Эдакий сталкер.

Вспомнилось, как ему поздней осенью взбрело в голову, что на здании городской администрации обязательно должно быть нарисовано граффити с портретом Бакунина.

Рисовать они потащились ночью. Вернее, рисовал, конечно, Матфей, а Аня сторожила, чтобы никто его не заметил.

Ночь оказалась холодной. Матфей же, чтобы одежда не сковывала движения, рисовал в одной футболке.

В итоге, бегающая вокруг него Аня, сильно простудилась, а Матфею — хоть бы хны! Кроме угрызений совести, которыми он пытал заболевшую Аню, старательно, но совершенно бестолково ухаживая за ней.

Аня улыбнулась. Он чуть не убил её тогда, силой заставив съесть мёд. Из-за простуды она потеряла голос и всеми силами пыталась жестами и хрипами объяснить ему, что у неё аллергия и ей нельзя пихать это в рот. Но он решил, что она капризничает и садистки заталкивал в неё ложку за ложкой лучшего «лекарства». Как следствие в дополнение ко всему, у Ани началась острая аллергическая реакция — отек Квинке. Она распухла, и ей было неловко, что Матфей это видит.

Когда до Матфея, наконец, дошло, что ей нельзя мёд, он стал вести себя, как сумасшедший: наорал на неё за то, что она ему ничего не сказала, а когда измученная Аня показала на горло, и он вспомнил, что она не может говорить, стал просить прощения. Тогда Ане хотелось одного, чтобы он перестал кричать, ушел к себе домой и дал ей спокойно умереть.

Что бы она отдала сейчас за ложку мёда из его перепачканных краской рук? Огляделась: нечего ей особо отдавать.

В их с детьми комнате даже стены были голые. Пару лет назад Аня содрала выцветшие заплатки обоев, которые островками соцветий сохранились на стенах еще от прошлых хозяев квартиры. На новые денег не было, и они с Вадимом и Ариной устроили креатив. Две стены разрисовали просроченной краской, которую кто-то предусмотрительно оставил рядом с помойкой. Другие заклеили постерами, как делали в девяностые. Было весело творить это безобразие и получилось вполне себе миленько.

Аня открыла форточку старого деревянного окна. Чиркнув спичкой, закурил. В этом месяце она давно перебрала свой лимит в одну пачку. Да и пофиг уже.

Она взяла в тягучем клейстере мыслей. Они комом застряли где-то в горле и давили на грудь.

В кармане зазвонил телефон. Аня поняла, что сидит в комнате, в верхней одежде. Достала телефон из кармана куртки. Отвечать не хотелось — номер незнакомый, скорее всего, очередной банк — будет требовать, чтобы она выплатила отцовский кредит. Отец всем раздавал её номер.

— Ало, Аня Речкунова?

— Да.

— Это Вера Константиновна, ваш классный руководитель. Анечка, ты, наверное, уже в курсе, что с нашим Матфеем случилось? Похороны завтра, я обзваниваю ребят. Ты пойдешь проводить?

— Нет, — хрипло прошептала Аня и нажала отбой.

Там, в мыслях они снова сбегают с ним с уроков, заскакивают в электричку зайцами, сидят на лавочке близко-близко и слушают, как стрекочут вагоны. Она придвигается к нему еще ближе. Дыхание сбивается, становится жарче, щекочет за ухом и волнует так, что хочется летать.

Матфей отодвигается — впереди вся жизнь, и все нужно сделать правильно. Нужно дождаться официального взросления, чтобы быть готовыми. Но она знает, знает, что он просто боится сделать ей больно или что у них может не получиться. Они много говорят об этом, и все откладывают — впереди еще вся жизнь, успеют.

Заглядывая в облака, они строят там воздушный замок и мечтают, как вместе сбегут туда — к морю и свету. Сбегут навсегда.

Тропинки лета мельтешат под босыми ногами заплетаются и пугаются в холодных осенних дождях. Небо прячет солнце, и не найти уже воздушного замка среди серой хмари.

У Вальки будет ребенок от отца. Ходит с брюхом пьяная, смотреть тошно.

Так хочется уйти из этого болота. Хочется на волю. Идеи Бакунина и Кропоткина теплятся в душе. Над головой реет небо беззаботным стягом свободы.

Беззащитный комочек на руках у Ани. Первая улыбка, подаренная ей братом. Теплые пальчики сжимают её руку, тянутся к ней.

Рука Матфея повисает в воздухе. Зовет за собой, на волю.

У Вадика режутся зубки, бессонные ночи. Аришка несет пеленки. Доверчиво жметесь, заглядывает в глаза. Робкий детский лепет, едва различимый: «Аня не уходи».

Матфей строит замок и зовет за собой свою принцессу быть там с ним. А принцесса уже взрослая и не верит в сказки.

Поздно! Она заякоривается в болоте. И ничто уже не вытянет её из круга тех обязательств, которые она взяла на себя.

А он... Он свободен... И нельзя его топить, душить в своем болоте...

Ему нужно найти настоящую принцессу для своего замка... Ему нужен воздух, свет и легкий полет. А она... Слишком тяжелая у неё ноша, чтобы оторваться от земли.

Выбор сделан и уже поздно делать иной. Поздно. Везде опоздали... А ведь казалось, что можно собрать эту проклятую вечность.

В коридоре шум, пришли дети, а она не купила хлеба и сметаны. Накурила еще тут...

Замахала на дым, пытаюсь выгнать его в открытую форточку.

Вытерла слезы, закрыла форточку спрятала сигареты.

Хлеб и сметана! Ей нужно срочно купить хлеба и сметаны, а то ведь голодные останутся.

***

Илья наматывал круги по городу. Дела и пробки.

Пробки отнимали слишком много времени. Дела непозволительно буксовали.

Он нетерпеливо постукивал пальцами по рулю, отбивая орущий в машине реп:

«Я валяю дурака во имя интереса. Сучки ждут моего звонка, чтоб снять мой стресс. Я не

улыбаюсь...

Нищebroдам давно надо влeпить такой налог на машины, чтобы всё быдло сгнуло нафиг, освободив дорогу для нормальных тачек и людей. Но слабовольная власть заигрывает с беднотой.

...Не-не-не, я валяю дурака во имя *интересов*, Я не брал типов в друзья лишь только потому, что от них пахнет весом». [1]

Крутанул руль, объезжая тормозящую впереди Ниву.

Шофер Нивы возмущенно засигналил.

Илья показал ему фак.

На кисти у него набита звезда Хаоса. На предплечье — цитата Ницше: «Нужно носить в себе еще Хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду». Портрет лучшего киношного воплощения Джокера всех времен, которого сыграл Хит Леджер, оправлялся от укуса суки.

Да, нужно быть подобно Джокеру, чтобы родить звезду. Именно поэтому сейчас все так тащатся по этому персонажу. Сознание людей принимает Хаос, но теперь нужно, чтобы и Хаос принял в себя людей. И когда это произойдет, вся эта сосущая пустота внутри станет пустотой вовне. Хаос освободится, а он, Илья, станет частью свободы Хаоса.

План с бомжем накрылся. Тело мусора так и не обнаружили. Илья отправил Макса на разведку, тот тоже не смог ничего найти.

Пришлось идти самому, но бомж реально исчез.

Еще и Леха — слабонервное ссыкло — сорвался. Родичи отправили его лечиться в Швейцарию. Илья подозревал, что исчезновение трупа не обошлось без вмешательства умного папани Лёхи. Если тот ему выложил, что порезал человека, то папаша грамотно замел следы.

Да и черт с ним с Лёхой. Макс покрепче и более ручной.

Пришлось признать, что, несмотря на всю свою лайтовость Нечаевский план по объединению революционной ячейки трупом не удался. Видимо, на идее лежало историческое проклятье.

После того случая на заброшенном заводе Илья не встречал Аню. В универе она не появлялась. Надо было бы узнать адрес и присмотреть за девкой, вернуть ей барахло.

Он вспомнил про сумку. Она валялась на заднем сиденье. Решил поглядеть, что там. Все равно особо заняться нечем.

Сумка оказалось настолько изношенной, что даже держать в руках её было стремно. Поборов брезгливость, он все-таки открыл её: ни черта интересного: халат, прочее обмундирование, учебники. В кошельке — кипа автобусных билетиков и совершенно смехотворная сумма денег. А вот это уже интересно — пачка сиг. Аня производила впечатление пай девочки, тихони. Пристрастие к табаку выбивалось из логической цепочки ее характера — это Илье не понравилось.

Три библиотечные книги, одна по педиатрии, Достоевский «Бесы» и стихи Цветаевой — бабьи сопли. Поэты — это вообще дикий отстой. Единственный, кто был более или менее норм — Маяковский.

Илья открыл книгу на замятом уголке: стихотворение «В раю». Прочитал:

Воспоминанье слишком давит плечи,

Я о земном заплачу и в раю,

Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю. (...)

Кек, отборная женская хрень. Сучка мечтает о рае, но ищет его совсем не там, где нужно.

Поверх этого тупого стиха вывел:

Кто вы?

Мы

разносчики новой веры,

красоте задающей железный тон.

Чтоб природами хилыми не сквернили скверы,

в небеса шарахаем железобетон.

Победители,

шествуем по свету

сквозь рёв стариков злючий.

<...>

Мы идём

нерушимо,

бодро.

Эй, двадцатилетние!

взываем к вам.

<...>

Всех младенцев перебили по приказу Ирода;

а молодость,

ничего —

живёт.

Он аккуратно сложил все шмотье обратно, если умная — поймет, если тупая — хоть увидит что-то умное. Набрал номер.

— Камон, пробей адрес Речкуновой Анны? Да, в телеге кинь.

Илья щелкнул радио — тревожно забурчали новости.

То ли еще будет: «Мы идем!»

Он нажал «старт», мерин покатился в сторону трущоб.

По указанному в сообщении адресу Ани не оказалось. Сказали, что она на похоронах.

Пришлось разворачиваться и ехать в другую часть города — на похороны.

[1] Скриптонит «Я не улыбаюсь»

Глава 5. Я не пассионарий (часть 1)

Время сузилось в точку. Тонет в точке. Фиксируется на точке.

Точка расплывается надвое, вытягивая сознание из точки в реальность. Рассеивается на много точек, многоточие пикселями тянет за собой картинки. Тянет звуки, смыслы, память. Тянет за собой его.

Он падает в бессмысленные смыслы, пока не понимает, что висит под потолком.

Белая комната. Синий свет. Суета над чем-то маленьким там, внизу.

Заряженный воздух трещит от напряжения. И ухаает словами:

— Время смерти — шесть часов семь минут...

Время смерти берет самую высокую точку на графике и падает, прижимая живых к земле.

На месте вчерашних смыслов образуется пустота.

Там внизу пустота. Лежит с пустыми глазами. Остывает. Телу уже ничто не мешает предаться стремительной силе саморазрушения.

Медсестра накидывает простыню, громко цокая каблуками, везет каталку в морг.

Налился свинцом. Потянуло вниз. Шлепнулся на пол. Вполне ощутимо шлепнулся — даже охнул от того, насколько ощутимо. Вроде бы и не должен ничего ощущать. Хорошо было не ощущать. Тяжесть навалилась — противная, знакомая, жизненная — придавила.

Осмотрелся. Операционная пустая. Зажурчала вода. В соседнем помещении медсестра отмывала инструменты от его крови. Там его кровь, смешавшись с водой, текла в последний раз, сливалась с мёртвыми реками канализации.

Вытянул вперед руки. Руки как руки: всё те же острые локти, длинные, узловатые пальцы, только ладони странные: абсолютно гладкие, без привычных линий и борозд.

Руки подрагивали на весу — недавняя приятная невесомость пропала окончательно.

Посмотрел вниз — ноги, тоже вполне себе ноги, обычные, ничем не отличающиеся от его прежних ходулей и, подумать только — даже в его любимых кроссах и джинсах. И свитер крупной вязки — тоже при нем. Не голый, уже плюс.

Осторожно, опасаясь, что руки провалятся в призрачное ничто, ощупал голову. Нормально, даже волосы отрасли. На Каспера не тянул. Вполне себе прежний Матфей. Только боль не бомбила в голове, отчего в мыслях непривычно ясно. Будто из мертвых восстал. Вот только не восстал. То, что осталось от его жизни теперь в морге. Факт.

Только что теперь с этим фактом делать?

Вспомнилась всякая муть про свет, туннель, небесные врата. Вокруг ничего похожего не наблюдалось. Куда-то все-таки нужно было двигаться, не вечно же стоять в операционной. Но туннеля нет, а по правилам, если уходить, то в туннель.

«По каким-таким правилам?! — крутанула у виска логика. — Нет тут правил. Ты — первопроходец. Вот тебе свобода и анархия — никаких правил, только твоё содержание. Действуй в соответствии с ним».

«Может, держат неоконченные дела?» — снова услужливо подсказала память, напрочь перегруженная голливудскими фильмами, но делающая вид, что пахала всю жизнь не зазря. Теперь, пока Матфей не закончит тут всё: комикс не дорисует, диплом не получит, маму не успокоит... Ключевое во всем этом — частица «не».

Тревогой отозвалась мысль о маме. Как он её успокоит? Старушка Вупи Голдберг в

Америке живет, а других экстрасенсов по этой части он не знал.

Ну, что за бред опять лезет из него? Попытка включить юмор провалилась. Он поморщился: от шуточек «за двести» в своем исполнении — хоть прямо сейчас можно было в «Кривое зеркало» идти.

Заскрежетало. Холодно сделалось. Запахло цветами.

Сзади. Близко. Она стояла сзади и близко. Загрибок дыбом поднялся.

Повернулся скорее инстинктивно, чем осознанно. Содронулся — вот и ответ.

Чего так дернулся, если уже умер? Чего бояться, что смерть пришла? Вроде бы облегчение должен почувствовать — дилемма разрешилась. А почему-то жутко до оцепенения и холодно, хотя в свитере.

Перед ним старуха, лица не разглядеть, как ни вглядывайся. В черные одежды кутается — победила и не спешит. С чем, интересно, не спешит? Пока ни с чем не спешит.

Точно такая же, как и при жизни мерещилась. Только без пресловутой косы. Или не мерещилась, а так, намекала, что она всё равно его заграбастает, сколько бы он ни пыжился, сколько бы ни боролся.

Зачем он только старухе-то сдался? Он юн и неопытен, за душой ни гроша. А может, поэтому и сдался? Как уверял известный авторитет — Сидор, старушки любят молодые, крепкие тела. Сидор таким методом все пытался сдать матан, предварительно сделав в группе соц. опрос на тему: «даст / не даст».

По его заверениям, в итоге оказалось, что математичка была не против. Вот только на плече у преподши, якобы, обнаружилась здоровенная бородавка, которая напоминала третий глаз и хотела лишить его мужской силы. Сидору пришлось скрываться от ее ласк. Так он всем объяснял нежелание идти на поклон и молить о пересдаче. Это был гон чистой воды. Только Матфей никогда не мог определить точно, где именно Сидор говорит правду, а где врет.

Да, самое время перед лицом смерти думать о всякой хрени. Старая ведьма его за это в ад утащит, прям как математичка Сидора в армию. Возможно, как раз сейчас на чашу весов возложены все его добродетели. Хотя старуха сама виновата — сцена слишком затянулась.

Матфей напрягся, пытаясь скорчить из себя облик морале. Усиленно стал транслировать, как он любит котят и щенят, визуализируя в башке умильные видюшки на тему братьев наших меньших. Но, видимо, от смерти греховную правду не утаить. Теперь оставалось только каяться, что он всех этих злосчастных пушистиков и слюнявых детишек, что лепетали смешные, по мнению их родителей, трехэтажные маты, с раздражением игнорил.

— Ты опоздала. Время смерти уже тринадцать минут как прошло, — от волнения выпалил Матфей, от чего во рту стало сухо.

Собственный голос противно резанул по ушам фальцетом и очевидной глупостью сказанного. Такое чувство возникает у подростка на свидании, если девка очень нравится, а говорить с ней еще не понятно как и о чем, иногда вдруг выпаливаешь какую-нибудь несусветную чушь, от которой хочется самоубиться на месте. И как же круто, когда в ответ она задорно смеется Аниным смехом.

Но старуха не смеялась. И хотя её лицо было скрыто, Матфей был уверен, что и не улыбнулась. Его так и подмывало сорвать с неё капюшон, вглядеться в свои последние минуты, но Матфей трусил. Напряжение от дурацкой реплики только возросло. Делалось все больше не по себе. Хотелось одного — свалить подальше.

Он решился и попробовал уйти. Но его пригвоздило к месту. Задышал носом. Отметил, что дышит, и что сердце стучит в ушах.

А она, та что в капюшон прячется, молчит. Поэтому говорит Матфей:

— Может, ты/вы скажешь/те, в чем тут суть?

Молчит. Все больше становится, все темнее, а он съеживается, съеживается в крохотную точку. Дышит носом. Контроль пытается сохранить. Тщетно — внутри все узлом завязывается. Дышать все труднее. Огонь подступает к горлу.

А может, ну его — дышать? Может, так и должно быть после смерти, уже всё — отдышались, и ему пора? Может, таков путь в nirvanу.

— Силён, — шипением ранит воздух звук из капюшона.

Остатки самообладания разбегаются. Мышцы сводит судорогой, и зубы мелко так выстукивают дробь.

Смерть становится всё больше...

Нет! Это он — все меньше! Истончается, как отслужившая ветошь.

Последней лампочкой сознания мелькнуло воспоминание с лекций по Эдварду Мунку. Махнули крыльями ангелы безумного творца: болезнь, печаль и смерть. И его вечный «Крик» в размазанных красках ужаса. Точная иллюстрация происходящего сейчас с ним самим. Матфей съежился до беззащитного, одинокого эмбриона. Он ничего не может противопоставить крику. В этом крике конец и начало соединяются в единое ничто.

Старуха вытянула вперед руку, поманила к себе. Его поволокло по скользкому белому кафелю, как безвольную марионетку.

Сквозь шипение раздался щелчок. Картинка распалась на мелких черных мушек. И собралась заново в искаженной перспективе. Тени сместились, стали более плотными, чем объекты. Материальный мир размылся в призрачный мираж. Все преграды исчезли, и зрению ничего не мешало проникнуть сквозь черное пятно ткани и заглянуть в самую суть старухи. А там внутри...

Матфей заорал. Туда ему совсем не хотелось!

Его затыгивало нечто.

Трухлявая серость расползлась из сосущей дыры, заполняя все вокруг. Серость пульсировала аморфной плотью. Сползлась в очертания оголодавших морд, состоящих из сотен хищных полостей, что рвали друг друга на слизкие серые куски. Это был сам голод, сам ужас.

В этой чудовищной каше мелькнула розовато-сиреневая искорка. Мелькнула, как ложная надежда и утонула в склизкой серости. Отняв остатки сил.

Никуда его не проводят — его сожрут!

Умереть — оно хрен с ним. Но стать чьей-то жрачкой? Это Матфею совсем не улыбалось.

Ближе. Все эмоции перегорели и замерзли — пустота.

Ближе. И будто врач вколол анестезию в больной зуб. Но боль никуда не делась, боль там — она билась, кричала на самом дне — но её не слышали.

Ближе. Он лишь пылинка в созвездии пылинок — форма его съежилась до золотисто-красной крупинки, отяжелела до сути...

— Кхе-кхе, — противненько прокашлялся кто-то за спиной.

Дыра втянула серость.

Медленно отходила анестезия, еще медленней растекалась его сжатая форма...

— Не помешал?..

Зрение сузилось до привычной реальности.

Матфей стоял в паре шагов от сокрытой черным плащом смерти. Смерть ниже его, маленькая сухонькая. Кажется, одним щелчком он ее одолел бы.

— Ех, чутка не опоздал, ох — старость не в радость, ноги совсем не ходют.

Шаркающие шаги.

Матфей с недоумением глядел, как к ним подошла его галлюцинация — Егорушка!

Старичок хитро подмигнул Матфею. Потер ладошки и, обращаясь к смерти, запричитал:

— Ох, лапочка, ох, голубушка моя, не стоит об него зубки ломать! Он нужен нам.

— Мой! Голод! — хрипло зашипело из-под капюшона.

— Улепетывай, давай! Чаго встал-то?! — сделавшись вмиг серьезным, грозно приказал Матфею Егорушка. — Я ж её надолго-то не заговорю! Аль хочишь быть ничем?! — и вновь обратился к капюшону. — Только он может все исправить.

Матфей дернулся. На стариновское «хочишь стать ничем», в памяти всплыл отголосок Совка: «Кто был ничем, тот станет всем».

Матфей снова дернулся. Мышцы при попытке двигаться откликнулись онемевшими колючками, будто он их отсидел.

Он ойкнул и рванул. Обернулся в последний раз на свои галлюцинации, которые молча столкнулись в напряженном противостоянии. Распахнул двери и, прибавив скорости, выбежал прочь.

Ноги-пружины несли все дальше от больницы. В голове звенела ватная пустота: «Беги, Форест! Беги!»

Снег выбелил озябшие улицы, прикрыв грязь неприглядного города. Матфей топтал его белизну, обращая её в серую кашу. Воздух, тяжелый, влажный и морозный, дымил паром, словно курильщик сигаретами.

Погода напоминала о том, другом дне, и топтался он тогда у подъезда такими же бесполезными топтательными движениями, вот только чувства были совсем другими.

Она ткнулась носом в куртку, смущенно прошептала:

— Спасибо, — и поспешно скрылась за обшарпанной дверью убогой двухэтажки.

В зубах застряла улыбка, и он еще долго не мог выковырять её из своего щербатого рта.

Смысла торчать у подъезда не было. Однако Матфей кайфовал, утрамбовывая шагами пятак у её дома. Он воображал, что Аня наблюдает за ним из окна, и это согревало.

В классе она была невидимкой. Нелюдимая, себе на уме, невзрачная девочка-подросток, в мешковатой одежде. Сидела на уроках одна, уткнувшись в книжку. К доске её не вызывали и устно не спрашивали.

Учителя не замечали ее ровно так же, как и ученики. Бывало, пересчитывает класнуха присутствующих, да и замрет, беззвучно шевеля губами. Силясь вспомнить, обведет всех взором подслеповатых глаз, раз так на десять и три четверти и ахнет, победоносно поднимая кверху заостренный указательный палец, хищно блеснув в потолок красным ногтем: «Точно, Анна же еще Речкунова у нас, вечно я забываю!».

Матфей исключением не был. В упор её не видел до того дня.

А в тот день вдруг заметил.

Хотя не совсем вдруг и не совсем её. Скорее его внимание привлекла группа

одноклассников, что кружком столпились на стадионе, возле школы. В кругу мелькала рыжеватая макушка. Он сразу сообразил, что играли в собачку.

Пацаны часто так забавлялись с девчонками — срывали с кого-нибудь из них шапку и кидали друг другу. Девчонки верещали, но, в целом, скорее, одобрительно, радуясь, что можно и нужно вот так повизжать, показать красивые волосы и продемонстрировать свое остроумие в адрес дебилов-пацанов. Матфей в этом ничего «такого» не видел, он и сам, бывало, подхватывал чью-нибудь шапчонку и, вытягивая руку вверх, ржал над неудачными попытками её достать.

Он и прошел бы мимо. Но почему-то ему не показалось веселым происходящее. Был какой-то надрыв в этой сцене. Многовато людей, и среди них — не только пацаны, но и девки.

Многовато шуму, слишком уж беспокойно бросалась от одного к другому рыжая... Он наморщил лоб, вспоминая, кто она такая — то ли Ася, то ли Аня.

С неохотой решил все же глянуть поближе. Домой хотелось, пожрать — опять деньги на обеде сэкономил, копил на новую игруху — но что-то потянуло туда к медному пятнышку.

Она была в тоненькой не по сезону куртке. Нос покраснел, на щеке ссадина, видно, упала и оцарапалась о снег. Её старая, затертая сумка валялась выпотрошенная на снегу, учебники и тетрадки деловито листал ветер, словно проверяя их на прочность.

— Ребята, ну пожалуйста, отдайте! Я спешу!

— А-а-а, Матан! Тут у нас сучка на новенькую, — кидая ему зеленую шапку, крикнул Гоша.

Аня подняла на Матфея просительный взгляд, и Матфей понял, что она едва удерживает слезы.

Он растерянно покрутил шапку в руках. Обычно девки близко к сердцу такие забавы не принимали. Странная она, необычная.

Матфей даже не заметил, когда, зачем и почему подошел к ней так близко, что едва уловимый запах трав приятно щекотнул ноздри. Не заметил он и того, что все уставились на него в молчаливом недоумении. Убрал выбившуюся из косы прядь с лица и осторожно надел на девушку шапку.

— Вот это поворот, — выдохнул Гошан, которому Матфей еще вчера расписывал все достоинства фигуры Алёны.

— Я тебя уже заждался, — сам еще толком не понимая, зачем он это говорит — то ли для остальных, то ли для неё. А может и для себя?

Она растерянно смотрела на него.

— А ты тут с чужими мальчиками заигрываешь...

— С этой чмошницей? — презрительно скривилась Алена и, хмыкнув, взяла под руку Дашку — свое неразлучное приложение, вроде сумочки.

Они засеменили на каблуках подальше от упавшего в их глазах Матфея.

Матфей не удержался и все же проводил взглядом стройные ножки в нейлоновых колготках.

Последовав примеру девушек, все медленно разбрелись, попутно бурно обсуждая, что за фигня происходит:

— Остановите планету — я сойду! — орал Гошан.

Матфей, не обращая внимания, ну или, скорее, делая вид, что не обращает внимание на бурное подстебывание и негодование приятелей, помог Ане собрать учебники, повертел в

руках книгу М.Ф. Достоевского «Идиот». Одобрительно присвистнул, спросил:

— Нравится?

— Да.

— А тебе не кажется, что бабы в этом романе все помешанные, особенно Настасья Филипповна? Да и довольно депрессивно там все.

Она удивленно посмотрела на него, словно не веря, что он тоже мог читать этот роман.

— Она кажется мне, скорее, несчастной, чем помешанной, — едва слышно сказала Аня, выдавливая из себя слова через силу, как человек не привыкший говорить вообще.

— Допустим так, — улыбнулся Матфей, цепляя себе на плечо её увесистую сумку. — Пойдем, провожу...

Возвращался медленно. Запахи поздней осени прорезали лучом затуманенные мысли. Мысли осознали себя мыслями. Осознали, что бегут. Осознали, что можно остановиться. Остановились, осмотрелись.

Матфей потоптался по пятаку, утрамбовывая свежий снег в серую кашу. В башмаках хлюпало. Это потянуло за собой воспоминания об Ане. Воспоминания отогрели.

Он окончательно очнулся. Сколько прошло времени, прежде чем очнулся?

Пятки колело. Навалилась усталость.

Он сел на мокрую лавочку возле подъезда. Тупо уставился на втопанную в грязь, очевидно, его сорок пятыми ботами, ярко-красную листовку. Название скорее угадывалось, чем читалось: «Купи слона! Получи скидку на бегемота!»

Он долго тупил — никак не мог сообразить, зачем кому-то слоны и бегемоты. Опять и опять взгляд возвращался на злосчастный клочок бумаги, пока не дошло, что призывают купить не слона, а сланец, и скидку предлагают не на бегемота, а на путешествие к берегу моря. Но от этого смысла объявлению не добавилось. Однако эта бессмысленность была в рамках обычной рекламы. Поэтому он, наконец-то, смог собрать мозги в кучу.

В памяти всплывали дома, площади, проспекты, мимо которых его несло. Забег длился долго — сутки, двое или и того дольше. Будь Матфей еще жив, он бы уже умер, как загнанная тварь.

Многоэтажка знакомая, он шесть лет прожил здесь с мамой. Это его дом. Он вернулся к своему дому.

В дверях пикнул домофон, из подъезда вышел сосед. Матфей соскочил и успел подставить ногу к закрывающейся двери, забежал в дом. Лифт привычно вызывать не стал: пока эта металлическая коробка приедет, можно десять раз спуститься и подняться на четвертый этаж.

На их лестничной площадке стояла обитая красным бархатом крышка гроба с массивным распятием по центру. Кто-то видимо умер.

Матфей всегда хотел, чтобы его кремировали, и вот такая крышка не вдавливала бы его своими массивными символами насилия в землю — на корм червям.

Дверь открыта. Вошел. Первая мысль была, что ошибся квартирой. Вторая: что за дичь происходит? Много людей малознакомых или вовсе не знакомых, все в чёрном, копошатся муравьями по комнатам. На зеркалах — белые заплатки из простыней.

Стол на их с мамой кухне сдвинули в угол, а вместо него притащили откуда-то огромную раскладную громадину, застелив её допотопной скатертью. Это уродливое сооружение заняло почти половину вполне себе большой кухни.

У плиты, которую угваздали до неузнаваемости, сутились незнакомые женщины. Кто-то чистил картошку, кто-то варил кутью. Говорили все вполголоса. В общем, атмосфера та еще, как на похоронах.

Запоздало дошло, что он действительно на похоронах. На своих похоронах.

Захотелось послать всю эту праздную толпу куда подальше. Побывать одному. Дать себе возможность обдумать, осознать свое положение.

Взгляд Матфея, скользнув по лицам, вытащил одно, которое вычерчивалось желтоватой бледностью и черными кругами под глазами.

Мама не плакала. Покачиваясь, она слонялась по квартире. Глаза блестели, как в лихорадке. Лицо окаменело. Побелевшие губы беззвучно кривились, пытаясь что-то сказать. Она снимала с головы платок, растерянно глядела на него и, аккуратно расправив края, складывала в шкаф. Выходила из комнаты, бродила маятником. Потом вздрагивала, проводила рукой по голове, охала, спешила в комнату, доставала из шкафа и вновь надевала платок. Снова делала круг по квартире, снимала платок, клала его в шкаф, и вновь охала, и вновь надевала и так до тошноты.

Сначала к ней еще подходили с вопросами организации. Но поняв, что толку спрашивать у неё о чем-либо нет, люди лишь косились и перешептывались, что хозяйка от горя тронулась.

Матфея же добивало непробиваемое равнодушие живых, озабоченных какой-то ерундой вроде того, что ложек на всех не хватило и нужно сходить за ними к соседям или, что в комнате с покойником решили завешать всё простынями, потому что народу много, и так проще. А не тем, что человеку рядом с ними срочно нужна медицинская помощь и банальное человеческое участие.

Он ходил за мамой по пятам, пытаясь хоть как-то помочь. Но она не слышала его, не отзывалась на прикосновения. Это вводило в отчаяние. Он подходил к людям, просил их вызвать скорую или поговорить с ней. Но никто, абсолютно никто, не слышал его.

Лишь бабка Люся, что жила в соседней квартире, наконец-то, проявила участие и заговорила с мамой.

— Свет, зайди уже, попрощайся с сыном, а то люди невесть что подумают о тебе, — всезнающим тоном, нравоучительно высказалась соседка.

— А он куда-то уезжает? — потеряно спросила мама.

— Так умер он. Ты чего? — прошипела бабка Люся.

Мама глянула на нее отсутствующим взглядом.

— Ерунда какая, — и попыталась обойти бабку.

— Света, не дури, похороны же, — взяв ее за локоть, соседка попыталась отвести ее к гробу, но мама вырвалась и толкнула бабку.

Бабка отступила, удивленно выпучив глаза.

Его тихая, всегда вежливая, покладистая мама, которая никогда не повышала на людей голос! Никогда! Яростно тыча в бабку пальцем, выговаривала:

— Закрой свой поганый рот! Мой сын жив! Он тебя переживет, старая карга! Он жив, а все это ерунда. Он не мог умереть! Устроили тут спектакль! Выметайтесь, вы! — на щеках у нее выступили красные пятна, в нарастающем голосе слышалась истерика. И вдруг оборвала себя улыбкой, опустила руки, взгляд её опять стал отсутствующим. — Он все обои в комнате разрисовал. И это вам не детские каракули, а настоящие картинки из жизни нашей семьи. Мы не стали менять эти обои. Они в моей комнате, в нашем доме, можете поглядеть. Я его

отвела в художественную школу... И мне сказали, что он исключительно талантливый ребенок... Исключительно талантливый, так-то...

Бормотание становилось все бессвязней.

Бабка отошла и зашептала с кучкой женщин, смахивающих на потрепанных куриц.

— Батюшке надо сказать.

Услышал Матфей и от злости чуть не умер второй раз.

— Врачу надо сказать, тупые вы клуши! — заорал он, но бабы даже ухом не повели. Он сжал кулаки. — Бред!

Вскоре перед Матфеем предстал батюшка во плоти, с солидной, ухоженной бородой.

Матфей заподозрил, что борода накладная для придания пущего эффекта важности.

Батюшка был в черном одеянии, на груди висела толстая цепь с большим золотым крестом.

— Мда, золотая цепь на дубе том...

На женский щебет поп царственно кивнул, и молча вышел. Вздохнув, достал телефон и вызвал скорую.

Скорики приехали быстро, осмотрели маму и поставили ей сильное успокоительное. Велели понаблюдать за ней. Священник снова кивнул и, когда врачи уехали, остался с ней. Рассказывал случаи про прихожан. Матфей с запозданием понял, что священник знаком с мамой и даже больше, чем просто знаком.

Мама смотрела сквозь священника, рассеянно кивала, кажется, даже не слушая, но попа это не смущало. Вскоре она уснула. Священник бережно укрыл её одеялом, поглядел на маму как-то странно, грустно и с нежностью, вздохнул, перекрестился, вышел из комнаты, осторожно притворив за собой дверь.

Матфей никак не мог понять, откуда мама знает попа. От этого душу колола обида. У мамы были от него секреты. Вместе с тем, почти невольно он проникся уважением к этому чуваку. Он слышал от знакомых, что на похоронах священники проявляют себя краше всего. Отжав с родственников деньжат, они пять минут бубнят молитвы перед гробом, размахивая кадилом, а потом скороговоркой раздают указания, как правильно проводить обряд похорон, и скорее сваливают в свои джипы, чтобы людишки не задавали глупых вопросов. Ну, а если кто задаст, то гнев божий в виде сурового осуждающего взгляда гарантирован.

У мамы выравнивалось дыхание. Матфею полегчало. Он немного посидел рядом, вздохнул и тоже вышел из комнаты.

К себе заходить не хотелось. Именно в его комнате стоял гробик с его трупиком. А пялиться на себя в гробу — удовольствие разве что для некрофила. Тем более, судя по звукам, священник проводил отпевание, а это вообще стремно.

Хоронить атеистов по православным обычаям глупо в превосходной степени. Но всё держится на законсервированных традициях, ведь иначе бабки на лавках затыкают пальцами, а покойнику покоя не будет от не покоя близких.

Поэтому Матфей сел за стол, угрюмо разглядывая тех, кто почтил его своим присутствием. Постепенно люд мало-мальски узнавался. В основном с универа и со школы, соседи, пара приятелей, среди них Гошан. И все — одинаково чужие.

Сидор в армии, видимо не отпустили, это ладно, ясен пень, без претензий. Но вот то, что папаша не удосужился прийти — отчего-то выбешивало.

Как хотелось свалить отсюда подальше. Он и прежде ненавидел такие вот застольно-кухонные сборища с тупыми разговорами, с тупыми ритуалами — никому не понятными, но

почему-то живучими. Но сейчас, когда виновником сего торжества был он, его просто бомбило.

Душили обида и злость. Может, потому что Матфей представлял свои похороны иначе. На своих похоронах он представлял себя главным героем, о котором все говорили только в плюсах, и те, кто был неправ, резко это дело осознали и каялись. Пусть такой воображаемый, подростковый наивняк был нарисован им, когда он узнал, что отец — предатель, но устоялось же в определенный стереотип, который по любому должен был воплотиться. Ведь от своих похорон должно быть хоть какое-нибудь удовольствие. Хоть какая-то справедливость в этом мире должна восторжествовать в конце концов.

Но все оставалось ровно таким, каким было при жизни. Отец просто взял и не пришел. Матфей не мог уложить это в голове. Конечно, он думал об отце плохо, но не настолько же плохо.

Мелькнула надежда, что тот, убивается в его комнате перед гробом. Пришлось заглянуть, проверить.

Гроб с венками в изголовье стоял посреди комнаты. Вокруг него сидели люди, прикладывая платки к глазам. Бабки причитали. Было в этой картине что-то по-сектантски фальшивое. То ли дело кострище язычников — зрелищно. Особенно со стрелами и лодкой. По телику показывали.

Отца здесь не было. Комната выглядела чужой. Все завесили белыми простынями: стеллажи с любимыми книгами, коллекцию старых пластинок и патефон — его гордость, плейстейшен и любимую гитару, и картины тоже. Он так и не смог продать их на «Авито». Только ноут сдал в ломбард.

Получается, о его комнате и шептались на кухне. Следить, мол, за вещами им всем некогда, поэтому и решили всё тщательно спрятать, чтобы понабежавшие людишки не распёрли его барахло на памятные сувениры.

Невыносимо потянуло оказаться в нормальной обстановке. Хотелось увидеть, что от него что-то еще осталось в этом мире. Чтобы кто-нибудь взял пластинку «Scorpions» и включил их «Humanity». Чтобы кто-то сказал, что он, Матфей, любил эту песню. Или сыграл в любимую игрушку: «God of war» или что угодно, что касалось его живого. Но из родного лишь геймпад уныло оставили валяться на подоконнике, а всё остальное лишь окончательно обезличивало, обнуляло его жизнь. Будто и не ходил он совсем недавно рядом с этими людьми, не дышал с ними одним воздухом, не был частью их жизнью.

Он собрался уже убраться подальше и налетел на входящую в дверь Аню.

Она вздрогнула и растерянно осмотрелась, как будто ощутила столкновение.

— Привет, Аня, — выпалил он, но, ясен пень, она даже головы на звук не повернула.

Внутри все оборвалось.

Аня присела на стул около гроба, старательно не поднимая зареванных глаз на тело Матфея. В отличие от остальных, платок у лица не держала, а комкала в руках. Одетая не в черное, а в темно-синие джинсы и джемпер. Это порадовало.

Усмехнулся: при жизни люди в белом намозолили глаза, а после смерти — в черном.

Вот бы обнять ее, поговорить, успокоить. Он сел рядом.

Она переменилась — повзрослела. Захотелось нарисовать её такой — грустной, милой, только волосы он бы освободил из тугого пучка. Аня всегда их прятала, в отличие от остальных девчонок. Но Матфею повезло — когда рисовал ее портрет, появился повод попросить распустить. Волосы были тяжелые, длинные, необыкновенно красивые, как

осенние листья. Он видел это только пару раз. А так хотелось увидеть еще.

Уличив момент, когда все вышли, Аня тихонько встала и подошла к гробу, достала из сумки вязанный шарф кофейного цвета и положила с краешку.

— Связала, чтобы тебе там тепло было.

От заботы у Матфея внутри екнуло.

Аня подошла к завешанным шкафом. Оттопырив краешек простыни и, проигнорировав неодобрительные взгляды вернувшихся теток, заглянула на полки с книгами. Пошевелила губами, читая названия на корешках — хоть кому-то интересно, чем он жил. Достала картины (они были в рамках, поэтому их тоже запрятали) и каждую внимательно рассмотрела. Нашла не дорисованный комикс, полистала, заулыбалась. Коснулась патефона. Посмотрела пластинки и игры.

Села, разрыдалась, обхватив голову руками.

Матфей растерялся. Он опять, как и в тот раз, не понимал, что делать с этими слезами. Тогда-то он был жив и нашелся, а что делать сейчас?

В комнату вошел парень. Матфей не знал его. На вид неприятный, хотя полюбас девки от таких писаются кипятком. Сделалось не по себе, замутило. Парень сел рядом с Аней, отчего еще больше не понравился Матфею.

Аня подняла на парня глаза, и во взгляде скользнуло узнавание. Она вся подобралась, как струна, даже, как будто испугалась, что этот тип сел с ней рядом. Зато перестала плакать, но это только усилило беспокойство.

Матфей ненавидел таких, озабоченных лейблами и статусами — тупоголовых мажоров. Аня необычная, она не поведется на смазливое личико и модные тряпки. Она умеет видеть души людей, а у таких уродов — души обычно уродливые.

— Ты знал его? — охрипшим голосом спросила она.

— Не-е, я к тебе.

— Принеси воды, пожалуйста.

— Я, рили, похож на прислугу? — противно растягивая слова, поинтересовался мажор.

— Ты похож на человека, — отстраненно заметила Аня.

— Бинго, по биологическим признакам я принадлежу к виду хомо сапиенс, — насмешливо хмыкнул мажор. — Важное открытие для тебя?

— Мои открытия я оставляю при себе, — сдавленно выдохнула она. — Тебе их не понять.

— Камон, — пожал плечами мажор и добавил, с гаденькой ухмылкой. — Тут рили очень скучно. Я в игре, моя госпожа.

Илья вышел. Аня облегченно выдохнула, встала, подошла к гробу, коснулась губами лба покойника.

Кожу на лбу приятно щекотнуло. Или это только почудилось?

— Люблю тебя. Прощай.

— Не уходи, — попросил Матфей, пытаясь удержать её за руку, но тщетно.

Он двинулся следом за ней в коридор. Им навстречу из кухни вышел мажор с кружкой воды. Кружка с изображением мультиковых Рики и Морти на фоне звездного неба — кружка, которую Сидор подарил Матфею.

В голове щелкнуло. Зрение заглохло, как перед смертью. Весь материальный мир стал призрачным. Аня вспыхнула золотым костром.

Матфей испугался, что она сторит. Попытался дотронуться. Свет не жег, он был теплый,

уютный... Свет был частью ее самой.

Матфей перевел взгляд на группку людей, что стояли на входе в кухню. В груди у каждого пылали огоньки — у кого — огненным ядром, у кого — маленьким солнцем, но никто так не сиял всем существом, как Аня. Зачарованный этим светом, он не хотел отводить от неё глаз. Ему было по странному хорошо, и, вместе с тем, по странному плохо.

— Зачем ты здесь? Мне это не по душе, — тихо сказала она, взяв кружку у мажора, но из-за того, что руки дрожали, вода расплескалась. — Матфею бы это не понравилось, — её свет всколыхнулся, повеяло холодом.

Матфея пригвоздило к месту, страх пополз по загривку. Ощущения были знакомые. Он взглянул на мажора и вздрогнул. Он уже видел такое дерьмище, совсем недавно видел. Только видеть эту хрень в смерти — это одно, и совсем другое — в живом человеке, который находится рядом с Аней.

— Если ты про парня в ящике, то ему плевать — он труп, ты ж медик, знаешь, что значит труп. Или у тебя и на этот счет есть открытия?

Матфея рвало на части. Одну тянуло к свету, а другую — в дряхлую паутину серости мажора.

— Беги, — попросил он, но Аня оставалась на месте, и он вынужден был оставаться с ней. Остаться между тем, что он есть и тем, что его нет.

— Что тебе нужно от меня?

Матфею тоже было интересно, что этой твари нужно от Ани, но тварь проигнорировала вопрос.

— Он — тупиковая ветвь эволюции. Оглянись, его хата — немногим лучше дешевого ящика, в котором его закопают. Какая разница как гнить — в земле или на земле?

Матфею хотелось вырубить мразь, но вместо этого мразь вырубала его. Он бы растворился в его серости, но Анин свет держал. И он держался за этот свет, пытаясь придумать, как спасти её.

— Тогда всем пора в землю...

— Тебя заводит эта тема? Хочешь мертвечины? — издеваясь предположил мажор. — Я готов к экспериментам.

— Отвяжись! — яростно выдохнула она, и плеснула остатки воды ему в лицо. Перед мажором услужливо мелькнул фак, изображенного на кружке Морти. Кружка выпала из её дрожащих рук и разбилась.

Матфей никогда прежде не видел, чтобы Аня так злилась.

Из комнат повыныривали любопытные лица.

Мажор спокойно достал салфетки и вытер лицо. Кишащая бездна внутри него, зашипев, отползла подальше. В ее серости мелькнуло розоватым светом что-то живое, и Матфею на миг стало легче.

— Камон, еще раз, и получишь сдачи, — ровный голос мажора не вызывал никаких сомнений, что получит.

Аня покраснела, казалось, сама испугавшись своего поступка. Быстро собрала осколки.

— Отвяжись, — повторила она уже спокойней.

— Да, изи, только это возьму на поглядеть, — в руках у мажора был комикс. Его, Матфеев, неоконченный комикс.

— Отдай! — возмутилась Аня.

— Анька, может, ты проявишь уважение к покойному и перестанешь скандалить?!

К ним решительно подошла Алёна. С негодованием зашипела на Аню, умудряясь при этом строить глазки мажору, поправляя волосы и хлопая накладными ресницами. Матфей хорошо помнил Алёнину манеру оболъщать. Он бы и разозлился, но силы даже на праведный гнев не осталось.

— Гоу, мы уходим, — сказал мажор и, сунув Ане комикс, потащил её за собой. — Пойдём, я отдам твоё барахло.

Аня недовольно зашипела, но сопротивляться не стала.

В глазах у Матфея еще какое-то время двоилось. Затем зрение постепенно приходило в норму. Эмоции оттаяли, заныли. Тело же затекло так, что не торопилось возвращать себе активность.

Ему бы защитить её, хотя бы в этот раз, не бросать одну в лапах очередного чудовища. Притягивает она их, что ли?

Проклиная собственную немощность, он давился злостью и отвращением к себе. Приходилось признавать свою трусость и слабость, потому что даже если бы он смог, он бы не кинулся за ними сейчас. Ему не хотелось, чтобы эта серая мразь слопала то, что от него осталось. И что хуже всего — он сомневался, что его помощь вообще Ане нужна — он ревновал.

Когда способность двигаться вернулась. Он, больше не желая смотреть на этот цирк, вышел на лестничную площадку.

Глава 5. Я не пассионарий (часть 2)

Нажраться бы сейчас в говно и вообще забыть, не думать обо всем этом.

На площадке было накурено и воняло водкой. Смог стоял такой, что любой Лондон сдох бы от зависти. Свет давала маленькая лампочка, тускло выхватывающая сутулую фигуру мужика, сидевшего на ступеньках. Потрепанная кожаная куртка выглядела до боли узнаваемой. Сколько же этой куртке лет или такую же купил?

За годы, что Матфей не видел его, отец практически не изменился. Все тот же запах табака и горьковатого пота. Всё та же колючая щетина. И шрам на щеке от волчих когтей. Только по волосам неровно пробежала седина, да на лбу залегли глубокие складки.

Отец сидел, свесив голову на грудь, и судорожно сжимал сигарету в массивных пальцах. Сигарета казалась крошечной. Она тлела и крошилась обжигающим пеплом в его большие мозолистые руки с глубокими линиями на ладонях. Вторая рука лежала на ополовиненной бутылке водки.

Дверь открылась. На площадку вышел священник. В нём скорбь и достоинство находились в приятном балансе и невольно располагали Матфея, хотя он и не любил слуг церкви.

— Будете? — насмешливо спросил отец, кивнув на сигарету в руке.

Он не просто выпил, а уделался в говно, едва языком ворочал. А ведь он с тех пор, как в веру ударился, только красное вино пил и только по церковным праздникам.

Священник отрицательно покачал головой.

— Скоро гроб будут выносить. Сходите, попрощайтесь с сыном, — тихо сказал он, кладя руку на плечо отцу.

— Нет, — отозвался отец, стряхнув руку священника. — Живым... — поднес сигарету и жадно затянулся. — Живым запомню.

Священник огляделся в поисках того, что можно было бы подстелить под пятую точку. За батареею кто-то услужливо напихал агитационных газетеночек, которые в избытки штамповались к выборам. Священник, вытащив одну, положил её на ступеньку и сел рядом с отцом, прямо на моську одного из кандидатов.

Помолчали.

— Не убивайтесь так, — посоветовал батюшка.

Отец сжал кулак так, что пальцы побелели, и заговорил.

— Шке-е-ет, — растянул он, — мало я его порол в детстве. Мы с ним ладили, пока он мелким был. С роддома привезли, помню, такого некультяпистого, я даже боялся его пальцем тронуть, сломать боялся головастика. С неделю обвыкал, что он мальчик с пальчик. А потом как обвыкся, так он с рук моих не сползал. Ладили-ладили, а потом разладили. Ему было двенадцать. Прикинь, он чучел моих сжег. Я пришел домой, а он стоит, смотрит волчонком с неприкрытой ненавистью. Оказалось, взял в гараже бензин и сжег. Так охоту ненавидел. Вроде парень, а... А вот дочка у меня, та, наоборот, охотницей растёт. А этот — будто не мой, от матери жалостливый...

— Сейчас можно себя простить, он простил.

— Это тебе твой бог сказал, что простил? — зло тыкнул отец священнику, затушив очередной бычок, в стоящую рядом жестяную банку из-под кофе, и прикурил новую сигарету. — Не-е, у него такой стержень был, не простил и не простит! Я до крови тогда его

выпорол. А он и не пикнул. Можешь такое представить? Двенадцать лет и не пикнул, чертенок. Потом не разговаривал со мной месяц. Я его тогда и потерял из-за поганых чучел. Казалось, мелочь, а с тех пор изменилось в нем что-то ко мне....

Матфей вспомнил тот день, и снова кольнула прежняя обида и боль.

Он тогда гулял с пацанами и встретил папку. Хотел подбежать поздороваться, но папка был не один. Он шел под руку с молоденькой девушкой, она везла коляску с ребенком и звонко чему-то смеялась.

Матфей не мог поверить глазам, он будто оцепенел и все смотрел, смотрел на эту сцену, не веря себе. Отец наклонился и, бережно обняв незнакомку, осторожно поцеловал её в кончик носа. Еще вчера Матфей видел, как точно так же он целует маму! Все внутри перевернулось. Между тем отец взял из коляски ребенка, судя по обилию розовых рюш — девочку, и чуть подкинул её в воздух. Девочка залилась смехом. Образцовая семья, как в голливудской идиллии.

Матфей тогда пришел домой, сорвал со стен чертовых чучел и сжег их. Он никому не сказал почему и зачем.

— Я ведь грешен, бог и забрал сына, потому что грешен. Я двоеженец. Двух женщин любил. — Матфей сжал кулаки, хотелось бы ему поспорить с ним о любви. — Светка — мать его. Она — первая моя любовь, со школы. Думал, навсегда. Женились детьми и жили не тужили. Но характер у нее больно замороченный. Она в грусть, и дом сразу становится холодным. А я — мужик. Мне тепло нужно, когда с работы прихожу. Вот и Галька возникла, веселая, простая, девчонка еще совсем. Разрывался, жил на две семьи. Тут сын, там дочь. Пять лет мутыжился. Ушел к Гальке, проще с ней. И дочка, она меня любит, — он улыбнулся, сказав о дочке, так что Матфей даже в потемках увидел морщины вокруг глаз. — А сын меня после чучел ненавидел, как белены объелся. До драк доходило! Звереныш, смотрел на меня, будто я нелюдь какой. Может, мать он так любил, что ко мне ревновал. Опять же, по Фрейду, у пацанов такое бывает. А может, уже тогда чувствовал, что за мой грех Бог его заберет прежде, чем пожить успеет. А когда я уходил, он прям довольный был. Наговорил мне. Я со злости ему врезал. Он же, гадёныш, плюнул презрительно мне в ноги и в ответку даже дать не попытался, а лоб уже здоровый был, шестнадцать годков. Дал бы в ответку, может, на душе бы таким камнем не висело. Много мы друг другу сказали тогда «хорошего». Но я отошел, хотел пойти к нему, замирился. Куда там! Даже слушать не захотел! А у меня тоже гордость есть. Еще один грех до кучи.

— У всех нас есть грехи.

— Галька — мудрая женщина, советовала обождать, со временем, мол, опыт как появится, поймет. Сам с сестрой придет знакомиться. Как же, дождались!..

Матфей вспомнил тот день. Собранные чемоданы и маму на коленях. На коленях его, сволоту, просила не уходить. А он ей и тогда не сознался, что к другой сваливает. Даже пытался обелить себя, мол, тебе же лучше без меня будет.

Как же, лучше ей без него будет! Такой ранимой, такой наивной! Внушила себе, что только одного его, мудака, и должна любить всю жизнь.

Матфей тогда понял, что такое эта любовь в действии. Романтическая чушь, оформленная в рамочку ванильного кинишка — полная ерунда.

Ему как раз подвернулась книга «Государь» Н. Макиавелли. Любовь, как и страх — лишь оружие власти. От любви нужно держать себя подальше. Может, поэтому ему было сравнительно легко порвать с Аней. Он испугался, что у кого-то будет над ним такая власть — такая, которая может свалить на колени.

— Я помогать буду, — пообещал отец матери, поднимая её на ноги, будто им нужна помощь от предателя.

Мама всхлипнула и, покачиваясь, все же отлипла от отца, закрывшись в своей комнате.

Матфей стоял на веранде, скрестив руки, и молчал. Он переживал, что мама осталась одна, и может с собой что-то сделать. Но с показным удовольствием остался смотреть, как отец, кряхтя, вытаскивает чемодан, из гаража достает проклятые ружья и удочки, грузит все это в машину.

— Я ж не совсем вас бросаю ... — промямлил отец, глядя виновато на сына.

— Сваливаешь — вали! — скрестив руки на груди, презрительно кинул Матфей. — Обратно не заявляйся, и деньги свои в зад засунь.

— Не мели языком, мал еще, чтоб меня судить!

— А мне на тебя плевать, ты тут чужой!

— Чужой?! — взревел, отец, надвигаясь на него. — Да, ты ж все для этого сделал, говнюк!

— Свесить на меня свое дерьмо не пытайся!

Отец приблизился почти вплотную. Лицо его, перекошенное от гнева, врезалось в память. Таким он его и запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Он ударил Матфея. Так, что в ушах зазвенело, и Матфея сшибло с ног.

Матфей встал, сплюнул кровью отцу в ноги и, глядя ему в глаза, прошипел:

— Скотина!

Отец развернулся и пошёл к машине, бросив через плечо:

— Она тебя точно нагуляла, сопляк! Не родной ты мне!

— И хорошо! Мне от такого папаши гены не нужны!

— Ублюдох! — зло кинул отец на прощание, садясь, наконец-то, в свой джип и уматывая подальше.

Отец тогда умотал. Потом купил им с матерью двухкомнатную квартиру. Сам же заехал с новой семьей в их большой дом.

Ночами Матфей сидел под маминой дверью и слушал приглушенные рыдания. Он записывал их в памяти, чтобы никогда не простить отцу.

Матфей наблюдал, как мама все глубже уходит в себя, как проявляются симптомы клинической депрессии: рассеянность, провалы в памяти, отсутствие аппетита. Самое жуткое, что в конце концов она перестала вставать с постели. Её глаза стали пустыми, будто слезы выжгли из них жизнь.

Матфей проштудировал весь интернет. Пытался вытащить ее своими силами: заставлял есть, отвлекал, выводил на прогулки. Но с каждым днем делалось все более очевидно, что нужен специалист, и не государственная дурка, а именно нормальный специалист. Но для нормального специалиста требовались нормальные деньги.

Даже тогда Матфей не стал просить их у отца.

Впереди маячило лето, каникулы. Он напряжено соображал, где можно заработать много, быстро и без образования. Матфей хорошо рисовал, но, чтобы этим зарабатывать, сначала нужно сколотить себе имечко в интернете, а на это необходимы деньги и время,

которых у них с мамой не было.

Он увидел объявление в интернете, что на стройку требуются работающие и не пьющие, здоровые парни — этот минимум был при нем.

Однако бригадир братъ его отказывался, хотя Матфей в свои шестнадцать выглядел довольно взросло. Дядька с большим опытом сразу смекнул, что тот несовершеннолетний, и, если что случится, а на стройке случается часто, хлопот с этим не оберешься. Ему такая ответственность была ни к чему.

Матфей не сдался. Он неохотно, но честно рассказал, что деньги нужны на лечение матери. Бригадир, поколебавшись, через несколько дней все же позвонил ему и принял неофициально, с испытательным сроком, оставив за собой право в случае чего дать Матфею крепкого пендаля.

Эти дни на стройке стали для него адом, но и спасением тоже.

Матфей уставал так, что падал дома замертво. Сутки состояли из работы и сна.

Пыль, грязь, высота, маты. Пот мешается с известью и цементом. Они забиваются в нос, рот, уши. Тело потом зудит, как при чесотке, даже после душа.

Бесконечный шум, так что голова превращается в чугунок, и шаги домой отчеканивают ритм вбивающихся свай.

Солнце палит беспощадно. А в дождь и того хуже — скользко, сыро, зябко.

Матфей продал приставку, крутой телефон, наушники, купленные ему когда-то отцом. Даже фамильные часы — семейная реликвия, подарок отца на тринадцатилетие, передающаяся из поколения в поколение, были сданы в ломбард. Вырученные деньги добавил к заработанному и за два месяца смог накопить нужную сумму, чтобы определить маму в более или менее приличную клинику.

Тогда он повзрослел окончательно и понял: твои проблемы — это твои проблемы. Никто тебе не поможет, если ты сам себе не поможешь.

Маму он на ноги поднял. Она после лечебницы устроилась на работу медсестрой в детский сад и, кажется, была по-своему счастлива.

А что с ней будет теперь?

— Я сына вычеркнул тогда и не скажу, чтоб сильно этим маялся. Время так скоро пролетело, пять лет, как с куста. Тут Света звонит, рыдает... Я ей сначала не поверил, психика у нее подвижная... Он ведь — стальной парень. И вот нет его, скажешь? Не поверю, жить будет во мне.

Отец схватился за цепочку на шее и сорвал с себя крест, вложил его священнику в руку.

— Я просил Его за грехи наказать меня, но не сына. Свечки ставил. Твой Бог глух и жесток! Мне не нужен такой Бог!

Отец, отвернувшись, с трудом поднял грузное тело и, покачиваясь, стал спускаться, глухо напевая под нос: *«Черный ворон, что ты вьешься над моею головой...»*

Когда отец учил Матфея играть на гитаре, они пели эту песню вдвоем. И еще много хороших, правильных песен пели они тогда. Отец всегда учил его всему правильному и хорошему — всему тому, чему в жизни, оказалось, нет места.

Священник грустно посмотрел на крест и зажал его в кулаке.

— Еще один обиженный на тебя сын, Отче, — пошептал он и перекрестился.

Матфей остался на площадке один, тупо водя пальцами по шероховатым, деревянным

перилам.

Еще недавно он хотел, чтобы отцу стало больно. Оказалось, что от отцовской боли нифига не легче. Боль отца свербела, будто была продолжением его собственной.

В груди все сжалось, в глазах защипало. Хотя слезы и являлись прерогативой живых, вопреки всем законам — они навернулись на глаза. Ему оставалось только размазывать их кулаком по призрачной роже.

— Я прощаю тебя, хоть ты и скотина, — прошептал он в себя. — Прощаю...

— Поздновато, но лучше, чем ничего! — раздался за спиной знакомый голосок.

Матфей развернулся: перед ним стоял Егорушка с блокнотиком и старательно вносил туда пометки. С их последней встречи старик сильно осунулся и вид имел крайне изможденный.

Присутствия Егорушки здесь и сейчас хотелось меньше всего.

— Что тебе от меня нужно? — отстранено спросил Матфей.

— Зато глянь, как сияешь — любо дорого смотреть, — в качестве очередного бреда ответил Егорушка.

— Объясни же мне всё, старый черт? — потребовал Матфей, глотая остатки слез. Боль сменилась привычным раздражением.

Егорушка пристально взгляделся в Матфея, который выжидательно барабанил по перилам пальцами.

— Рано есчо, авось сам до чего дойдешь. Оно ценнее будет, коль сам-то придешь к чему. Только ты бы тут пока не светился, а то сожранькают.

Егорушка спрятал блокнот в карман желтой куртки, и стал выводить какие-то каракули карандашом прямо на перилах, рядом с пальцами Матфея. Каракули походили на свастику.

Матфей поспешно отвел взгляд, не желая вдаваться в очередную дурость. Но Егорушка это заметил и, улыбнувшись, пояснил:

— Не-е, эт не то, что ты подумал, милоч, это пожелание удачи и света. Фашисты не так рисовали. Пойдем в мою хибару, чайку попьем.

— Да, самое время после смерти попить чайку, — иронично заметил Матфей, однако идея показалась заманчивой, хоть и походила на очередную клоунаду.

— Конечно, для хорошего чая всегда самое время, — буднично пожал плечами Егорушка и стал спускаться по лестнице.

— Я-то — неживой, — буркнул Матфей, спускаясь следом.

— Но еще и не совсем мертвый. Это всего-то другой слой реальности. Люди тебя, конечно, видеть не могут. Да и тебе влиять на их жизни не по силам. А привычки — это самое живучее, что есть в человеке, и они остаются. Сильная вещь — привычка! Я видал, как она легко подчиняет себе людей.

— Не могу повлиять? Совсем ни на что не могу? — споткнулся Матфей.

— Совсем ни на что и никак. Пока — точно, — обернулся на него Егорушка. — Давай, топай, чаго встал-то?

Матфей покорно вышел из подъезда и поплелся за стариком на остановку.

Лужи, поросшие фиолетовой пленкой бензина, не обходил. Кроссы вымокли, от чего ноги недовольно похлопывали. Но он этого не замечал, он глядел в свинцовую гладь неба, и небо отражалось в нем, но не принимало его, оно по-прежнему было чужим и далеким. А он тосковал по небу, отчего-то казалось, что оно не принимает его к себе в нарушении устоявшихся правил мироздания.

Они сели в пустой трамвай. Ритмично застучали колеса. Кондуктор их не заметила. Егорушка сел на двойное сидение, жестом приглашая присесть Матфея рядом. Но Матфей проигнорировал приглашение и примостился на одиночную сидуху в другом ряду. Старик молча отвернулся к окну.

Матфей ушел в себя. Думал об Ане и мажоре. Об отце думал. О маме. И о том, что ничего не сможет сделать, чтобы помочь им. Мысли скакали в дикой пляске и никак не могли собраться, чтобы вылиться в какое-нибудь целенаправленное действие. На душе было скверно. Когда же придет покой? Слова — «покойся с миром» — обретали смысл.

— Реально хибара, — разглядывая покосившийся, одноэтажный домик, удивился Матфей.

— А то ж! — приосанился Егорушка.

Передняя часть халупы заваливалась вправо, а задняя влево. Окна сзади были затянуты полиэтиленом или заколочены, а спереди, поблескивали пластиковой чистотой. И на этой развалюхе висела новенькая железная дверь, под тяжестью которой прогнувшиеся стены клонило книзу. У людей дачные домишки были краше.

Отхватив себе немалый, кое-как огороженный участок, избушка нагло устроилась среди высоток и ТЦ в самом центре города. Участок этот вместе с хибарой можно было хорошо продать и купить нормальную квартиру. Обычно застройщики таким хозяевам, гробящим их золотую жилу, выбора не оставляли — или продаешь или хаваешь дерьмо грязных методов выселения.

— Чай у меня — вкуснотища! Мы с Болтиком сами летом в лес гоняем за травками, — погладив выбежавшую им навстречу дворнягу, похвалился старик. — У нас знаешь, какие травы есть? Иван-чай, душица, шиповник, мята... Магазиновые да заморские рядом с ними и близко не стояли!

В доме было холоднее, чем на улице, старик, кряхтя, растопил новенькую буржуйку. И стал готовить чай. Кухня и спальня находились в одной комнате. Из неё вела дверь в нежилую часть дома, которая служила старику подсобкой, там кудахтали куры.

Матфей разулся, поставив вымокшие кроссы поближе к печке.

Внутри обстановка была не менее противоречивой и убогой, чем вид избушки снаружи. Новое перемешалось со старым.

Матфей сел в предложенное ему допотопное кресло, но тут же вскочил — в пятую точку вонзилась пружина. Присел с краешку. Собака устроилась рядом, положив голову на колени Матфея. Он растеряно потрепал ее, она довольно прикрыла глаза.

Зато у кресла, по которому давно тосковала помойка, стоял новенький стеклянный столик, а на нем лежал журнал «Cosmopolitan», служивший, как оказалось, подставкой для кружек.

Старик подал чай, печеньки, варенье и устроился в кресле поновее, напротив Матфея.

— Что мне делать? — хмуро спросил Матфей, осторожно отпил из кружки расхваленный Егорушкой чай. По телу разлились тепло и покой.

— А я ж почему знаю? — пожал плечиками Егорушка, гаденько прихлебывая из блюдца.

— А что вы знаете?

— Что ничего не знаю.

— Это демагогия, — заметил Матфей, делая еще глоток и обжигая по неосторожности язык.

— Нет, это во мне Сократ говорит.

Собака перебежала к хозяину и деловито всучила ему лапу. Егорушка достал из кармана кость и кинул её псу.

— Вы мне ничего не объясните, — отставив кружку, понял Матфей.

Беседа начинала грозить ему очередной вспышкой гнева.

— А разве объяснить что-то возможно? — размачивая печенье в чае, округлил глаза Егорушка.

— И что мне, просто смотреть, как мои родные люди погибаются?! — не выдержал Матфей. — Может, тогда лучше было бы меня не спасать от старухи, пусть бы сожрала?!

— Выбирать тебе. Вот только жизнь, она зачастую всегда свое берет. Ты за родных сильно не кипи — оправятся, куда ж им еще деваться? — изрек Егорушка. — Печеньку хочешь?!

— Да идите вы к черту, если вы не сам черт!

— Черти — премилые животные, что обитают в аду, — напомнил Егорушка, откусывая печеньку и помешивая варенье в чае.

Матфей психанул, встал и, поспешно обувшись в еще не просохшие кроссы, направился к выходу.

— Одно скажу тебе: свет рассеивает тьму. Тьма же лишь поглощает свет. — Остановил Матфея Егорушка очередной чушью.

— Да идите вы со своим светом! — отмахнулся Матфей, решительно открывая дверь.

— Слышал, о теории пассионарности Гумилева? Только пассионарии способны генерировать свет из пустоты! — крикнул ему вслед Егорушка.

Собака твякнула, поддакивая хозяину.

— Я не пассионарий! — Матфей шагнул за порог и хлопнул дверью.

— Нет, — согласился, оставшийся наедине с собакой, старик, — ты нечто большее.

Глава 6. Друг в кармане

После того как родители развелись — Матфей с матерью переехали в двушку. Поменяв место жительства, он поменял и школу, и в десятый класс пошел в более сильный лицей возле нового дома.

Первым делом, он поговорил с мамой насчет Ани. Мама от природы жалостливая прониклась сочувствием к девушке, и разрешила ему перевезти ее к ним. Он был так доволен, что нашел, наконец, выход, что спасет её от нищеты и побоев пьяницы-отца, потому и оказался совершенно не готов к ее отказу, да еще такому нелепому.

Надо было заставить, уговорить, убедить... Надо было узнать: «Почему, нет?». Надо было вытащить её. Но Матфея бомбануло.

Они стояли возле кабинета «истории» с плакатами гимна, флага, герба и царя. На середине разговора прозвенел звонок, и школьники с диким ревом повыскакивали в коридор.

— Да, у тебя стокгольмский синдром! Что, нравится, когда тебя лупят?! — чтобы перекричать толпу приходилось орать, но он был уже тогда на пределе и орал с удовольствием. — Ты же так и останешься в этом болоте!

Аня в ответ едва слышно пробормотала:

— Значит, так суждено.

Ему пришлось наклониться к ней, чтобы услышать, от чего она еще сильнее съежилась.

Глаз не поднимала, все теребила в руках книжку из библиотеки. Опять чертов Достоевский. Матфею хотелось сжечь все его книги. И дать ей в руки какой-нибудь любовный роман.

— Значит — нам не по пути! — крикнул он так, что бегущая рядом мелочь поспешно ретировалась подальше.

— Матфей, я не могу... — она упрямо смотрела в пол.

Если бы в глаза ему посмотрела, может и не бесила бы так сильно, а то, как овца какая-то, мямлила и толком объясниться не могла или не хотела. И жалась перед ним — забитая, будто Матфей, как и ее папаша, может поднять на нее руку.

— Аня, я тоже... Я не хочу, чтобы моя девка ходила синяя... — уже спокойней вздохнул он. — Вот моя рука, поехали.

— Прости... — и взгляд свой отяжелевший от капающих слез так и не подняла.

Он же поднимать насильно эти глаза на себя не стал, пусть они смотрят себе в ноги, а не вперед.

— Ты сделала выбор.

Еще надеясь на то, что она одумается, он задержался на пару минут возле неё, разглядывая портрет царя с акульими глазами. Но, нет.

Матфей развернулся и медленно побрел прочь. Не удержался, оглянулся и еще раз окинул ее взглядом, до последнего надеясь, что она посмотрит ему вслед. Но она стояла, скорбно опустив голову, словно статуя, олицетворяющая всех прирожденных жертв, что своими мучениями хотят искупить грехи и пороки всего рода человеческого. Но, упиваясь жалостью к себе, они лишь поощряют тиранию готовностью покорно сносить страдания.

Он ушел. Ушел и выкинул ее из своей жизни. Как-то даже слишком легко выкинул.

Огороженная высоченным забором с колючей проволокой, воинская часть оказалась огромной. Матфей гордо проник в особо охраняемый объект напрямик через КПП, мимо бдительного солдата. И заблудился.

Бесила невозможность даже дорогу спросить. С горем пополам он вспомнил, в какой роте служит Сидор, но это не очень-то помогло. Как внимательно не вглядывался в лица солдат Матфей — в роте никого с рожей Сидора не примечалось.

Он было уже совсем отчаялся, но случайно услышал разговор курящих у урны рядовых.

— Везет Костяну — увольнительную дали.

— Это который тощий, — гнусаво уточнил солдат, стараясь выковырять что-то из зубов кончиком языка, — придурковатый, вечно херню мелет?

— Ага, — гоготнул сослуживец — он самый Сидоров.

— За что такая честь?

— Да я х.з. Дали-то на день, так что он только по городу и успеет пошататься.

Матфей задумался, что ему делать — топать в город или остаться ждать возвращения друга в часть?

Назвать это место городом можно было скорее в память о прошлом. Когда-то под красным небом здесь работали заводы, и проживало много народу. Но небо побелело, заводы закрылись, молодежь уехала за лучшей долей. Город же постепенно состарился и измельчал, так что сократился до населения не больше сорока тысяч. Но даже среди сорока тысяч Матфей вряд ли заметил бы одну тощую задницу Сидора.

Матфей побродил по части. Но уже через пару часов офигел от скукоты. Он воображал себе армию, как показывали по телеку в американских фильмах — муштра, стрельбища, танки. Но вместо всего этого солдаты чистили снег или туалеты, или просто вышагивали по плацу и все! Здесь все, включая офицеров, маялись от безделья.

Матфей поежился, хорошо, что ему служить не довелось. От того, что кому-то здесь пришлось задержаться на целый год, делалось не по себе.

Окончательно устав от единообразия армейской жизни, он пошел погулять по городу. Решив, что, может, ему свезет, и он все-таки наткнется на Сидора, а если нет, то хотя бы глянет на местные достопримечательности.

Вообще вся эта история с увольнительной настораживала. К нему на похороны увольнительную не дали, а пошататься по городу дали. Парадокс системы или Сидор и не пытался приехать с ним попрощаться?

Матфей поплелся в центр города. Маленький, с расколоченными, занесенными дорогами, он представлял собой дикую мешанину стилей. Типовая серая застройка советского периода с вкраплениями новеньких банков и торговых центров. И на один квадратный метр по три пивнушки. Ягодкой на торте было полуразваленное здание с англоязычной вывеской «Hotel».

Старый городок пытался рядиться в новомодную одежду, отчего казался еще более убогим, забытым. Ощущение, как при виде старой поп-звезды, надевающей парик юного певца и показывающей зрителям модный у молодежи фак.

Матфей вышел на центральную площадь к обветшавшему памятнику дедушке Ленину. Посмотреть тут было не на что. Разве что на пацанов, которые месили друг друга в сугробах, ругаясь так, что зекам можно было брать у них уроки ненормативной лексики.

Кто-то заиграл на скрипке и запел, вернее, стал читать рэпчик.

Скрипка. Рэп. Место. Время. Сидор!

Это был Сидор. Его тощая длинная фигура маячила на другой стороне площади.

Костян читал Оксимилона и не плохо так, бодренько. Оксимирон этому городу не шел, и монеток Сидору никто не кидал. Люди, морщась, проходили мимо. Но Сидора это не смущало, он вдохновенно читал «Колыбельную»:

...Утомленные днём, мы поём
Колыбельные для тёмных времён.
Что ещё остается нам, смысл бороться?
Сила тьмы восстаёт со дна...

Сидор пропиликал на скрипке проигрыш. Снова стал читать. Проникновенно так, с затаенной болью. Матфея до костей пробирало. Друг был каким-то не таким. Может, потому что вместо опущенных до плеч волос, у него теперь был ежик, и одет он был в камуфляж?

...Наркота, жандармы варварски винтят подростков.
Ты еще мал, и не подозреваешь,
Как подозреваемых снимают сотни скрытых камер.
Я в не пассионаре, чтобы в каземате прозябать;
Тут, то что назревает называется Концлагерь.
Сгущаю краски, завтра новый бой:
За бабки, территорию, контроль, и каждый — в роли войска.
Вокруг тебя недобрый мир, его террор и боль вся.
С головой укройся, крепко спи, и ничего не бойся...

Матфей, как истинный меломан, любил музыку, и в музыке был всеяден. Но рэп недолюбливал. Новая волна русского рэпа во главе с Оксимилоном захлестнула Костяна. Матфей же наблюдал со стороны слегка настороженно, подсмеиваясь над влюбленностью друга. Альбом «Горгород», который Сидор заслушал до дыр, Матфей оценил не сразу. Отталкивал чрезмерный фанатизм Сидора, что цеплялся с бесконечными: «зацени да зацени».

Оттепель к рэпу все же случилась, и случилась она именно с Оксимилоном. К его альбому Матфей пришел с батлов, к которым пристрастил его Костян. Первый увиденный батл Матфей тоже раскритиковал, заметив, что от того, что они трахают словами матерей и телок друг друга, это не делает их круче. Но с каждым просмотренным «версусом» становилось все интересней. Постепенно оскорбления делались изощренней. Особенно тонкота проявлялась у Оксимилоном. Окончательно Матфей сдался после сравнения соперника с грибком, который прыгает на Марио. Он стал любить смотреть, как дерутся словами. И вслед за Сидором полюбил «Горгород».

К Сидору подъехала тачка — бэха. Из нее вылез бритоголовый здоровяк в облегающем костюмчике по последней моде с коротенькими зауженными штанишками. Этот костюмчик, словно явившемуся из девяностых громиле, шел куда меньше, чем характерная кожаная куртка того времени. В двадцать первом веке амбал имел довольно нелепый вид, но его кулаки были по-прежнему крепкими и тяжелыми.

Кажется, Костяну опять не свезло, и его будут бить долго и больно. А Матфей на сей раз не сможет разделить эту «радость» с другом.

Амбал вразвалочку подошел к Сидору и неожиданно протянул руку. Сидор, ничуть не удивившись такому ошеломительному для Матфея повороту, протянул в ответ свою, с крестиком возле большого пальца. Амбал, увидев крестик, усмехнулся.

— Напоминашка? Я от таких, короче, отказался, а то, короче, ставлю, а потом забуду зачем — мороки больше с этим, короче.

— Не-е, это оберег от нечистой силы, — доверчиво махнул рукой Сидор, зачехляя скрипку.

Вид у друга был смешной. Без волос, Сидор казался совсем уж беззащитным и мелким. Огромная, явно не по размеру солдатская форма, только усиливала это впечатление.

Громила застыл, переваривая инфу, с запозданием улыбнулся. Открыл багажник и, достав оттуда сумку с ноутбуком и бумажный пакет, протянул Костяну.

— Вот, хозяин велел тебе передать, короче. Тут тебе микрофон, камера, ноут и все прочие штучки-дрючки.

— Хорошо.

Костян взял вещи. Амбал вытащил из кармана розовую визитку, уляпанную сердечками и помахал ей перед лицом Сидора.

— Кстати, тут кто-то хотел еще надувную бабу тебе сунуть, но, короче, потом решили, что ради такого дела, короче, ты можешь и эскорт толковый взять, во телефончик местный, но приличный — я проверял, — здоровяк подмигнул. — Все оплатим. На любой вкус, можешь даже групповушку себе устроить.

— Воздержусь, — пробурчал Сидор, с трудом отведя взгляд от визитки.

— А чё боишься, не справишься?

— Нет, просто продажные бабы, они, знаешь ли, пугающие какие-то.

— Чё?!... — наморщил в гармошку свой неандертальский лобик амбал.

— Не хочу болячек подцепить, — подмигнул Сидор, кинув более доходчивый довод.

— Гы, — почему-то затрясся амбал, он трясся до тех пор, пока на глазах не выступили слезы. — Юморист, однако. Ладно, короче — он сунул визитку обратно себе в карман. — Ты набери, там еще телефон тебе передали, перед самым этим того, чтобы он того, был в курсе, короче.

— Боится, что кишка тонка?

— Он не боится, парень, это его бояться. Он любит просто быть в курсах. Ну, короче, ты все понял. Я пошел, а то тут светить, сам понимаешь, еще дела у нас. А, кстати, еще, он своих не забывает, твоей мамке на счет немного уже капнуло, после еще капнет. Можешь проверить, короче.

— Я не поэтому это делаю! — с обидой буркнул Костян.

— Ясно дело не поэтому, у тебя особенное значение какое-то. Ну, все, короче, бай, удачи! Сделаешь, в герои запишут.

Громила сел в бежу и, ударив по газам, умчался куда-то в закат.

Сидор обвешался сумками и, кряхтя, поплелся к «Hotel'ю».

Тетка на ресепшене с татуированными синими бровями вопросительно подняла на Сидора эти самые брови, от чего вид у нее стал устрашающий. Сидор сказал, что у него бронь. Тетка, оттаяв, улынулась в духе: «И тебя вылечим» и дала ключ.

Сидор шел к номеру очень медленно. Нехотя шел, даже пару раз оступился, бубня матерные словечки под нос.

Матфею не хотелось, чтобы Костян заходил в этот номер, ему чудилось, что это как в

фильме «1408», и там Костяна поджидала хрен знает какая чертовщина. Сидору нельзя было туда заходить.

— Во что ты опять вляпался?! — вопрошал Матфей, угрюмой тенью следуя за другом.

— Кажись, я влип, Матан, — вдруг в строчку, вздохнул Костян.

Остановившись перед дверью своего номера, он вставил ключ.

— Так не заходи туда, дебил! — что есть силы, заорал Матфей.

Но замок щелкнул.

Во рту Матфея пересохло. Он схватил дверную ручку и что есть силы потянул на себя, но это не помогло. Сидор легко преодолел сопротивление, даже не почувствовав его, открыл дверь и шагнул за порог.

Матфей осторожно ступил следом.

Комната оказалась пустой и безобидной. В ней даже было уютно и чистенько.

Сидор бросил сумку и бумажный пакет на кровать и подошел к окну. Постоял, напряженно всматриваясь в улицу. Матфей тоже посмотрел.

За окном парочка со своим выводком лепили колобки из снега. Вид у них был счастливый, даже одухотворенный какой-то. Вскоре снег ожил улыбчивым снеговиком. Мелкая девчушка напоследок обняла здорового добряка с морковкой и скрылась в подъезде вместе с родителями.

Сидор задернул шторку. Комната погрузилась в полумрак. Обвел номер глазами. Задумался. Подошел к столику и подвинул его ближе к окну. Постоял, посмотрел и передвинул обратно к стене. Открыл сумку, достал ноутбук. Тоненький, с яблоком на крышке, петличку, камеру прицепил к монитору.

Слишком хорошее оснащение, значит ситуация была действительно плохой.

Словно в подтверждение Сидор развернул бумажный пакет, достав из него пистолет. В руках Сидора пистолет выглядел чужеродно, нелепо. Он положил его на стол рядом с включенным ноутбуком. Вытер вспотевшие руки об армейские штаны. Достал телефон и набрал кому-то.

— Это я... Я, я не уверен, в общем-то... Я понимаю, но... Я понимаю... А ты уверен что сработает?.. Ладно-ладно, я сделаю... А что помешает заблокировать видео?.. Чё реально у нас такие мощные хакеры есть?! Ну, да, всех они не заблокируют, но... Ладно-ладно. Да, я понял тебя. Да, я готов! Ладно...

Он нажал отбой. Зло швырнул телефон об стену. Экран пошел трещинами, но Сидору показалось этого мало, он стал усиленно топтать устройство, пока не раздавил на запчасти. Запыхавшись, он сел на кровать и долго, не мигая, смотрел на обломки.

Поднялся. Стрел осколки и, выйдя в туалет, стал смывать их в унитаз. Одна запчасть смываться не хотела. Он попытался разломить ее ершиком, но безрезультатно. Полез руками в унитаз и, достав её, зло разворотил руками. Наконец телефон отправился в сточную канаву.

Потом Сидор долго мыл руки. Посмотрел в зеркало над раковиной и умылся. Еще раз посмотрел и начал стягивать одежду.

Матфей выскочил из ванной и стал дожидаться друга в комнате, нервно меряя ее шагами, он пытался сообразить, что взбрело в дурную голову Сидора.

Через 15 минут Сидор вернулся в комнату уже одетый, но с влажным ежиком и полотенцем на плечах.

Решительно выдвинул столик чуть вперед, а к стене подставил стул. Скинул полотенце с плеч и повесил его на спинку стула.

Подошел к окну, не раздвигая штору, выглянул в щелку.

Во дворе компания подростков яростно месила снеговика, оставляя от улыбающегося добряка лишь комки грязи.

— «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всяческой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!», — шепотом процитировал любимого Бакунина Сидор.

Матфей поежился. Этот тон, совсем не как у Сидора — слишком серьезный и грустный. Но Сидору как будто этого было мало и он, отодвинув штору, стал дышать на стекло и выписывать эту цитату на запотевшем участке.

Задёрнув штору, сел на стул, покрутился, взял в руку пистолет, помахал им у себя перед носом, опять положил на стол. Забубнил себе под нос:

— «Революционер — человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. (...) Он каждый день должен быть готов к смерти»[1].

Это цитата из Катехизиса, который как-то читал ему восторженный Сидор. Матфей тогда посоветовал ему лучше полистать Достоевского и его «Бесов», где тот показал всю ничтожность людишек, вроде автора этого катехизиса — Нечаева. У Матфея против этого радикализма была прививка, а у Сидора, видимо, нет.

Сидор, продолжая бубнить всю эту чушь, открыл ютуб жмякнул прямую трансляцию, а ссылку кинул на канал «Молодость не молчит», на экране появилось его бледное лицо. Прочистил горло и начал тихо, вкрадчиво:

— Я такой же, как вы — обычный парень. Я не хотел этого. Я хотел бы жить своей жизнью. Хотел бы быть счастливым, любить, надеяться, бороться... Но у меня украли шанс на полноценную жизнь, как у всех граждан этой страны. Как у всего нашего поколения и поколений после нас. Они отняли у нас свободу и будущее. Мы живем прошлым — кругом застой и безнадега, кредиты и ипотеки, наркомания и алкоголизм... Я такой же, как и вы, я не хочу лезть в политические дела и играть в их грязные игры. Мне плевать, как живут люди на западе и в Америке. Мне плевать на Майдан. Мне хочется жить здесь и сейчас... Просто жить и быть счастливым... И только поэтому власть поставит на мне клеймо предателя, шпиона, экстремиста.

Он замолчал, опустил голову, внимательно изучая свои ладони, потом вновь посмотрел в камеру. Во взгляде, твердость и фанатический блеск.

— Мы можем не интересоваться политикой, но политики всегда будет интересоваться нами. Потому что каждый человек — это дойная корова. Каждый человек источник их доходов. Мы живем для того, чтобы обеспечивать их: яхтами, шлюхами, виллами, личными самолетами, золотыми унитазами... Рабство все еще существует, господа, просто научно-технический прогресс слегка облегчил наши жалкие жизни. Если вы думаете иначе, то посчитайте, сколько времени вы проводите на работе? Очень сомневаюсь, что кто-то насчитает восемь часов. У моей мамы двенадцать, а порой и дольше, а если прибавить к этому время на проезд по нашим «шикарным дорогам»... Но мы все равно не можем сделать моей больной сестре операцию, чтобы она жила полноценной жизнью...

Голос Сидора дрогнул. Он замолчал. Это было трогательно. У сестры Сидора был врожденный дефект, который сильно изуродовал ей лицо. Хорошие операции, которые свели бы уродство к минимуму, можно было сделать только за большие деньги.

— Власть вендиго — вечно голодные чудовища, и чем больше они пьют нашу кровь, тем голоднее и жаднее они становятся. А когда наши тела высыхают и делаются немощными — нас списывают. Наше будущее разворовали и кругом лишь отчаяние и война. Война уже здесь, на востоке Украины, в Сирии — мы воюем — не надо обманываться. Просто это не популярные войны, о них предпочитают много не говорить. Мы продаем оружие африканским диктаторам, это с нашими калашами бегают чернокожие дети. Вендиго никогда не насытится, сколько бы оно не сожрало наших судеб. Кругом лишь страх, боль, нищета, они пируют на наших костях! А мы? Что же мы?!

Речь Сидора звучала все уверенней, становилась все проникновенней, все убедительней. Даже его картавость прибавляла скорее харизму и живость, не вызывая при этом привычной реакции поулыбаться. Ярость и боль перемешивались во что-то очень сильное, фанатичное и искреннее.

— Мы молчим и терпим, потому что боимся. Уходим на самое дно, чтобы забыться от жуткой реальности, кто как умеет: курим, пьем, колемся или берем ипотеку и пашем по 24 часа в сутки. Это послание ненасытной, отжившей свое власти. Молодость больше не молчит! Я не буду вашим топливом! Вашим ресурсом! Вашей пищей! Я не буду тешить вас своим бессилием что-то изменить! Я выбираю будущее без вас! За это стоит умереть — за свободу и независимость! Я уйду к своему другу Матфею Журавлеву — бунтарю, анархисту и прекрасному художнику! Призываю армию молодых последовать за мной и разгромить этих вендиго! Чтобы дать шанс на будущее этому миру!

Сидор включил песню Грот: «Ой, чем богаты, прими, домовой, В наши двери пусть горе не стучится. Ой, голодать нам уже не впервой, Были бы накормлены мифы-небылицы».

— Вы не оставили нам другого выхода! — прошептал он.

В руках у Сидора появился пистолет, он засунул дуло в рот и, глядя в камеру, спустил курок.

Раздался грохот.

Матфей вздрогнул. Медленно осел на кровать, растерянно смотря на окровавленную стену. Он никак не мог сообразить, что сейчас такое случилось.

«Если выдумать врага плохого и вечного, То мы охотнее покупаем дорогую гречку. «Нас окружили» — звучат новости на кухне, — «Но если мы затянем пояса, то запад рухнет»».

Он сидел и слушал, ту самую песню, которую недавно кидал Сидору во ВКонтакте. Ту самую песню...

«Коалиция мясистых господ Уполномоченных, почти как господь. Чернь приветствует, рты широко разинув, По ту сторону пропасти вышедших из машины».

Вдруг повисла оглушительная тишина, через которую в уши ворвался пронзительный вой. Вой такой жуткий, что из глаз покатались слезы. А потом Матфей понял, что воет он сам.

— Эй, ты чего? — знакомый голос.

Матфей поднял глаза перед ним стоял Сидор. Он перевел взгляд на его мертвое тело, на пятно на стене от разлетевшейся головы. Отныне в тестах Рокшаха, в каждой карточке, он будет узнавать этот вид вышибленных мозгов своего безголового друга.

Вскочил и схватил друга за грудки. Замахнулся, чтобы врезать, но на полпути остановился и заорал:

— Ты debil?! Нахера ты эту херню сделал?!

Сидор пораженно хлопал глазами.

— А ты не понимаешь? — искренне удивился он.

— Это же чушь собачья!

— Вовсе не чушь! Отпусти! — Сидор дернулся, но пальцы Матфея вцепились мертвой хваткой. — Чего ты?!

Злость прошла и навалилась дикая усталость. Матфей отпустил Сидора и снова сел на кровать.

— Значит, я все... Типа, умер, да?... — энтузиазм Сидора по этому поводу добивал.

— Обернись и увидишь свои мозги на стене, — раздраженно буркнул Матфей. — Их на удивление многовато для твоей пустой башки.

— Воздержусь, пожалуй, — поморщился Сидор. — А ты чё, типа мой проводник? А чё такой сердитый-то?

— Ты debil, Сидор? — еще раз поинтересовался Матфей.

— Ты разве не понимаешь? У нас нет выбора! Мы должны бороться! Иначе вендиго уничтожат все, включая планету! Я лучше умру, чем буду жить в постоянном страхе!

— Неужели ты действительно хочешь революцию? — попытался воззвать к голосу разума Матфей. — Сколько людей погибнет. Ради чего?! Революция всегда поедает своих детей!

— Именно поэтому я это сделал, — Сидор стал вышагивать взад-вперед перед Матфеем, он так странно чеканил шаг, будто маленький генерал перед своим войском. — Мы должны пойти на эти жертвы! Мы должны победить вендиго любой ценой! Остановить это безумие! Ради будущего! Ради анархии! Ради свободы!

— А как же непотивление злу насилием?

— Так это оно и есть! Умрут только истинные революционеры, но истинные революционеры не умрут, — возбужденно продолжал тараторить Сидор. — Они останутся в истории, как те, кто спас мир. Это будет проявление свободы в чистом виде! Это именно те методы Махатма Ганди, которыми мы вместе с тобой восхищались. Да что с тобой, бро?!

Матфей внимательно взгляделся в Сидора, так, будто впервые увидел. Он изменился, Матфей не знал того, кто мельтешил перед ним и вместе с тем знал. Очень хорошо знал, до боли знал. Кто-то крепко накрепко завинтил в него всю эту чушь, неужели это сделал сам Матфей?

— Ты обрек некоторых пацанов на глупую смерть, — попытался он донести еще раз, — которая ничего не даст. Да, пофиг на вендиго, пофиг на власть. Жизнь целая жизнь в обмен на что?! Ты украл чьи-то жизни. И свою жизнь тоже украл.

— Нет, не я, а они! Как ты не понимаешь, как не понимаешь?! Борьбы без жертв не бывает.

— Значит и не нужно бороться!

— Пока мы боремся — мы живы! — гордо выправился Сидор.

— То-то я смотрю на то, какой ты живой!

В нос ударил трупный запах, мешающийся с мускусом сирени. Сделалось ощутимо холоднее. Время разжижилось и потекло гораздо медленнее.

Матфей повернул голову и увидел проявляющийся черный силуэт.

— Время смерти, — прошептал он.

— Чего?! — непонимающе захлопал глазами Сидор.

Матфей поднял руку и указал на старуху. Сидор посмотрел в ту же сторону.

— Я ничего не вижу. Но знаешь, чувствую себя как-то погано. Что это со мной?!

— Ты весь светишься... алым...

Смерть угрюмой тенью нависла над ними, Сидор стал съеживаться, пока не обратился в маленькую красную частицу размером с бильярдный шар, что повисла на уровне глаз. Старуха выставила руку вперед, желая схватить то, что осталось от Сидора.

Матфей не мог ей позволить засунуть в свою жадную пасть друга. Преодолевая ужас, он выхватил шарик из лап смерти, сунул в карман и помчался прочь.

Он бежал. Как можно дальше. Пока не очутился на вокзале. Затравленно огляделся. Вроде бы старухи нигде не было. Он сел, пытаясь сообразить, что делать дальше.

— Ты в курсе, что у тебя в кармане какая-то помойка?! Мне тут неуютно. Фу, ты вообще что ли отсюда ничего не выбрасываешь? Крошки колются!

Матфей достал Сидора из кармана.

— Я только что спас тебя от какой-то херни!

— Великий революционер не может таскаться с кем попало в кармане!

— Революционер может и не может, а дебил вроде тебя — легко.

— Ты постоянно меня недооцениваешь. Наши имена навеки вписаны в историю.

— Вот меня ты спросил?! Я в эту историю с твоей разmozженной черепушкой вообще вписываться не хочу!

— Матан, ты недооцениваешь. Я провел исследования. Это сработает.

— Если сработает так еще хуже! Ты представляешь, сколько мальчишек и девчонок погибли?! Их кровь будет на тебе и на мне по твоей милости! Я только надеюсь, что ты один такой дебил.

— Я не один! А как жить нам молодым в этом старом мире? Старом, изношенном имми мире, который скоро умрет вместе со стариками. Или ты ослеп как все эти оптимистические идиоты. Мы умрем! Мы умрем в любом случае! Мы умрем от рук старперов, которые отжив свой век, желают самоутвердиться напоследок, пультнув ядерной ракеткой в людей! Они не дают нам шанса. Шанса на построение нового мира! И новое умирает, а старое живет. Так пусть тогда они видят, как умирает новое — им нужно это показать!

— Ты видел мою маму, после моей смерти? Ты хочешь обречь на такое тысячи матерей?!

— Не я обрекаю, как ты не поймешь?! Не я, а они! Те, кто играют в войнушку! Они...

— Ты что так и будешь жужжать мне в уши эту хирабору?!

— Хоть какая-то озвучка у тебя в мозгах появится!

— Где у тебя в том шарике, которым ты сейчас стал, рот, чтобы его заткнуть?!

— Врешь, не найдешь!

— Значит, придется тебя выкинуть, тем более предлагаемые апартаменты тебе все равно пришлись не по душе.

Матфей кинул огонек на снег и сделал вид, что уходит. Из-за спины послышался вопль.

Матфей ожидал, конечно, что Сидор сразу переменит свое настроение и начнет канючить. Бросать его здесь он не собирался, просто хотел проучить. Но такой бурной реакции не предвидел:

— АААА! Матан! Меня затягивает!!!

Он повернулся. Снег вокруг огонька с шипением плавился, оголив скелет черной почвы. Сидора быстро втягивало в землю. Когда Матфей подбежал, друг увяз больше, чем наполовину в грязи.

Матфей схватил огонек, но тот был маленький, и держать его было не за что. А земля тянула к себе с нехилой силой. И как Матфей не пыжился, шарик стремительно затягивало вместе с рукой все глубже.

Неожиданно из плотной завесы туч и облаков пробился луч солнца. Тяга ослабла, и Матфей рухнул на снег, сжимая теплый огонек.

Он лежал, пытаясь отдышаться, и смотрел ввысь. Стал размышлять о том, как небо делает это — дарит людям чудо каждый день. Завораживая своей красотой, оно делилось пополам голубой лентой. По одну сторону залегли черные тучи, по другую рыхлой белизной развалились облака. Облака стремились в объятия туч, тучи стремились поглотить облака. Под их натиском голубая граница медленно растворялась. Наконец белизна и чернота закружились в объятиях серого слияния. У веселой лазури больше не осталось шансов пробить в их мрачном единении брешь.

Сидор молчал.

— Что молчишь?

— Меня чуть не утянуло в ад! Чего говорить?!

— А что ты хотел? Ты же самоубился?

Опять повисла тишина. И через нее испуганно:

— Они со мной говорили, Матфей.

— Кто? — напряженно выдавил Матфей.

— Голоса из земли.

— И что тебе сказали голоса? — пытаюсь спрятать страх за насмешкой, поинтересовался Матфей.

— Что ты имбецил, — обиженно буркнул Сидор.

— Это я и без голосов знаю. — Матфей поднялся с земли. Отряхнул налипший снег. — Пойдем на поезд. Свалим к морю. Всегда хотел посмотреть Балканы. Чертов исторический пороховой погребок.

— Я тоже хочу глянуть, — печально вздохнул Сидор. — Но... Не, не свалим Матан, тебе домой нужно.

— И что мне там делать?

— А я откуда могу знать?

— А хочешь, я тебя сейчас в деревню к тете Люде отвезу, посмотришь, как твоя мама смотрит твое грёбанное видео?! — разозлился Матфей. — Понаблюдаешь, как она будет рыдать над твоим гробом. Откуда ты вообще придумал такую фигню?! По любому же кто-то надоумил!

— Отвали Матфей! Я сам все решил! Ясно?

— А кто придумал? Когда решил?! И с кем ты тогда по телефону базарил перед этим? И откуда этот тупоголовый амбал, что притащил все эти погремушки? Я все слышал!

— Тебя это не касается!

— Ну, и тебя тогда не касается, куда я поеду!

— Они сказали!..

— Мне посрать!

Матфей подумал, что лучше было бы полететь на самолете. Но для этого нужно ехать в крупный город, где самолеты летают.

Он решил заскочить наобум в первый попавшийся поезд. Так и сделал, на ходу прыгнул в приглянувшийся отъезжающий состав.

Поезд по иронии шел домой.

Матфей помешивал чай в стакане в красивой металлической подставке. Размышлял, что даже хорошо, что домой забежит, попрощается с мамой и Аней и свалит. Хотя какая-то часть его говорила, что видел он уже более чем достаточно, и лучше сесть на самолет сразу, чтобы не увидеть что-нибудь такое, что добьет его окончательно. Матфей чувствовал, что он на грани и из равновесия его может вышибить любая мелочь.

Сидор в кармане как-то уж слишком долго молчал. Пожалуй, так долго он никогда не молчал, и Матфея это начинало тревожить, поэтому пришлось сдаваться первому.

— Чего заткнулся? — буркнул Матфей.

Сидор упорно молчал, так что Матфей испугался, что он положил его мимо кармана или просто обронил. Он засунул руку в карман и, нащупав там огонек, облегченно вздохнул.

— Чего ты меня щупаешь и при этом громко дышишь? — возмутился Сидор. — Извращенец.

— А почему ты от шлюх отказался? — спросил Матфей, хлебнул из кружки, и поморщился — чай оказался слишком горячим.

— Не твое дело.

— Нет, серьезно, Сидор, ты, может, сам голубок?

— Я просто решил, что девственнику в рай попасть будет проще, — грустно ответил он.

Матфей понял, что верит в это самое нелепейшее из объяснений на свете, верит, потому что в этом была заключена вся суть Сидора, вся его придурковатая суть.

[1] С. Нечаев «Катехизис революционера»

Глава 7. Огонь революции (часть 1)

Всё! Разрушительные процессы успешно запущены. Пустоголовые дрова загораются по его щелчку. По щелчку они бросаются в нарождающийся огонь революции. Яростный, разрушительный огонь зашелся, охватив всю страну, и скоро перекинется на весь мир!

«...Среди молодежи продолжают усиливаться радикальные настроения. Во избежание дальнейших жертв — власти приняли решение о запрете YouTube канала на территории страны....

...Сегодня президент выразил свои соболезнования родителям жертв террористического заговора, осуществляемого с единственной целью — подорвать целостность и благополучие нашего государства...

...Также с просьбой к народу оставаться дома и не участвовать в беспорядках обратились к гражданам многие российские звезды...

...Напоминаем, что во «Флешмобе самоубийц» по всей стране погибло двести тридцать семь молодых людей...» [1] .

Илья ухмыльнулся. Как же наша власть предсказуема. Даже играть скучно. Они и не думали, что их побьют их же оружием. Пора переходить ко второму этапу.

Он не сомневался в успехе. Мир давно был обречен погрузиться в хаос. Илья просчитал все ошибки, учитывая минимальные погрешности, прошлых революций. За идеал он брал Великую Французскую, а за образец февральскую и октябрьский переворот.

Большевики были ближе всего. Жаль, что они, получив крохи власти, удовлетворились революцией в отдельно взятой стране. А ведь изначально хотели замутить мировую революцию, но заробели и этим предали идею всеобщей коммуны — анархию. Поджав хвосты, затрусили к пресловутому порядку. От того так бесславно и сгнули, раздавленные каблуком капиталистического порядка в пыль.

Они не поняли, что основа всего есть хаос. Они испугались его мощи. Но в этот раз все будет иначе.

Муравейник зашевелился, гудя новостями. Улицы оживали.

Работы становилось все больше.

Отличным инструментом в борьбе против сложившегося порядка служил Интернет. Революционеры внедрялись в друзья, разжигая холивары, подстрекая на протесты и суициды. Это было просто — поводов для злости и гнева у молодежи хватало. Геронтократия сама играла на руку будущей революции, пытаясь закручивать гайки, не чувствуя, что вся система давно взорвалась.

Единственное, что напрягало — приближение Нового года. Этот праздник самое неудачное время для революций, и сейчас был выбор: либо хорошенько поднажать, либо уйти в затишье до февраля. Февраль идеален, но волна подъема и негодования к тому времени скорее всего схлынет.

После беговой дорожки в личном тренажерном зале Илья принял душ. Он четко тренился каждое утро — это позволяло лучше думать и больнее бить. Но резкий запах пота и липкая кожа настолько выводили его из себя, что он никогда не мог продержаться больше часа.

Мылся долго, скрупулезно очищая губкой и скрабами каждый сантиметр своего идеального тела. Затем промокнул остатки влаги белым полотенцем и тщательно увлажнил

кожу кремом.

Закончив, накинул халат и пошел на кухню. Он всегда завтракал — даже, когда просыпался в обед.

Проходя через гостиную, Илья едва не уронил прислоненную к стулу огромную картину. Видимо её не успели повесить или, что вероятней, не нашли для нее места. В квартире уже все стены, разумеется, кроме его половины, были завешаны этой бездарной мазней. С каким удовольствием он бы выкинул весь этот хлам. Может, определить мать в лечебницу? На его взгляд её увлечение давно уже попахивало силлогоманией. Чем не повод взять над ней опеку и получить прямой доступ к счетам?

Решив попозже обдумать этот план действий, Илья остановился, разглядывая очередную причуду матери. От столкновения обнаженная цветастая телка, перемотанная грязно-серыми нитками, заколыхалась на полотне. Илья всмотрелся в подпись внизу — «М.Ж.», что-то эти инициалы напомнили. Порылся в своих файлах — ничего сопоставить не удалось.

— Это работа молодого художника, — хрипло раздалось за спиной, — он недавно умер от рака.

Илья развернулся на звук. Мать сидела в оранжевом, экспрессивном кресле, уставившись пустыми, красными глазами на ту самую картину. По всей видимости, не спала всю ночь. На стеклянном столике нож для вскрытия конвертов и порошок. Нюхать кокс давно вошло у нее в привычку.

— На это даже не встанет, — заметил Илья, брезгливо указывая носком на телку. — Пустая трата бабла.

— Я купила её за копейки. Это искусство! Когда-нибудь его оценят, — голос матери звучал слабо, но назидательно. Она наклонилась вперед, всматриваясь в сына, и снова обессиленно откинулась в кресло.

— Бесплезная дичь. Суть искусства еще в 20 веке выразил Марсель Дюшан, когда писсуар — вещь функциональную, назвав «Фонтаном», показал на художественной выставке. Челюки вроде тебя навьискивали там смыслы, тогда как смысл лишь в том, что его нет. Рили же, голодный чел предпочтет настоящее яблоко нарисованному.

— Искусство не математика, Илья! Его не нужно понимать. Искусство чувствуют, созерцают, осмысливают. Если у людей в душе и мозгах дерьмо, то, да, и писсуар для них искусство! Картины — это диалог с автором. Но тебе не понять, — махнула она рукой.

— Кек, — пожал плечами Илья, — мне это и не надо.

Он поглядел на часы «Omega» и, отметив, что опаздывает с приемом пищи, двинулся на кухню.

Мать вскочила с кресла. Запнувшись, налетела на раритетный стеклянный столик. Каким-то чудом ей удалось сохранить равновесие, а вот столик упал и разлетелся по паркету. Она пару мгновений смотрела на поблескивающие осколки. Прошипела ругательства и, прошагав босыми ступнями прямо по стеклу, преградила Илье путь.

— Скажи мне лучше вот что, щенок: как на твоём счете мифическим образом появилась такая космическая сумма?! — Илья моргнул, не ожидая такой резкой перемены настроения. — Откуда деньги?!

Мать взяла его за грудки и зло трянула. Казалось, весь гнев, который скопился в ней за долгие годы, вырвался наружу. Илья видел, на что способны люди в припадке таких эмоций. И решил, что с организацией психушки нужно поспешить.

— Нашел спонсоров в Европе на благое дело, — расцепляя пальцы матери, пытался

высвободиться Илья. Но в её слабых руках оказалось поразительно много силы.

— Куда ты опять вляпался?! — не разжимая хватку, наступала мать. Её бледное лицо пошло красными пятнами.

— Рили, хочешь знать, чем занимаюсь или это риторический вопрос? — обреченно пошел он на контакт, понимая, что, чем быстрее расскажет, что она хочет, тем быстрее сможет заняться своими делами, а заодно и решить проблему с матерью окончательно.

— Отвечай! — она отпустила его и прислонилась лбом к одной из картин, пытаясь успокоиться, дрожащими пальцами обвела контуры нарисованной лисы, повторила спокойней: — Отвечай мне, Илья.

— Да, изи. Меня не устраивает порядок, в котором приходится существовать. Я хочу его разрушить. Затем и ездил в Европу, вспомнил уроки истории, — оправляя халат, пояснил Илья. — Легковерные европейцы раскошелились на революцию. Они наивно полагают, что их это не коснется.

Она повернулась к Илье и опять взгляделась в сына. Потом истерично рассмеялась. Она смеялась, пока из глаз не брызнули слезы. Сквозь смех с трудом выдавила:

— У тебя появилось чувство юмора?

— Нет, чувств у меня не появилось.

Веселье резко сползло с ее лица. Она, заложив руки за спину, покачиваясь и собирая на своем пути все углы, дезориентировано стала ходить взад-вперед по гостиной.

Илья, поняв, что беседа затянется, плюхнулся на диван и уткнулся взглядом в пол, разглядывая осколки стола. Осколки, напоминали льдины. Одна часть Ильи наслаждалась беспорядком, а вторая срочно хотела упорядочить все.

— Один философ считал, — задумчиво начала мать, убирая за ухо засаленную прядь, — что безграничное начало всего и причина возникновения мира — неправильность, а распад мира — это возвращение к правильности.

— О, знаешь, он был вполне себе прав, мама, — криво усмехнулся Илья.

Она сглотнула ком и попятилась, споткнулась, упала, прошептала:

— Ты болен...

— А у тебя нарушена координация, — пожал плечами Илья.

— Ютуб собираются закрыть, — забормотала она, сидя на полу, вся обратившись в мыслительный процесс, пока на лице не отобразилось понимание. — Ты вовсе не шутишь о революции. Ты разрушаешь не только мою жизнь. Тебе это идет.

Илья устал бесполезно тратить свое время. Но чутье подсказывало, что это не дежурная разборка полетов.

— Да, я похож на отца — мне все пойдет, — вернул он матери её вечное изречение.

— Нет. Только внешностью. Твой отец, он другой — добрый, милый — он ангел. А у тебя совсем иная суть, — она подползла к разбитому столу и стала сгребать осколки в кучу. В её движениях наблюдалась суета и бестолковость.

— Ты закончила? — с интересом разглядывая свои ногти, спросил он. Кутикула отросла, нужно было записаться к мастеру. — Если мой отец ангел, может, тебе пора в его ангельскую обитель?

— Я много думала о смерти. Мы боимся смерти, потому что боимся отстать, не доувидеть жизнь. Но я... Я боюсь жить в одном мире с тобой, — рука ее нащупала нож, отлетевший к противоположному креслу. — Я могу только догадываться, что ты есть такое. Тот мир, который я знаю, обречен. А я не хочу жить в незнакомом пустом мире, который

создашь вокруг себя ты.

Она уставилась на тонкое лезвие ножа. Потом перевела взгляд на картину с женщиной, оплетенную гнилыми нитями. Потом снова на нож. Поднялась, подошла к картине и быстро стала разрезать серую гниль. Нитки с треском падали на пол.

— Ну, вот и все — она теперь свободна, — забормотала мать. В полотне на месте входа ниток остались маленькие дырочки.

— Я устал тратить свое время на твои истерики, — раздраженно заметил Илья. — И склонность драматизировать тебе не идет, с каждым разом твои разговоры все бестолковей. Может, ты перестанешь нюхать? Или в психушку захотела? Это легко можно устроить.

Она повернулась к Илье, заулыбалась ему. Вздогнула всем телом. Улыбка сменилась гримасой ужаса. Она навела на него нож и, указывая острым концом ему в лицо, заговорила:

— Ты научил меня правильно подводить черту. Помнишь, когда увидел заклеенные пластырем запястья, ты сказал, что резаться нужно не поперек, а вдоль руки, вот так, — она вытянула вперед руку и провела по венам, выступила кровь. — Ты знаешь, что я теперь займу совсем немного твоего времени. Скоро я уйду.

— Камон, я не стану тебя спасать, не старайся.

— Мне совсем не страшно. Страшно было жить здесь с тобой, а умирать не страшно. Что с тобой случилось, Илюша? Я помню, малышом — ты был моим малышом. Кто украл у меня сына? За что? Ты можешь мне ответить? — она провела еще одну линию по венам и уселась вновь на пол.

— Что ты хочешь услышать? — лицо его дрогнуло, тело напряглось, будто в нем пыталась выправиться какая-то пружина, он подался вперед. — Ты скоро умрешь, если не поможешь себе сама.

Еще надрез. Она легла, подогнув под себя колени, с руки стекала кровь. На тонком запястье поблескивал браслет с крестиком от любимого бренда «Пандоры».

— Я тебя так ждала. Прощальный подарок от Миши. Мне так жаль моего сыночка, который умер малышом. Его, забрали у меня. Ты — что-то чужое.... Но ты хоть немного любил меня, Илья?..

— Нет.

Она затихла. Илья подошел к ней.

— Нет, я не любил. А твой сын, кажется, очень...

Илья взял руку матери, нащупал пульс — он едва угадывался, рука совсем холодная. Еще час, и она будет готова. Это случилось вовремя.

— Мне это подходит, — прошептал он сам в себя.

Тело неестественно дернулось, он засмеялся. И вновь вернул себе отсутствующее выражение.

— Так ты еще не дергался, хорошая попытка. Но ты проиграл. И хватит ныть, — снова обратился он сам к себе и, насвистывая, пошел на кухню завтракать.

В универ он уже не успеет, а дальше у него была запланирована встреча...

Вечером нужно вернуться и вызвать скорую с ментами.

Он позавтракал. Встал у зеркала.

Надо потренировать «эмоции горя». Гимнастику Илья делал каждый день и не первый год. Мышечная память срабатывала не всегда правильно, приходилось еще и следить за реакцией окружающих, но все же лучше, чем ничего.

Изображать горе у него получалось хуже всего. А ему сейчас подозрения ментов ни к

чему. Он и так на карандаше Птичкина. Привязался и все копает, как крот ....

Илья взял телефон и открыл фотку с увеличенным лицом какого-то парня, внимательно изучил мимику и попытался скопировать трагичное выражение. И еще, и еще раз. Пока у него не получилось достаточно достоверно. Листнул, появилась следующая картинка: «Эмоция радости». Она не пригодится. Листнул дальше... А вот «сочувствие» можно и потренировать...

Эмоции — самый действенный инструмент, с помощью которого легче всего управлять людьми. Как только он понял, на что способна демонстрация нужных эмоций, он стал учиться их показывать. Теперь он мог поставить себе за это галочку — он может манипулировать кем угодно, а им манипулировать не может никто.

***

Декабрь наматывал счетчик последних дней года. Перевалило за десятые числа. Аня вгрызалась в каждый час будней: работала, училась, работала.

За быстробежностью дел не усмотреть спиц колеса, которое крутила жизнь. Мыслей по этому поводу не возникало. Да и не надо. Все растворилось вместе с мечтами, вместе с чувствами в поэтапных задачах, что приходилось решать, как в квесте или игре, где Матфей проходил свои миссии. Временами казалось, что у нее вообще не осталось способностей к эмоциям, и она вполне может сойти за андроида.

Сегодня на карточку пришла стипендия. Но толку от этого было мало. Деньги списали в счет долга за квартиру. Вот только ее жалкая стипендия была лишь каплей в море огромного долга, что накопился за много лет, пока ни стипендии, ни работы у Ани не было. Но эта капля и спасала их от отключения воды, света и дальнейшего выселения на помойку?

Трудней всего обстояли дела с зарплатой, ее банки тоже горячились списать в счет уплаты за коммуналку или за многочисленные кредиты отца.

Ане никак нельзя было, чтобы зарплату списывали. Пришлось договориться в бухгалтерии, чтобы платили наличными. Тетки долго не соглашались, Аня просила, уговаривала и даже плакала — этот механизм изъятия заработка уже стоил ей и близким одного полуголодного месяца.

Аня все время спрашивала себя: насколько правомерно банкам отбирать деньги по собственному усмотрению и желанию? Однако сколько не задавайся вопросами, в век капитализма власть принадлежит деньгам, ее одним негодованием не пробить.

Было когда-то иное время, когда люди пытались строить общество на других базисах, основанных на взаимопомощи и равенстве всех индивидов. Но на этих идеях давно поставили крест, решив не противиться «человеческой» природе. Признали эгоизм — разумным, индивидуализм — нормой, а рынок — двигателем прогресса. Люди же стали ресурсами, которые нужно выжимать, и выжимки выкидывать на социальное дно.

Что толку рвать себе душу, как рвал Матфей. Если не можешь ни на что повлиять, надо ли убиваться из-за того, что мир устроен не так, как хотелось бы?

Она давно отключила в себе все политические интересы и не интересовалась новостями. Жизнь и так все время была ее, а по телевизору, что ни новость, то стресс.

Аня сжимала в кармане получку и новогоднюю премию и шла в огромный ТЦ. Когда-то это был крупный завод, где производили радиоаппаратуру для всего мира, а теперь здесь торговали китайским браком.

Сегодня у нее был первый выходной за долгое время. Проснулась по привычке в пять и теперь ворочалась, пытаясь еще поспать. Но изо всех углов выползали затаенные раздумья и нападали на нее.

Чувства оттаивали, ныли. Пришлось соскакать с кровати и чем-то себя занимать.

Пошла на кухню. Перемыла посуду, стала готовить завтрак для ребятки.

Взъерошенная Валька вылезла из комнаты. Пропитое лицо отобразило мучительное похмелье.

— Чё тут по темноте опять шарохаешься! Сама не спишь и другим не даешь!

Аня, как всегда, пропустила замечания мачехи мимо ушей. В этот момент привычная брань подействовала даже успокаивающе. Валька, ощутив тщетность своих попыток «вразумить» падчерицу, вскоре ушла, зло отплеывая маты в адрес «Нюрки».

Аня опять осталась наедине с собой и своими мыслями. Хотелось заглушить боль. Заглушить чем угодно.

По совету бабы Люси Аня приберегла заначку для отца. Поколебавшись, она все же достала спрятанный в дырке в полу читок. Обычно все ее тайники отец с Валькой раскрывали на раз, словно алкоголизм давал им суперсилу — находить спиртное по запаху, но этот пока каким-то еще сохранился в целости.

Дрожащей рукой плеснула в стакан водку. От запаха передернуло. Аня предпочитала алкоголю тихое пускание крови в ванной, но в последнее время этот способ не помогал, а вернувшись с похорон Матфея, она резанула себя слишком глубоко и едва не отключилась. При одной мысли, что ее могли застать в таком виде Вадик с Аришкой, у нее до сих пор все внутри холодело.

Когда-то давно Аня дала себе слово: никогда, ни при каких обстоятельствах не пить. И держала его. Будь то праздник или горе, она была ему верна. Сейчас же свое слово она собиралась нарушить. Долго задумчиво смотрела на стакан, пока не услышала шипение ползущей из кастрюли молочной пены. Запоздало приоткрыла крышку, запахло гарью, сдвинула несостоявшуюся кашу на другую конфорку.

Скрипнула дверь, послышался медвежий топоток Вадима. Аня торопливо убрала бутылку и все же вылила в себя содержимое стакана.

Горло обожгло. Она закашлялась, но внутри все затеплилось, размякло.

Слезы полились неудержимым потоком. Она растирала их по щекам, боясь расстроить брата. Вадим сходил в туалет и потопал обратно досыпать — заглядывать на кухню не стал.

Аня еще долго сидела за кухонным столом и захлёбывалась рыданиями.

Но слезы высохли. Вместе с ними иссушилась боль. Камень, давивший ее, полегчал. Мир стал проще, а жизнь опять крутанула колесо.

[1] Новостная лента

Глава 7. Огонь революции (часть 2)

Аня шла к ТЦ, на месте которого стоял когда-то огромный завод. Впервые за долгое время она расслабилась и не чувствовала себя в тисках проблем.

Легкие пушинки снега кружились. Она и сама была одной из снежинок, и больше ничего. Водка подействовала как анестетик: вата в голове, боль притупилась. Реальность размазалась и чуть-чуть покачивалась, приятно баюкая.

Аня впервые за много лет поняла, почему отец после смерти матери начал заливать в себя алкоголь.

Она шла за подарками Вадику с Ариной. В воздухе витало предчувствие Новогодних чудес и волшебства. Давно у нее не было этого чувства: она уже совсем перестала ждать и надеяться на чудо.

Аня не любила зиму, но любила декабрь. Если бы зима длилась один месяц, то она решила бы что попала в рай. Хотя... для рая это все же мелковато, для ее рая нужно куда как больше. Но, может быть, именно умение радоваться мелочам и есть способ достичь пресловутого рая? Ведь вся жизнь состоит из мелочей...

Мысли плыли глуповато, размыто.

ТЦ раздвинул стеклянные двери, впуская Аню в мир глянца и блеска.

Для Ани ходить по магазинам всегда было пыткой. Динамик трубил об акциях и скидках, и голова уже через час делалась, как очумелый чугунок. Она обычно терялась среди начищенных до ослепительного блеска витрин. В груди красивых вещей чувствовала себя чужеродной заплаткой на вечернем платье светской львицы.

Но в этот раз все было иначе. Сейчас казалось, что она попала в волшебную сказку. Словно Алиса в зазеркалье, она бродила из отдела в отдел, любуясь безделушками. Даже позволила себе примерить несколько нарядов.

В примерочной Аня глянула на себя в зеркало. Темно-зеленое платье обнаружило, что у нее точенная фигура, и есть грудь. Глаза игриво поблескивали на преобразившемся лице. Она протянула руку к незнакомке по ту сторону стекла, улыбнулась ей почти счастливо.

Девушка в зеркале напомнила маму. Мама всегда была красивая и элегантная. Даже не верилось, что гадкий утенок, вроде Ани, может каким-то чудом походить на такого прекрасного лебедя, как её мама.

Преображение оказалось настолько очаровательным, что Ане не хотелось с ним расставаться. Увидеть в себе маму, было сродни открытию девятой планеты.

Аня всё-таки сняла платье, прижала его к себе на пару мгновений и, выдохнув, посмотрела на ценник. Цена ожидаемо отрезвила. Даже потратить она всю зарплату, ей хватило бы только на рукава и воротничок от этого наряда.

Побыстрее натянув потертые джинсы и безразмерный свитер, Аня аккуратно повесила платье на вешалку и, бережно застегнув молнию, смущенно вернула его консультанту.

— Не подошло? — с участием спросила девушка.

— Не подошло, — эхом откликнулась Аня.

Настроение поползло вниз. Навалилась усталость.

Она зашла в детский отдел. Посредине стояли велосипеды — распродажа.

Аня засмотрелась на велосипед, о котором уже не первый год мечтал Вадик. Рядом висел постер с радостно улыбающимся мальчиком за рулем этого гордого железного коня.

Мальчик был похож на Вадика, вот только Вадик так широко никогда не улыбался. Улыбка у Вадика была робкая, мимолетная, пугливая.

Покупатели, которым приходилось обходить Аню, ворчали, но Аня все стояла и смотрела на велосипед.

— Вам что-то подсказать? — обратилась к ней консультант.

Аня покачала головой. Велосипед, несмотря на скидку, тоже был ей не по карману. В этом году придется Вадика обойтись более скромным подарком.

Она поплелась в отдел игрушек, купила машинку с пультом управления и теплую кофту. Аня знала, Вадик порадуетя и этому, но у Деда Мороза в письме он просил велосипед.

Хотя от Арины, запросы к Деду Морозу поступали еще сложнее: чтобы её перестали дразнить и появился друг.

Эти детские письма были для Ани испытанием года. Она дико мучилась, перебирая в голове варианты, как сотворить для детей чудо, если на него не хватает грошей.

Настроение сменилось, и она двигалась по отделам ТЦ в привычном напряжении, держа в голове список необходимых покупок и соизмеряя их со своим нищенским бюджетом.

Арине она взяла платье, пазлы и кубик Рубика — девочка любила головоломки.

Когда Аня рассчиталась и пошла к выходу, что-то кольнуло в спину. Инстинктивно захотелось пригнуться.

Она беспокойно заозиралась, но ничего подозрительного не заметила. Люди мирно шли по начищенному до блеска бетонному полу или стояли у витрин, или же сидели на лавочках у огромного фонтана посреди ТЦ.

Ничего тревожного вокруг Аня не увидела, но беспокойство от этого не пропало.

Рекламная озвучка сменилась на новостную сводку:

— Уважаемые покупатели! В связи с обострившейся политической обстановкой в стране просим вас не поддаваться на провокации и не выходить на несанкционированные митинги!

Аня поежилась: какая-то ситуация, какие такие митинги? Надо будет глянуть новости, вдруг и вправду у всех крыши поносило?

Мимо шли женщины, до Ани долетели обрывки разговора:

— Уже сколько детей погибло, а они: «не выходите, молчите»!..

— Я своему вообще не даю к компьютеру этому злосчастному подходить, не дай бог, что случится.

— А случилось бы — и что? Ты не пошла бы? Чего терять-то?!

— По телевизору говорят — триста пятьдесят семь уже ребятяток! Врут, конечно! Я слыхала, что уже больше двух тысяч! В столице сейчас волнительно, а в регионах совсем плохо!

Ане стало трудно дышать, по глазам бил навязчивый свет. Захотелось поскорее выйти из этого ТЦ на воздух.

Она прибавила шаг. В памяти почему-то всплыл рев медведя, и призывы к революции. А если это как-то связано? Если её молчание — преступно? Хотя... что за глупости? Что может сделать кучка дебилов? Ну, убили они медведя, ну наговорили ерунду про какую-то революцию.

Ну, придет она в полицию, расскажет о том, что месяц назад видела в подвале заброшенного завода, как собаки рвали медведя, и Илья Лакунин призывал к революции. Так

ее первую и загребут!

Турникет медленно покрутил её на выход. Аня всегда в таких каруселях начинала нервничать и чувствовала себя в ловушке. Вот и сейчас она, задумавшись, не успела выйти, и ей пришлось ехать еще круг, а потом еще один.

Наконец, она вырвалась из клетки, неуклюже споткнулась и, пытаясь удержать равновесие, уронила пакет. Пакет треснул по швам. Подарки рассыпались по снегу.

Аня села на корточки и стала собирать пазлы, кубик Рубика, ругая себя за неуклюжесть.

Опять кольнуло нехорошим предчувствием. По телу пробежал озноб.

Она подняла голову и встретилась глазами с Ильей.

«Легко на помине. Вспомнишь, о чем-то плохом, и вот оно всплывает!»

Он сидел на капоте сияющей машины мятного цвета. Еще совсем недавно ездил на другой, черной, и когда успевают их менять? Рядом с ним лежал большой нелепый пакет с сердечками, а около машины стоял велосипед, тот самый, что она присматривала для Вадима.

Она поморщилась от очередной издевки. Илья уже навис над ней, и, чтобы перестать ощущать себя букашкой, ей пришлось выпрямиться, оставив часть драгоценных покупок лежать на снегу.

— Чего тебе?! — резко буркнула она, скрестив руки на груди.

— Камон, детка, к чему быть такой грубой в канун католического Рождества?

— Я тебе не детка, не католичка и сегодня только одиннадцатое, а Рождество у католиков двадцать пятого.

— Жаль. Я вот решил поиграть в Санту, подарков накупил.

— Поиграй с кем-нибудь другим! — выдохнула она.

Илья пугал и раздражал её. Он за прошлый месяц окончательно утвердился в ее глазах, как наглый самоуверенный психопат.

Зачем он докапывается? Иллюзий по этому поводу Аня не питала. От внимания таких людей жизнь обычно становится только хуже, а не лучше.

— Значит, всё это барахло можно выкинуть? — Илья ткнул ногой велосипед, тот самый, что мог осчастливить Вадика. — Чего ты ломаешься? Я, рили, тебе это шмотье купил.

— Зачем?

— Увидел тебя в магазине, как ты пялишь на всё это барахло, решил, что мне ничего не стоит купить. Может, захотел порадовать тебя.

Аня залилась краской. Было нестерпимо стыдно, что он видел, как ей хочется того, что она не может себе позволить. От унижения она не знала, куда деваться. Дернулась поднять покупки и уйти, кинув ему скорее риторический вопрос:

— С чего тебе меня радовать?

— Камон, раскусила, — он наклонился и быстро сцапал машинку, опередив Аню. — Решил стать волонтером. Сейчас модно благотворительностью заниматься... Мать её! — выругался Илья, заметив, что перепачкал чем-то руку. — У меня время-деньги, детка, давай в машину. Я тебя подброшу.

Аня в замешательстве глядела, как Илья поднял со снега остальные подарки, бросил на заднее сидение машины, туда же впихнул и новенький велосипед, и набитый пакет. Вытер руки салфеткой. — Сделаем селфи с твоим довольным семейством, и я поставлю себе галочку в инсте. А то говорят, что я бесчувственный урод.

— Так и есть, — пробормотала Аня под нос.

Илья отошел к мусорке, чтобы выкинуть салфетку.

Внутри у Ани еще происходила вялая борьба: уйти без подарков она не могла, ехать с Ильей — тоже.

Но Илья уже открыл перед ней дверцу и подтолкнул в салон.

Аня села и неожиданно провалилась в уют и комфорт роскошной машины.

— У тебя вроде другая была? — не удержалась она от вопроса, сразу пожалев о нем: не надо было с ним заговаривать.

— Лолка, это тот же 222-й мерин, просто хромовой пленкой покрыли.

Мерседес сорвался с места, но бешеная скорость в салоне не ощущалась. Она скорее осознавалась по тому, как мелькал пейзаж за окном.

Город наплывал со всех сторон бетонными массивами. Почему-то пахло морем. А море пахло мечтой Матфея...

Аня жила на окраине. Многоэтажки постепенно отступали. Небо хмурилось ранними зимними сумерками. На краю горизонта едва теплился розоватый след заката. Облысевшие деревья сиреневыми тенями падали на белый пух снега, пытаясь укутать в нем свою наготу.

Встали в пробке.

На тротуаре маленькая девочка, сидя в санях, смотрела круглыми глазами на пар, идущий изо рта, старалась поймать его обратно в себя, но пар летел всё выше, а из девочки выходило новое облачко.

Аня проследила взглядом за облачком, оно поднималось, становилось все бледнее, пока не растворилось в небе.

Небо пересекала чёрная полоса дыма. Она тянулась со стороны Аниной улицы.

Уже в который раз за день кольнуло нехорошим предчувствием.

Аня тряхнула головой, отгоняя тревогу — глупо грести под себя все несчастья мира.

Однако напряжение не отпускало. Аня нетерпеливо заерзала в кресле. Хотелось скорее убедиться, что все в порядке.

Дым бежал за ними, или это они догоняли дым? Эту забавную логику, Аня переняла у Вадика. Как-то они ехали в машине, он смотрел в окно, а потом обеспокоенным шепотом спросил: «Аня, почему за нами бегут деревья? Они тоже хотят на машинке покататься?»

Илья свернул во дворы. Запетляли по узким улочкам, запрыгали на выбоинах и ухабах. Вывернули из-за единственной высотки.

Показался источник дыма. Пожар. Горел старый деревянный дом. Её дом. Горело с той стороны, где была их квартира.

У дома толпился народ. Илье пришлось припарковаться в соседнем дворе. Не дожидаясь, пока он остановится, Аня выскочила из машины.

Люди, задрав головы и тыкая пальцами, увлеченно комментировали происходящее. Кто-то снимал пожар на телефон.

Аня стала звать Арину с Вадиком, прорываясь через зевак и внимательно вглядываясь в незнакомые лица.

— Из квартиры вышли дети?! — то и дело громко допытывалась она. — Кто-нибудь вышел из квартиры?!

В ответ лишь пожимали плечами, отворачивались или, повернув к ней камеру, обеспокоенно спрашивали:

— А там разве кто-то живет?!

Наконец, Ане повезло, и она увидела знакомое лицо. Соседка стояла, прижимая к груди

сумку, под ногами у неё лежал узелок. Побледневшая женщина раскачиваясь, невнятно бормотала что-то себе под нос. Аня бросилась к ней.

— Теть Алл, мои вышли?!

Соседка посмотрела на Аню отсутствующими глазами и отвернулась. Аня, схватив ее за плечи, встряхнула и снова задала вопрос. Та взглянула уже более осознанно, резко скинула ее руки и злобно выплюнула:

— Из-за вас, алкашня, все и погорели! А у меня там ковер Лизаветы висит на стене, между прочим, царский!

— Они вышли?! Вадик?! Арина?!

— А я почему знаю? Чай не нянька этим заморышам! Никого не видала!

Аня, сжав зубы, бросилась в подъезд.

— Куда, горемычная?! — театрально закудахтала ей вслед женщина в фиолетовом платке.

В коридоре висела плотная пелена едкого дыма. Аня, как когда-то учили на уроках ОБЖ, а позже в меде, натянула на лицо шарф и старалась дышать через него.

Не помня себя, она взлетела на второй этаж. Глаза слезились, горло драло.

Стала стучать. Тишина. Достала ключ. Руки слушались плохо. Ключ не хотел попадать в замочную скважину.

Повернула на два оборота и дернула дверь.

Шпингалет! Дети закрылись на шпингалет, как она их учила!

— Нет! — Аня закашлялась и замолотила по двери — Вадик! Арина! Откройте! Это я Откройте немедленно!

Никто не откликнулся.

Тогда, разбежавшись, Аня, что есть силы, врезалась в железную дверь. Плечо хрустнуло.

Когда она пошла на второй заход, кто-то схватил её за локоть.

Аня обрадовалась: наверное, пожарные приехали, сейчас ей помогут. Но радость сменилась разочарованием.

— Камон, Аня, — сказал через мокрый платок Илья. — Дверь железная — это бесполезно. Прекрати!

— Там Вадим и Арина! — Аня смотрела на Илью сквозь слёзы и завесу дыма: не совсем же он чудовище, он же пошел за ней сюда, а вдруг поможет? — Помоги мне, Илья! Они же совсем дети! Нужно что-то делать!

— Да я х.з. Нужно валить отсюда. Лучше дождаться пожарных.

Но она уже его не слушала, отмахнулась и всем телом ударила в дверь

— Можно попробовать залезть в окно... — небрежно бросил он ей в спину.

— Точно, окно!

Аня помчалась вниз. Выскочила, хлопнув дверью перед носом Ильи. От свежего воздуха согнулась в приступе кашля. Усилием воли выпрямилась, сбросив куртку, побежала к окну. Попыталась вскарабкаться на стену. Но, кажется, она все-таки выбила руку, и она висела бесполезной плетью.

— Ты не полезешь, — категорично заявил Илья и, схватив её за талию, оттащил от стены дома.

Она в ярости замолотила по нему кулаками: кто он вообще такой, чтобы мешать ей, спасти семью?!

— Убери свои грабли, урод! — хрипло рычала она.

Илья непозволительно спокойно диагностировал:

— Если они там, то уже открыли бы. Значит они либо мертвы, либо их там нет.

Бессмысленно рисковать, рили.

— Отвали от меня! — орала Аня. — Там моя жизнь! А ты никто, урод бесчувственный!

— Да, успокойся ты, — сквозь зубы процедил Илья, и, грубо встряхнув ее, отпустил. —

Стой тут.

Скинул куртку и, небрежно набросив её на Анины плечи, подошел к стене. Зацепился за наличник окна на первом этаже. Подтянулся и ловко закарabкался вверх. Доски, которыми был обшит дом, от времени расхлябались и местами выступали, что облегчало Илье задачу.

Аня, опомнившись, рванула следом. Но здоровенный детина из толпы схватил её в охапку:

— Стой, раз велели!

— Отпусти! — брыкалась она. — Там мой брат! Арина! Они же совсем маленькие!

Мужик на миг заколебался, но ему на помощь пришла женщина в фиолетовом платке:

— Твой же дурень полез ужо в окно ради тебя! Тебе-то к чему в огонь, дура?!

Аня знала одно: ей нужно в дом. Но детина-переросток держал крепко.

Голоса из толпы стали подбадривать Илью, другие боязливо уговаривали дождаться пожарных.

Илья между тем уже подлез к окну ее квартиры, достал нож и прорезал клеенку, которой, после очередного буйства отца, Аня с детьми забила дыру в раме.

Из прорези пыхнуло жаром. Илья отшатнулся от горячего воздуха. Нога соскользнула, и он едва не упал. Чудом, удержав равновесие, повис на наличнике.

Толпа затаила дыхание и спустя миг облегченно выдохнула.

Илья быстро нащупал ногой потерянную опору. Перехватился руками за раму, оттолкнувшись ногами, подтянулся и шучкой исчез в горячей квартире.

Ане тоже надо было туда. Действовать. А не стоять здесь. Она не доверяла Илье. Она знала, что рассчитывать может только на себя.

Детина, внимательно следивший за подвигом, потерял остатки бдительности и ослабил хватку. Аня мстительно пнула его в лодыжку, вывернулась и бросилась к дому. Куртка Ильи соскользнула в грязь, но она этого не заметила.

Завизжали долгожданные сирены. Аня обернулась. Во двор въехала пожарная машина, за ней — скорая и полиция. Они сигналили, толпа неохотно расступалась.

Аня рванула к ним.

— В помещении кто-нибудь есть?! — крикнул, выпрыгивая из машины, пожарный.

— Там дети!..

Раздался взрыв, посыпались стекла. Огонь полыхнул яростными языками. Люди вскрикнули на разные голоса, первые ряды пригнуло к земле, и все послушно отступили подальше от пылающего дома.

«Газовый баллон взорвался!», — с ужасом подумала Аня.

Сердце ухнуло, внутри все оборвалось. Она согнулась пополам. Из горла вырвался хрип. Время замедлилось, встала комком нестерпимой, нескончаемой боли.

И тут дверь в подъезд распахнулась. Вышел пожарный с мальчиком на руках. Следом второй — поддерживая Илью.

К ним уже бежали люди в белых халатах.

Толпа загудела.

Аня замерла. Оглохла. Весь мир сосредоточился в одной точке. Вадик!

Боль, страх смешались с облегчением и горечью, ведь Арина и отец остались там, в огне. Им уже не выбраться!

Суэта вокруг мальчика оборвалась. Врач отрицательно качнул головой и устало провел рукой по лицу.

Аня на ватных ногах рванула к скорой.

— Почему вы ничего не делаете?! — возмущенно накинулась она на врачей. — Вадик?!

— Мне жаль... — Врач сочувственно развёл руками. — Мы ничего не можем сделать. Мальчик умер. Скорее всего, задохнулся во сне. Безболезненно.

— Нет! — Аня не могла в это поверить. Вот же он, тут, рядом. — Нет!

Она кинулась к Вадик. Её попытались остановить, но врач кивнул, мол, пусть идёт.

Братик лежал неподвижно, будто спал. Он был в пижаме с лисичками, которую она подарила ему на день рождения. Пижамы казались ему слишком милой, девчоночьей. Он по секрету сказал об этом Арине.

Аня провела дрожащей рукой по рыжеватым непослушным волосам. Они опять слишком отросли, она все никак не могла выделить время, чтобы подстричь эту гриву.

Взгляд упал на коленку, которую она еще вчера замазала зеленкой, ругая его за те гонки, что они устроили в детском саду с другом Вовкой.

Аня осторожно прикоснулась к детской, пухлой, непривычно-холодной щеке.

— Вы мама мальчика? — донеслось, как сквозь вату.

— Ему холодно, — прошептала Аня. — Такой холодный. Вадик, открой глаза, я тебе велосипед купила. Ты же просил у Деда мороза велосипед на Новый год. Ну же, посмотри. Замерз? — Она наклонилась к брату, надо его как-то согреть. — Не бросай меня одну! Пожалуйста! Не бросай меня здесь одну!

***

Илья вздрогнул: Анин крик пробился под шкуру и повис в висках гулким эхом.

Крик затих. Илья вздохнул, достал сигарету. Затянулся, пустил дым, возвращая привычное равновесие. Нашел опору. Вспомнил предыдущее ощущение: яркое. Такое же в нем будили наркотики. Это оказалось любопытным. Впервые он засомневался в том, насколько цель оправдывает средства.

— Молодой человек, вы, конечно, сегодня герой дня, — услышал он за спиной строгий женский голос. — Однако сейчас геройствовать ни к чему.

Илья повернулся, посмотрел на женщину средних лет в белом халате.

— Пройдемте, я обработаю ожоги и поставлю обезболивающее. И как вы только держитесь? — решительно подталкивая его к машине, продолжала командовать женщина.

Она посадила его в скорую и засуетилась. Илья вместе с ней осмотрел свою левую руку. Она сильно пострадала от огня и от запястья до плеча покрылась волдырями.

— В больницу надо. Все серьезней, чем я думала. Какой ты терпеливый, — бормотала женщина, обрабатывая ожог.

— Порядок, — отрицательно мотнул головой Илья и равнодушно пояснил: — У меня высокий болевой порог. Обезболивающее не нужно. Обработайте и антибиотик поставьте. Я сам на медика учусь. Смогу о себе позаботиться.

— Учится он, знаю я, как вы учитесь... — привычно было заворчала женщина, но взглядевшись в Илью, перебила праведное недовольство молодежью вопросом. — И что же,

совсем не больно?

Илья кивнул.

— Любопытно, никогда с таким не сталкивалась, — покивала она, и, приготовив инъекцию, стала искать у Ильи вены. Его вены, а точнее их отсутствие, ей не понравилось, но не настолько, чтобы понять причину и разразиться отповедью несознательной молодежи. Она списала все на испуг больного, и, бормоча утешения, все же сумела сделать укол.

— Молодец. Жаль не удалось спасти ребенка, — заключила она.

— Да, жаль, — автоматически согласился он, привычно подстраиваясь под эмоциональный фон собеседника.

Терпеливо выслушав напутственные инструкции, Илья, наконец, вышел из скорой.

Оглянулся в поисках Ане, но ее нигде не было, как и второй машины скориков. «Увезли», — догадался он. Его куртка, которую он накинул Ани на плечи, валялась на дороге неподалеку. Он подошел, поднял её.

Куртка от гуччи, перепачканная грязью, пахла Аней и, как ни странно, этот запах его не раздражал. Даже приятным показался. Он стряхнул грязь и, поколебавшись, все же натянул шкурку на себя.

Плохо, что он упустил момент. Сейчас ему нужно находиться рядом с ней.

— Мне нужна жертва, — прошептал он.

— За этим и устроил поджог? — раздался знакомый голос из-за спины.

Илья обернулся: рядом, скрестив руки на груди, стоял следователь Птичкин, старательно буравя его пронизательным взглядом.

— Я за тобой присматривал! — довольно заулыбался следователь.

Илья вызывающе усмехнулся, пожал плечами, мол, не понимаю, о чем речь.

— Я тебя насквозь вижу, щенок! И рано или поздно — выведу на чистую воду.

— О'кей, чистота — это хорошо, — равнодушно ответил Илья, собираясь поскорее свалить.

— А знаешь что?! — с неприязнью глядя на него, Птичкин достал наручники. — Ты задержан, умник!

Только ареста сейчас и не хватало. Илье нужно было скорее найти Аню, а тут этот мусор растягивался. Может, ему все-таки денег попробовать предложить? Но нет... Этот не возьмет. Принципиальный. Надо было все-таки мать откачать, а то, после ее смерти, у Птичкина крылышки расправились.

— На основании?

— На основании подозрения в умышленном поджоге. Сутки посидишь... — но следователь не договорил. Увидев ожоги, он застопорился и растерянно застыл с наручниками в руках. — А тебе в больничку не нужно?

— Не нужно, — огрызнулся Илья. — Но грязные наручники лучше бы ты оставил при себе.

— Поговори мне еще! — зарычал Птичкин, заломив руки Ильи за спину, застегнул потуже наручники и подтолкнул к машине.

К следаку подошел другой мент.

— Ты чего, Птичкин, лютуешь?! Это же тот парень, что мальчишку вытащил! — развязно возмутился он.

— Ты как со старшим по званию разговариваешь?! — зло рыкнул Птичкин.

— Виноват! — ошарашено выправился заступник, сменив манеру общения на

формально-канцелярскую. — Думал, вы не видели, гражданин майор.

— Всё я видел. А чутьё меня никогда не подводило. Вокруг этого пацана — одни трупы!

***

Илья все еще чувствовал себя грязным. Хотя и провел в ванне целый час. Казенный запах тюрьмы, казалось, впитался в кожу. Ему пришлось пробыть в обезьяннике целые сутки — тупой адвокат лишь разводил руками — имеют право.

Обезьянник оказался не похож на те, что показывают в сериалах. Маленькая клетка стояла прямо у оперов в кабинете. В ней было заперто еще пять тел. Вонючие бомжи и наркоманы. Пришлось еще и шмот выкинуть.

Он поморщился от воспоминаний. Птичкин за это еще заплатит. Илья уже активно продумывал планы подставы этого тупого мента. Но пока ему было не до мести.

Илья пил кофе, сидя за столиком купленного после смерти матери клуба.

Днем клуб превращался в ресторан.

VIP место располагалось на втором этаже и было скрыто от общего зала бронированным, непроницаемым стеклом. С его же стороны весь зал просматривался, как на ладони: вон телочка с накаченными буферами хлопала глазками перед богатым папиком, интимно лаская ножкой ему между ног и надувая силиконовые губки. А чуть в стороне два мужика рассматривали какие-то документы, то и дело настороженно озираясь и перешептываясь друг с другом. Толстяк с хмурым видом цедил в трубку телефона, параллельно умудряясь, тыкая в заказ, выговаривать официанту.

Иметь свой клуб-ресторан было удобно. Илья теперь мог лично следить за санитарными условиями приготовления своей пищи и знал, что его еду не лапали грязными руками.

А еще никто не мог наблюдать за ним, как это сейчас делал он с посетителями. Значит, меньше шансов засветиться в ненужном месте с неправильными людьми, такими, как, например, Макс, который сидел напротив и ковырялся в спагетти. И кто заказывает спагетти утром? Люди все делают неправильно.

Руки Макс не помыл. Даже не протер принесенным для этого мокрым горячим полотенцем. Да и вообще вид у него был неопрятный, затравленный, жалкий.

Илья брезгливо отворачивался, залипая в зал.

— Илья, — между тем, испуганно блеял Макс, — а если они все узнают? Там было два ребенка. Я убил детей. Я... я хочу во всем сознаться... Ты... Ты, наверное, не знал, что там дети. Я видел, как ты вынес мальчишку из огня, я не могу с этим... Это бесчеловечно!

— Ты революционер, а не человек. Помни об этом, — доставая айфон, отстраненно пожал плечами Илья и уставился в ленту ВК. Он, естественно, сидел там под фейковым именем, только идиоты доверяют свои личные данные социальным сетям. Телефон же был прошит дополнительными защитами, и ни одна хакерская крыса не засекала бы его.

— А как я теперь?

— Войны без жертв не бывает. Если ты этого еще не понял, то дурак.

— Но... дети... Как теперь с этим быть?!

Илья поднял взгляд на Макса, с презрением усмехнулся, достал из кармана ствол, положил на стол.

— Вот, — кивнул он на пистолет. — Если ты не можешь жить, то гоу, служи революции иначе. Все мы умрем, и лишь немногие будут бессмертны. Лучше жить свободным месяц, чем рабом всю жизнь. Эти дети были рабами системы, их будущее — дно. Считай, что мы их

освободили.

— Я... я не могу себя вот так... убить... Наша цель, она же оправдывает наши средства?

— Конечно, для революции нам нужна эта девчонка. Главные жертвы приносят не те, кто тупо умирает ради революции, а те, кто ею живет и готов ради нее не только умереть, но и убивать.

Макс с сомнением уставился на Илью:

— Неужели мы не могли обойтись без того, чтобы убивать детей?

— Камон, Аня идеально подходит для террористического акта. Она по всем характеристикам типичная жертва. Проклятый Новый год испортил все планы. Мне нужен резонанс, для этого нужен кто-то вроде нее. Но пока у нее была семья, она не пошла бы к нам. Ее нужно было сломать. Сломать. И теперь, когда у нее ничего нет, ей можно внушить все что угодно. Она потеряла то, ради чего всем жертвовала, ей нужен новый смысл жизни.

— Илья! Но это... Это безумно!

— Максимка, — Илья брезгливо обнял парня за плечи. — Если я увижу тебя хотя бы близко возле мусоров или, еще хуже, возле нее, нам придется принять меры. Мне помнится, у тебя тоже есть братишка, мелкий такой?

— Т-ты... Ты шутишь? — Макс испуганно уставился на своего вождя. — Я-я понял. Я все понял. Я буду молчать.

— Выбор у тебя есть. Мы ж за свободу все-таки боремся, бро, — холодно улыбнулся Илья.

Глава 8. Символ солнца (часть 1)

Матфея раздражало, что к Новому году город наряжали заранее, а украшения снимали с большим опозданием. Всё это, на его взгляд, напрочь убивало дух волшебства.

Вот и сейчас весь город был увешан праздничными огнями, хотя декабрь только успел начаться.

Матфей мялся у своей высотки, вновь и вновь не решаясь попроситься с матерью. Только теперь из кармана постоянно булькало до невозможности бесившими советами. Ощущение было такое, будто в башку засунули не затыкающийся радиоприемник, так и хотелось вышвырнуть настырный комок куда подальше.

— Давай уже пойдем, а? Ну чего ты встал-то? — канючил Сидор. — Уже неделю бродим вокруг да около.

Матфей не выдержал и рявкнул:

— Если тебе что-то не нравится, мы можем твою мамку проведать!

— Зато у неё бабло теперь будет! Она сможет операцию Аське хорошую сделать, чтобы та нормально жила!

Сидор не любил говорить о младшей сестре. Смышлёная девчонка, могла бы быть даже красивой, если бы не врожденный дефект губы и носа. Бесплатные операции ей сделали абы как, так что лицо все равно осталось изуродованным, а платная пластика стоила слишком дорого, таких денег у простой деревенской семьи не было.

Как только Сидор замечал, что у какой-нибудь актрисы имеются следы хирургического вмешательства — его начинало лихо бомбить. А так как наличие хотя бы силиконовых грудей или губ присутствовало в каждой экранизированной девушке, то припадки у Сидора случались повсеместно.

Хорошо, если бомбило Сидора дома, а не, скажем, в кинотеатре, где он, заприметив исполнительницу с чем-то искусственным, вскакивал на сидение и что есть мочи начинал орать: «Тухлый помидор! Гляньте-ка, тухлый помидор!».

Из-за этого их постоянно вышвыривали из кинозалов злющие охранники, а порой и зрители, один раз даже в полицию загребли. Менты, правда, оборжав, быстро их отпустили.

После каждого такого малоприятного киносеанса Сидор извинялся и клятвенно заверял друга, что больше этого не повторится, но систематически свои клятвы нарушал. Матфей подозревал, что он в кинотеатры ходил с целью отвести душу, а его для страховки брал. Матфей старался давать ему эту страховку, но, видимо, мало старался.

— Так ты для этого самоубился? Чтобы сестре помочь?

— Нет, я сделал это из веры, что могу изменить мир к лучшему! А деньги мне просто Илья бонусом дал, так как я первым вызвался.

— Какой Илья?! — а на ум сразу пришел тот Илья, что утащил за собой Аню. Гнилое имя гнилых людей.

— Тебя это не касается, понял! Это мой выбор, мой! Ясно? Он выбрал меня! Понимаешь?! И я войду в историю, как тот, кто зажег мировой огонь революции!

Матфей раздраженно отмахнулся. И вопреки настоятельным требованиям Сидора поперся в противоположную от дома сторону — к детской площадке.

Снег лежал тонким слоем, но Матфей таки умудрился загрести добрый сугроб в кроссовки. На детской площадке только и были, что турник, лозалка, да рогатина для

качелей. Подтянувшись на перекладине, он оседлал лазалку. Усевшись поудобней наверху, разулся, вытряхнул из обуви снег. С удивлением понял, что на нем любимые зеленые носки — на одном — Вирт в красном колпаке, на другом — Грег с чайником на башке — персы из любимого мультя «По ту сторону изгороди».

Зачем-то признался:

— У меня тоже сестра есть.

— Да иди ты! — недоверчиво буркнул Сидор.

— Сводная.

— Чё ты тогда о ней не рассказывал?

— Я её никогда не видел, — вздохнул Матфей.

— А чё так? Запрещали?

— Нет, из принципа.

— Ну и дурак. Сестренка — это круто.

— Да иди ты!

— У меня ног нету. Куда я тебе пойду? Если только в пекло покачусь!

— Колобок, блин...

Матфей тупо уставился во двор. Припорошенные снегом машины, так часто и тесно жались друг к другу, что мамочкам с колясками приходилось изошряться, чтобы протиснуться между ними. Бабуська из мешочка сыпала в кормушку пшено. К ней слетелась стайка воробьев, синичек, и пара наглых пузатых голубей. Дворник, опершись на лопату, жевал сигарету без фильтра.

Маму Матфей заметил не сразу. Она стояла совсем недалеко от него, у ближайшей машины и, нервно переминаясь с ноги на ногу, поджидала кого-то. Этот кто-то долго ждать себя не заставил. К ней с чемоданом шел тот самый священник с похорон, Матфей сразу узнал его, хотя одет он был иначе — без черного балахона, в пальто поверх костюмчика, да и бороду подстриг, чуть ли не до щетины. Священник махнул рукой, машина пикнула — хорошая машина — джип, хотя и не из новых моделей.

Матфей спрыгнул с лазалки и пошел им навстречу.

Мама еще больше осунулась, под потухшими глазами залегли синяки. Она держалась за сумочку, как за щит и с виноватой растерянностью поглядывала на спутника.

— Свет, ничего не забыли? — спросил священник, засовывая чемодан в багажник.

— Вроде ничего, — отстраненно пожала плечами мама.

— Не переживай, все будет хорошо, — он закрыл багажник. И, шагнув к маме, прижал её к себе, бережно поцеловав в щеку. Ошеломительный контраст с медвежьей хваткой отца. — Отдохнем. Санаторий в Горном. Там, знаешь какой воздух? Лечебный, благодатный.

— Только месяц прошёл, как его не стало, — вздохнула мама, высвобождаясь из объятий и с опаской поглядывая по сторонам. — Я не должна его тут бросать.

— Свет, тебе нужно жить дальше. Он бы хотел, чтобы ты жила дальше.

— Ты не знаешь его, — мама закрылась руками, закачала головой, всхлипнула. — Ты не знаешь, чего бы он хотел.

— Я — не знаю, но ты — знаешь, поэтому ты едешь лечиться. Свет, тебе это необходимо.

— За что мне все это?

— Бог не дает того, чего мы не сумели бы пережить. Дай себе время, ты свыкнешься.

Мама не ответила. Он открыл перед ней дверцу, и она села в машину. Священник, зайдя

с другой стороны, сел за руль. Джип осторожно высвободился из тисков припаркованных машин и скрылся из виду.

— А между ним и твоей мамкой, кажись, шуры с мурами, — съехидничал голос из кармана.

— Заткнись! — прорычал Матфей.

— Это хорошо, Матан, есть кому о ней позаботиться.

— Разве священникам можно такое?

— Православным — вроде, да, хотя какие-то оговорки имеются, а вот католикам — можно только с мальчиками.

— Может, и хорошо... Может быть, хорошо... Только вот я вообще ничего не понимаю.

Матфей хотел бы все обдумать, но Сидор нетерпеливо завопикался в кармане.

— Куда теперь держит курс твой пропеллер?

— К отцу зайду, — устало отрезал Матфей.

— К тому самому поганцу, который жена два иметь? — с южным акцентом спаясничал Сидор.

Матфей не повелся на очередную провокацию. Зашагал в сторону остановки, по дороге дернул мимо стоящую берёзу за ветку. Она отомстила, кинув ему за шиворот охапку снега. Матфей ругнулся, вытряхивая подарочек. Вечно с женщинами так, ты её ласково за косу, а она тебе портфелем, со всей дури по морде.

Сидор, подхихикивая, откомментировал:

— А нечего деревья ломать, неандерталец!

Отец жил в их старом доме, в котором прошло детство Матфея. После развода папка купил матери квартиру и положил на счет символическую сумму — якобы половину того, что они нажили совместно. Матфей же был уверен, что маме по закону полагалось больше, и, подай она в суд, отец бы не откупился от них так дешево.

Коттедж тогда был двухэтажный, из красного кирпича, с железной покатою крышей, блестящей на солнце, и деревянной изгородью.

У окна спальни Матфея росла яблоня, летом на ней спели вкусные ранетки. Если надо было подраться с кем за гаражами или на спор заночевать у озера с кикиморой, или в коллекторах полазить, то он тайком от родителей, в обход парадного выхода вылезал на улицу по ее крепким веткам.

Вопреки ожиданиям дом своего детства Матфей нашел не сразу. Только по табличке с адресом понял, что за высоким железным забором, облицованный коричневым сайдингом, и увенчанный зеленой черепичной крышей тот самый дом. Стоял он теперь в ряду с другими коттеджами абсолютно идентичный им, растеряв всю самобытность, безликий, невнятный, как старикан, сделавший неудачную пластику. Хотелось во весь голос, как Сидор забазлать: «Тухлый помидор!» Но память о былом не позволила.

Срубленная яблоня ставила здесь точку. Теперь это был чужой дом, и он чужой этому дому. Осталось одно — развернуться и уйти, чтобы никогда больше не вернуться.

В зазор под воротами высунулась свирепая морда немецкой овчарки. Собака недоверчиво нюхнула воздух и, оскалившись, глухо, утробно зарычала.

— Шери, кто там?! Ты что гостей пугаешь?! — раздался детский голос из-за ограды.

Звякнула цепь. Морда исчезла. Рычание стихло.

В воротах отворилась калитка. В проеме возникла девочка лет восьми, в стареньком

пуховике и валенках на босу ногу.

Она посмотрела точно в то место, где стоял Матфей и, округлив глаза, вскрикнула, закрывая рот ладошками. Потом заулыбалась и махнула рукой, будто приглашая войти:

— Это ты! Заждалась! Уже и не верилось, что увижу. Заходи же! — радостно зашептала она.

Матфей осмотрелся вокруг — никого.

— Это ты мне? — недоверчиво переспросил Матфей.

— А кому же еще? Давай заходи, холодно тут!

Из-под ног Матфея в калитку шмыгнул огромный рыжий кот. Зародившаяся было надежда рухнула, придавив душу могильной плитой.

Девочка взяла на руки кота. Прижала к груди и залепетала:

— Ах ты, Рыжик! Вернулся гуляка! Холодный какой! У него невеста в соседнем доме живет, вот он и убежал — дружат.

Она продолжала выжидающе и вместе с тем с любопытством разглядывать Матфея.

— Пойдем в дом, а? Холодно, — кот зло сверкнул на него глазами, мол, чего кочевряжишься?

Сомнений не осталось — она обращалась к нему — Матфею. Но от этого вовсе не полегчало, а сделалось, как-то жутко и непонятно.

Матфей зашел в калитку. Девочка закрыла её и поспешила к дому.

— Я поверить не могу, что ты пришел! — щебетала она на ходу. — Будто сон опять вижу, но взаправду. Папа сказал, что ты умер.

— Так и есть, — выдохнул Матфей.

Девочка обернулась и внимательно, даже строго смерила его взглядом.

— Матфей, но ты же — доброе приведение? Ты не станешь меня обижать? — серьезно поинтересовалась она.

— Не стану, — заверил её Матфей. — Мне бы только понять... Ты вправду меня видишь?!

— Затупок, — хихикнул из кармана Сидор.

— Ой, а что это у тебя там, в кармане, разговаривает?! — удивленно распахнула глазенки девочка.

— Ты давай, заходи в дом, а то синяя уже вся, — улыбнулся Матфей, не зная, как объяснить маленькой девочке присутствие друга в кармане. Он лишь посильнее хлопнул себя по карману, как бы намекая Сидору заглохнуть, но тот так страшно застонал, что Матфей чуть сквозь землю не провалился, на счастье в этот момент девочка уже юркнула в сени, и спектакль остался без зрителя.

Матфей попросил друга быть человеком, на что тот ехидно отрезал, что будь он человеком, дал бы по зубам в ответку. Толку с ним спорить не было, и Матфей, махнув рукой, шагнул следом за девочкой. Она закрыла за ним дверь.

Кот деловито пошел в сторону кухни. Матфей стал разуваться. По теме призрачных следов на ковре не упустил возможности пройтись, разобиженный на «грубую силу», Сидор.

— Садитесь в гостиной, я Рыжика покормлю, и приду с чаем. Ты же пьешь чай?

— Вроде, иногда, получается, — кивнул Матфей. — Но могу и обойтись.

— Мама говорит, что гостей нужно обязательно напоить чаем, даже если они отказываются, иначе я зарекомендую себя, как плохая хозяйка, — важно заметила девочка и отправилась на кухню.

Гостиная встретила отталкивающим сладким запахом духов, при маме здесь пахло иначе — елью и цитрусом, а ноги утопали в мохнатом ковре — в детстве Матфей постоянно играл на нем. Сейчас же пол выложили более практичным ламинатом. Вновь со стен скалились чучела убитых отцом животных. После того, как Матфей поджег все его экспонаты, отец эту дрянь домой не таскал, но видимо в новой семье вернулся к своему хобби. Молодая жена отца увлекалась фотографией, поэтому рядом со звериными головами висели снимки природы.

Когда здесь жили они с мамой, гостиная была заставлена горшками с цветами. Матфей не возражал против комнатных растений, в отличие от срезанных букетов, они не пахли смертью. Главное, чтобы ему не доверяли за ними ухаживать — тогда, по причине забывчивости или чрезмерного усердия, то засушенные, то залитые, цветы неизбежно умирали.

После переезда в их с мамой новой квартире не было ни одного растения. Мама порой заходила в цветочные магазины и подолгу разглядывала товар, но всегда выходила оттуда пустой. Матфей часто подумывал подарить маме горшочек герани, но боялся причинить боль, ведь это всегда была прерогатива отца — на каждый день рождения покупать ей орхидеи разных цветов, а на восьмое марта — непременно фиалки.

— Ой, а ты чего стоишь-то в дверях? — ахнула за спиной девочка.

— Да, я просто, вспомнил кое-что, — тряхнул головой Матфей и прошел к дивану кофейного цвета, вот диван был родным стареньким, хотя его и перетягивали. Он с удовольствием бухнулся в него.

— Я не знала, какой ты любишь, поэтому заварила черный, — она поставила поднос на столик. — И вот тут сахар. Тоже сам по вкусу положишь.

Села в кресло напротив и изучающе уставилась на него. Худенькая, глаза огромные, в пол-лица, каштановые волосы в хвосте. Матфей смутился, не зная, как заговорить с ней. А главное, как спросить у сестры имя. Имя, которое он прежде не хотел знать.

Он стал накладывать сахар и просыпал мимо добрую часть ложки. Попытался убрать, но смахнуть сахаринки в ладонь не получилось, и они белыми блестками упали на ламинат.

Девочка хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

Чтобы хоть как-то сгладить неловкость, Матфей принялся старательно жевать печенюшки. Печенюшки не жевались. Не чувствуя вкуса, он глотал их измельченными бульжниками, которые оседали тяжестью в животе.

— Я полагаю, мне чай никто не нальет? — раздался обиженный голос Сидора из кармана.

— Ой, и вправду! — стукнула себя по лбу девочка. — Сейчас!

— Да не нужно ему! — хлопая по карману, прошипел Матфей, но девочка уже выбежала из комнаты.

— Ай! Чего дубинками опять трясешь? — огрызнулся Сидор и уже вслед девочке прокричал. — Еще как нужно! Я зеленый люблю, он для здоровья полезен!

Матфей зло выдавил:

— Ты офигел?! Нафига тебе чай?!

— А тебе нафига?! И вообще, Матан, ты в курсах, что нельзя произвести первое впечатление дважды?! Мы — дохлые, девочка нас видит, и это не есть круто для девочки. Ты смотрел «Шестое чувство»? Ты ж пугаешь и её, и меня вместе с ней. Ты и живой-то производил жутковатое впечатление. Она — девчонка, будь поприветливей! И не молчи!

— То-то и видно, какой ты запуганный! — рыкнул Матфей и раздраженно признался. — Я даже не знаю, как ее зовут.

— Ты не знаешь, как зовут твою сестренку?! — возмутился Сидор.

Из коридора послышалось, как девочка делает строгое внушение коту. Голос стих и в гостиную чинно прошествовал Рыжий, за ним девочка с кружкой чая. Рыжий подпустил ее поближе, на расстояние одного шага и растянулся на пути. Однако сестрѐнка, видимо уже зная эту уловку, невозмутимо перешагнула его и, оглянувшись, показала язык. Кот, сделав вид что ему все равно, и улегся он исключительно в целях гигиены, стал деловито вылизываться.

— Безобразник, — вздохнула девочка и подвинула кружку поближе к Матфею. — Вот!

— Спасибо, прекрасная незнакомка, — пафосно проговорил Сидор.

— Я не незнакомка, меня зовут Яра, а вы? Вы — кто? — у Яры, аж шея от любопытства вытянулась.

— Кое-кто вытащил бы меня из пыльного кармана, я бы представился!

Матфей нехотя достал Сидора, и показал огонек девочке, надеясь, что она его все-таки не увидит.

— Ух, ты! — выдохнула Яра. — Это как Кальцифер из «Ходячего замка». А можно мне его подержать?

С сомнением посмотрев на шарик, Матфей все же протянул его сестре. Яра взяла огонек и бережно его погладила одним пальцем.

— Ты такой теплый, — восхитилась она.

— Меня Сидором зовут.

— Ого! Круть! И ты заколдованный дух огня?!

— Яра, ты извини, но... — прочистив горло, попытался вклиниться Матфей, почему-то ему не нравилось, что девочка так заинтересовалась Сидором, а о нем будто бы забыла.

— Да-да, я понимаю, это, наверное, ваша тайна! Я умею хранить тайны. Если уж совсем нельзя, то ладно... — расстроилась Яра и протянула Сидора обратно.

Она села с ногами в кресло, кот почувствовав, что у него объявились конкуренты, прыгнул ей на колени и вызывающе замурчал.

Матфей стал поить Сидора чаем. Но шарик видимых отверстий не предполагал, а инструкции Сидора, куда заливать жидкость, каждый раз менялись. После причетов и стенаний о том, какой у него друг гадкий тиран, и как он беспощадно ошпарил ему весь рот, хотелось одного — засунуть придурка обратно в карман и забыть, как страшный сон, но Яра робко вмешалась:

— А можно мне попробовать?

Матфей нехотя, но все же отдал шарик обратно сестре. В её руках Сидор притих, и Матфей, смог собраться с мыслями. Кот, обиженно задрав хвост, покинул их недостойное общество.

— Яра, — Матфей старательно подбирал слова, но все же, как ни крутил вопрос про себя, он все равно выходил глуповатым. — Почему ты со мной говоришь? И откуда ты меня знаешь?

— Потому, что я для того и родилась, чтобы говорить сейчас с тобой. Я ждала тебя всю жизнь, а ты все не шел, — упрекнула Яра.

— Почему ты меня ждала? Тебе папа, что-то рассказывал?

— Рассказывал, но ждала не поэтому, — Яра допила Сидора и отставила кружку, села в кресле поудобней. — Ты часть меня. Я знаю тебя, сколько себя помню. Почти вся твоя жизнь, все её самые яркие моменты — отображались в моих снах. Когда тебе было грустно, я об этом знала, знала, и когда тебе было весело...

— Это невозможно...

— Особенно я тобой гордилась, когда однажды ночью ты выбрался по старой яблоне из той комнаты, в которой я сейчас сплю, и отправился совершать подвиг.

— ...Яра, я не герой, и никогда никаких подвигов не совершал, — заулыбался Матфей, с облегчением понимая, что она просто насмотрелась мультиков.

— Разве это не подвиг — заступиться за слабого и убогого? — риторически обратилась Яра к Сидору. — Как-то старшие ребята с соседнего двора взялись травить бомжика — Ваську. Васька был дурачком — совсем глупеньким, но добрым — блаженный человек, как говорят в церкви. Вот они, то камнями его избьют, то подставят, то водкой напоют, и, пока он спит, убьют кошку, всего его кровью испачкают, и труп на грудь положат. Васька потом бежит с этой кошкой, плачет, что он убивец. Всем смешно, а ты его жалел, ходил с ним кошку хоронить. Однажды, увидев, что компашка опять Ваську обижает, ты возьми, и толкни самого главного со словами: «В час ночи у гаражей, подонок!». И вот ты шел один в темноте. Ты очень боялся. Главари ждали за гаражами не один — их было трое. Он встретил тебя словами: «Сейчас мы будем мелко убивать!». А ты заявил, что мелким людям — мелкие дела...

— Откуда ты все это знаешь?! — не выдержал Матфей. — Ты не можешь этого знать!

Матфей помнил этот случай, ему было лет одиннадцать, а пацанам уже лет по пятнадцать. Но восторгов сестренки не разделял. Начитавшись рыцарских романов, он возомнил себя Айвенго и нарвался на приключения. Он тогда был таким смелым, потому что не верил, что за хорошие дела можно реально получить по башке.

— Ну вот, на самом интересном перебил, блин! Что там дальше? Его побили? — нетерпеливо стал допытываться Сидор.

— Побили, — зная, что Сидор иначе не отвяжется, признался Матфей. — Я тогда в больничку загремел. Зато этого главного бандюгу отправили в колонию для несовершеннолетних. И над Васькой их компашка перестала издеваться.

— Сегодня тебя очень расстроило, что спилили твою яблоню, — продолжала Яра. — Прости, её пришлось спилить — дерево перестало плодоносить, а потом и вовсе зачахло. Той весной я посадила на её месте новое дерево. Яблонька еще совсем маленькая, но я ухаживаю за ней, и она скоро вырастет такой же красавицей, как та, которую ты помнишь.

Матфей ошалело разглядывал снимок на стене. В объектив попал осенний лист, оторвавшийся от дерева. Фотограф размыл лесной фон, а лист, наоборот, высветил. И каждая жилка в этом листе горела красным. В этом одиноком листике открывалось все совершенство, вся красота мира.

На фоне этого чуда Матфея выжигало осознание собственной ничтожности. Он никогда не горел желанием общаться с младшей сестрой, а она — все время его ждала.

— А я тебя совсем не знаю... — с крепчающим чувством вины, признался Матфей.

— Это ведь не страшно, — заверила его Яра. — Страшно будет, если ты не выдержишь, если ты не исполнишь предназначение.

— Что бы там ни было предназначено — это уже не важно, я умер! — возразил Матфей, отказываясь на корню от такой важной роли. Сестренка слишком много героизма ему

приписала.

— Но ты же еще здесь.

— Сидор тоже здесь, — указал Матфей на весомый, как ему казалось, аргумент в ее руках.

— Потому что нужен тебе, — она встала и отдала Сидора обратно Матфею.

— Пх-х! — вырвалось у Матфея. — Нужен, как заноза в заднице!

— Матан, тут она точно в яблочко — я тебе нужен. Так мне голоса сказали.

— Ты тоже их слышал?! — обрадовалась Яра. — Мне голос во сне шептал: «Он придет

Ты должна ему помочь».

— Помочь?

— Да. Я, когда маленькая была, — Матфея улыбнуло от сестричкиного «была маленькая» в прошедшем времени. Яра вообще говорила странно, то совсем по-детски, то как-то до жути по-взрослому, — все думала, вот чем я смогу тебе такая простая пригодиться? Как мне тебя защитить? Сверхсилы никакой — ни огни там метать, ни вещи двигать.

— Защитить?..

Перед Матфеем сидела маленькая худенькая девочка, которая готовилась защищать его — здорового лба под два метра ростом. Внутри затеплилось. Опять напрашивалась улыбка, но он подавил её, опасаясь задеть этим чувства сестренки.

— Да, я научилась хорошо стрелять, — с гордостью заявила Яра. — Папа рассказывал, что ты оружия боишься. Однажды я увидела мультик «Дикие лебеди», и поняла, что помощь бывает разная. И уметь драться мало. Нужно быть готовой ко всему.

— Яра, чтобы тебе ни говорили все эти голоса, ты ничего мне не должна, мне не нужно от тебя ничего... — сказал и понял, что этого говорить не стоило.

Яра, как-то сразу сникла, погрустнела. А Матфей никак не мог подобрать слова, которые смягчили бы прежние. Зато сумела Яра.

— Я хочу помочь не потому, что они попросили, — сказала она. — Ты же мой брат. Я знаю тебя, ты хороший человек. И если они попросили меня помочь, значит, мне это судьбой начертано. Тебе дано чуть больше, чем другим, но от того и гораздо меньше.

Матфей молчал, боясь еще чего ляпнуть. Сестренка ничем ему помочь, конечно, не смогла бы, вряд ли у нее есть силы, воскрешающие мертвых. Да и хотел ли Матфей воскреснуть? Тоже вопрос.

Он громко дохлебывал остывший чай. Обдумывая, как втолковать Яре, что родилась она не для него, а для себя, что она должна жить своей жизнью, а не фантазиями. Что голоса и даже этот их разговор можно объяснить научно. Что это ей, а не ему видимо, дано чуть больше, чем другим людям. Голоса и сны — это лишь часть ее подсознательного стремления избежать одиночества. Что он, Матфей, совсем не герой, не спасатель, что он — обычный парень.

— Яра, — подал голос Сидор. — Тебе ничего не нужно делать, чтобы помочь братцу, достаточно просто быть. Этот разговор — это и есть та помощь, которую они просили.

— Да, они мне это объясняли, но я все равно думаю, что кое-что небольшое я сделать смогу. Может, это хоть немного облегчит ваш путь.

Хлопнула входная дверь. В прихожей послышались возня и приглушенный разговор.

Глава 8. Символ солнца (часть 2)

Яра соскочила с кресла. Вся подобралась, как солдатик на посту.

— Это мама с папой пришли, — тихо прошептала она, поправляя платице.

— Яра, ты дома?! — раздался женский голос из коридора.

— Я в гостиной, ма!

В комнату вошел довольный отец в обнимку с женой.

Еще несколько недель назад отец обнимал и целовал маму. Сейчас же, как ни в чем не бывало, обнимает эту улыбчивую женщину. Но вспомнилось, как и мама, как ни в чем не бывало, обнималась у машины со священником.

Вновь все стало неоднозначным, запутанным. Черное не отделялось от белого и что такое «хорошо», а что такое «плохо»? — определить не было никаких сил и возможностей. Во взрослой жизни лишь пресловутая серая мораль правила бал.

— А ты что, гостей принимала? — спросил отец, бережно обнимая дочь, она казалась совсем крохотной в его здоровых ручищах.

— Ко мне Дима с Таней приходили, — кивнула Яра. — Сейчас все уберу.

— Уроки сделала? Ела сегодня? — строго спросила женщина, поправляя дочери хвостик.

— Сейчас сделаю, мне немного задали. Ела суп из холодильника.

Яра вырвалась из родительских рук, и быстро стала убирать посуду. Незаметно для всех кивнула Матфею на лестницу, мол, идите в мою комнату.

Когда-то здесь располагалась спальня Матфея, но сейчас в комнате не было ничего, что напоминало бы об этом. Теперь эта была девчОвая спальня на все сто процентов, хотя, к этим ста могла смело плюсоваться ещё единица: она складывалась из кучи мягких, розовых, плюшевых игрушек и чудовищного покрывала с обилием рюш на кукольной кровати.

— Немного чересчур, да? — оглядывая вслед за Матфеем спальню для барби, смущенно вздохнула Яра. — Папа считает, что так должна выглядеть комната девочки. Это его радует, и я терплю. Но когда-нибудь, наверное, придется сказать ему, что такая ваниль — это перебор.

— Ну, а у меня он всё по-спартански обставлял. Будь его воля, он бы и кровать на матрас заменил, — буркнул Матфей.

— Такой уж он, хочет, как лучше, но слишком увлекается.

— Яра, я могу завтра зайти, — вертя в руках розового слона, предложил Матфей.

— Нет, ты больше не придешь, — печально вздохнула девочка. — Мы увидимся лишь однажды.

— Это тебе голоса так сказали?

— Я понимаю, что тебе нужно идти, — игнорируя вопрос, отозвалась Яра и, наклонившись, достала из-под кровати коробку. — Вот тут у меня приготовленные для тебя подарки. Они вряд ли сильно уж помогут тебе, но, может быть, когда будет совсем худо, ты вспомнишь, что был любим, и тебе станет полегче.

Она достала из коробки часы. Точно такие же часы, какие когда-то дарил Матфею отец. Дорогушие, швейцарские, старинные. Они отцу достались от его отца. Семейная реликвия. Матфей сдал их в ломбард, когда понадобились деньги на лечение мамы.

Яра протянула часы Матфею. Он нерешительно взял их.

Нет, часы были не такие же — это были те самые часы, с маленькой царапиной возле циферблата и надписью: «От отца сыну».

— Откуда они у тебя? — удивленно спросил Матфей, не веря своим глазам.

— Отец никогда не бросал тебя, Матфей. Он знал, что вам нужны деньги, и знал, что от него ты ничего не возьмешь. Поэтому, когда ты сдал вещи в ломбард, он их выкупил. Он уговорил бригадира взять тебя на стройку. Он добавил к твоей зарплате половину, чтобы ты смог оплатить лечение мамы. Он никогда не оставлял тебя. Очень любил и скучал.

Яра протянула семейную фотографию, где девятилетний Матфей, щурясь на солнце, давит в камеру щербатую лыбу. Его обнимали, с одной стороны, красивая мама, с другой, радостный папка — счастливая семейка. Недолго им оставалось такими быть, тени еще не скользнули на их лица, но уже сгустились над головами.

Матфей молчал. Он понял, что если скажет сейчас хоть слово, то рискует разныться, а в кармане у него — Сидор. Поэтому он лишь смотрел то на фото, то на часы.

— А это вот от меня, — с этими словами Яра достала небольшую золотую подвеску в форме свастики. — На нее была огромная скидка, я уговорила маму купить. Мама долго отговаривала меня, мол, это нацистская свастика — плохой знак. На самом деле это символ солнца. Свастика выглядит немного иначе. Зло никогда ничего не создавало, оно умеет только исказить созданное добром. Яра... — она ткнула пальцем в себя, — это солнце. Это тебе от меня оберег. Помни, что я тебя очень люблю.

Яра подошла к брату и повесила на шею оберег, обняла. Матфей обнял в ответ, и на душе сделалось тепло и легко. Он улыбнулся.

— Спасибо, Яра, — прошептал он. — Я тебя тоже люблю.

— Ключ в твоих чувствах. Я не смогу пойти с тобой, братик.

Они спустились в коридор. Из гостиной монотонно жужжали новости.

Матфей замедлился, краем уха расслышал репортаж. По телу пробежал холодок.

Он замер на пороге и вслушался в тревожный голос диктора.

— *«Сегодня днем интернет взорвался очередными вирусными видеороликами. Уже на других площадках, таких как «инстаграм» и «вконтакте», молодые люди снова массово повторили сомнительный подвиг Константина Сидорова — произнеся монолог, направленный на разжигание ненависти, они публично совершили самоубийство. Сегодня власти приняли решение о полной блокировке интернета в стране.*

Президент выступил с речью, призывая молодых людей быть осторожными и не поддаваться психологическому давлению оппозиционеров». [1]

— Сидор, ты слышишь?

— Да.

— Это уже идет. Как бы нам выстоять, — расстроено, обхватив себя руками, прошептала Яра. — Я в вас верю. Матфей, ты справишься.

Матфей и хотел бы признаться, что она заблуждается, что ничего от него не зависит и он не герой, что он не может никого спасти. Но не стал. Он не хотел ее разочаровывать, ее вера в него и в его силы была настолько воодушевляющей, светлой, что разрушить такую веру казалось преступлением. Поэтому он, обняв её на прощание, сказал:

— Не бойся, я не дам случиться ничему плохому. У тебя есть папа и мама, и я. Мы защитим тебя от любой беды, — войдя в роль старшего брата, заверил сестренку Матфей.

Но она так посмотрела на него, что ему стало неловко за свой напускной пафос.

— Чему случиться дано, то случится. Главное останови это. Ну, всё, идите!

— Пока, Яра, — хором попрощались Матфей и Сидор.

На улице стояла глубокая ночь. Матфей с Сидором сидели на крыше и смотрели на город. Огни рекламы, новогодняя подсветка и редкие желтоглазые окна домов не давали звездам шанса быть увиденными.

— Она чудная, боюсь, ей будет непросто, — заметил Сидор.

Матфей держал его на открытой ладони, от чего рука замерзла и затекла.

— Жаль, что меня рядом не было и не будет, чтобы помогать ей. Ты прав, Сидор. Сестренка — это круто.

— Особенно, если она верит, что ты мессия, — хихикнул Сидор.

— А вот это мне совсем не понравилось, — возразил Матфей.

Устав держать Сидора на открытой ладони, Матфей осторожно сунул его обратно в карман, но так, чтобы часть шарика выглядывала наружу. Сидор не возражал: лишь спросил:

— А что, если это правда?

Матфей задумчиво стал лепить снежок.

— Ага, скорее ты, чем я. Вон у тебя уже поклонники твоего дурацкого флешмоба появились. Ты доволен?

Матфей запустил снежок, целясь в окно дома напротив.

— Честно? Нет. Тревога — она никуда не делась. Что-то грядет — жутковато напороочил Сидор.

Снежок ударился мертвой птицей в чье-то стекло. От чего Матфею сделалось не по себе.

— Сидор, я сейчас прям обосрался, — поморщился Матфей. — Хорош нагнетать, а?

— Ну, ладно, и что дальше?

— Я схожу к Ане и поеду на море.

— План неизменен, даже после того, как ты получил такие милые подарки для борьбы со злом?

— Знаешь, спасти мир с помощью семейного фото, часов и символа солнца — сомнительный план, если, конечно, человек не шизик, вроде тебя. Она маленькая, придумала себе всякое такое. То, что она нас увидела, можно же и с научной точки зрения объяснить. Яра способна видеть чуть глубже, чем обычные люди. А так как мозг не справляется, то находит странные объяснения всему, структурируя инфу во сне.

— Ничего более бредового я не слышал.

— Тебе надо было свои бредни на диктофон записать.

Матфей долго не мог решиться. Боялся идти к Ане. Думал и вовсе не ходить, а сразу в теплые края рвануть, но тянуло...

Было морозно. Люди торопливо бежали по домам, согнувшись в три погибели.

— Интересно, есть ли сравнительная социология по развитию сколиоза в зависимости от температуры среды обитания? — разглагольствовал Сидор из кармана.

Матфей холода не чувствовал. Ёжился скорее по привычке — зима все-таки.

Он в который раз шагал в сторону Аниного дома, и в который раз обещал себе и Сидору до него дойти.

— Она, может быть, переехала, — бубнил он очередную отговорку, чтобы не доходить

до её двора. — Или на учебе... Или на работе...

— Или дома, — назойливо подсказывал Сидор.

— Может, и дома, но занята, скажем, семьей — мужем, детьми...

— А кольцо у нее на твоих похоронах было? Ты в прошлый раз уже об этом сам с собой спорил. Двигаем уже, а то у меня ощущение, что, если я не увижу эту девку, так жизнь зря прожил. И почему ты о ней раньше не рассказывал?

— Потому что тебя это не касается, и она не девка!

— Да брось ты уже, бро, я с тобой повсюду таскаюсь, словно твое чертово альтер эго.

Какие могут быть секреты?

— Свои. В обмен на твои?

— Да у меня и секретов нет. Я, знаешь ли: *«Всем-всем, всем и каждому скажу, я, я, я секретов не держу, я, я, я не шкаф и не музей хранить секреты от друзей»*, — придурковато пропел Сидор.

— Ну-ну, только вот о вашем клубе самоубийц и его предводителя — ни слова.

— А какая теперь разница? Дело сделано. Ты все равно никого из тех людей не знаешь. Да и нужно ли тебе знать?

— Как ты туда попал?

— Меня на пиццу бесплатную приманили. И не только меня, много там студентов было и много жрачки бесплатной.

Вновь самое нелепое из объяснений было самым достоверным в случае с Сидором.

Матфей заметил дым за пару кварталов от Аниного дома. Прибавил шаг.

Горела двухэтажка, та самая, в которой она жила.

Кровь простукала дробью в висках, сердце заныло — огонь валил из Аниной квартиры.

Под окнами собралась толпа зевак. Пожарные еще не приехали. Из толпы доносились крики.

Он узнал этот голос, он не перепутал бы этот голос ни с каким другим. Сразу стало легче дышать — она в безопасности.

Матфей протиснулся вперед.

Аню держал здоровенный детина. Она кричала, пытаясь вырваться из его медвежьей хватки.

— Там мой брат! Там дети! Пустите меня!

Тетка в фиолетовом платке увещевала:

— Твой же дурень полез ужо в окно ради тебя! Тебе-то к чему в огонь, дура?!

Матфей, не вслушиваясь дальше, ринулся в подъезд. Подъездная дверь была закрыта, но он с испугу проскользнул сквозь неё. Взобрался на второй этаж и также, сквозь двери, нырнул в пылающую квартиру.

Огонь бился всюду, плотная завеса дыма не давала увидеть дальше своего носа.

Матфей застыл в прихожей, пытаясь сообразить, куда бежать.

Показался силуэт. Парень, кашляя, тащил на себе ребенка. Он шел сквозь огонь, как призрак. В задымленном помещении парень совершенно потерялся и шел не в ту сторону.

Матфей схватил его за руку и потянул к выходу. Странно, но парень, словно почуяв его хватку, двинулся следом. Нащупал дверь, слабеющей рукой отодвинул шпингалет, вывалился из квартиры.

На лестничной площадке их встретили пожарные, забрали мальчика, повели героя вниз.

Матфей с удивлением узнал в парне того самого Илью, что был с Аней на похоронах. Он оглянулся на полыхающую квартиру: вслед за ними оттуда выходил еще кто-то...

Сделалось зябко. Их было двое — девочка и мальчик. Дети шли, взявшись за руки. Сзади маячили силуэты мужчины и женщины, они стремительно бледнели и, обратившись в красные шарики, вроде Сидора, провалились под пол. Дети же остались, вопросительно глядя на Матфея.

— Ты проводишь нас к Ане? — поинтересовалась девочка.

Матфей кивнул и на ватных ногах пошел вниз. Дети зашагали за ним.

У входа суетились пожарные. Стояли скорые. Мальчик лежал на носилках. Тот же мальчик стоял рядом с Матфеем.

Матфей все понимал и ничего понять не мог. Он замер. Сжав кулаки и скрипя зубами, глядел, как Аня прорывается сквозь толпу к ребенку. Врачи, вначале суетившиеся вокруг носилок, опустили руки и стали расходиться.

— Почему вы ничего не делаете?! — возмущенно накинулась на врачей Аня. — Вадик?!

— Мне очень жаль... — хрипловатым голосом ответил врач. — Мы ничего не можем сделать... Мальчик умер, скорее всего задохнулся во сне. Безболезненно.

— Нет!

В этом «нет» было слишком много боли. Матфея повело. Он осел прямо на снег. По щекам текли слезы.

— Ни-ни-когда не любил эту дурацкую пижаму с лисичками, и в-все видят, что я в ней, — нахмурился стоящий рядом мальчик.

— Ты лучше на Аню посмотри, дурачок! Она плачет из-за нас!

— И что нам теперь делать? — Вадик потрепал Матфея за рукав.

— Бежать вам надать или, выражаясь современно, валить! — раздался сзади знакомый голосок.

Егорушка действительно был чем-то очень обеспокоен, но Матфей не шелохнулся, стариковские игры его задолбали. Не до игр ему сейчас было.

— Ох, ребятки, опоздал я, — старик побледнел.

Матфей посмотрел в ту сторону, куда устоялся Егорушка, и его парализовал страх.

Она была здесь. Совсем близко. Имя ей было смерть, имя ей было бездна. Ей не было имени. *Она* безымянна.

Дети, раскрыв рты, смотрели на нее широко распахнутыми глазами. Прямо в разверзнувшуюся бездну, а бездна вглядывалась в них. И не было ничего между ними и ею. Дети ежились под ее взглядом, обращаясь в золотые комочки. Беззащитные, маленькие комочки чистого света.

— Бяги, Матюшенька! Не спасти тебе деток! Спасайся сам!

Матфея обожгло огнем. Слишком тяжело ему пришлось в последнее время, накопившаяся ярость вспыхнула и забила пламенем. Яростным, злым. На старика, на жизнь, на смерть. Обожгло, запылало все внутри. В голове от злости помутилось.

Это был бунт — беспощадный и ужасный.

Матфей закрыл собой два золотых комочка. Шарики взвились ввысь и помчались в небо навстречу солнцу, чтобы слиться с ним в единый шар.

— Ооо, дурень! — с ужасом воскликнул старик.

Матфей с отчаянным криком помчался навстречу смерти.

Бездна, ощерившись, жадно сглотнула, приготовившись поглотить его душу.

Ярость вздулась алым щитом света. Свет ударил по твари. Внутри нее жалобно чавкнуло. Она отступилась, но поздно.

Свет Матфея пожирал равнодушную серость внутри неё. Серость с утробным звуком вылетела из-под капюшона россыпью пыли, взвилась к небу ядовитой копотью. Обожженные песчинки распаленной золой тлели по ветру. Остальной пепел злыми мухами разлетался по всей земле.

Матфей ослеп и оглох от жара собственной ярости.

Звуки возвращались медленно, еще медленней вернулась картинка происходящего. Точнее, картинка так и не вернулась — это была не та картинка.

Жарко в черном небе разливалась кровавая магма. Загустелый воздух забивался в легкие мелкой крошкой. Самое же гадкое было в ощущении перевернутого с ног на голову мира. И перевернутый мир давил на него.

Согнувшись в три погибели, что-то неразборчиво кряхтел Егорушка. Чуть поодаль, визжа, каталось по кровавому песку то, что осталось от твари.

Из кармана громко и путано ругался Сидор.

— Где это мы? — пересохшими губами прошептал Матфей.

— А ты буркалы свои разинь! В ад угодили мы, дружок, — крякнул Егорушка. — Разъярился ты ярилом своим опасным, и ярость твоя наделала дел...

— Я тут ни при чём! Это проклятая тварь нас сюда затащила! — прорычал Матфей.

Он сжал кулаки, намереваясь добить визжащую смерть в лохмотьях. И так было тошно, а этот душераздирающий визг просто добивал.

Матфей кинулся туда, где ползало поганое существо. Сдернул продырявленное тряпье и застыл над увиденным. Визг оборвался. Она замерла под его взглядом.

Матфей не мог отвести глаз. Белая-белая кожа, словно высечена из нежнейшего мрамора. Волосы черные, густые, до самых пят. Она в них запуталась, как в сетях, но сеть не прикрывала всего ее белого тела. Не прикрывала талию хрупкую, тонкую, не прикрывала молочную грудь с бутонами нераспустившихся роз.

Матфей и рад бы спрятать её от своего же взгляда, но взгляд все полз от стройных ног к груди, и останавливали этот беспокойный, жадный взгляд только её глаза. Глаза цвета сирени, что смотрели на него в полузабытье. С болью и мольбой.

Таких глаз он не видел никогда, и вместе с тем видел постоянно: во снах, в своих рисунках. Он узнал ее. Девочка из снов. Девушка, из подсознания, его вдохновение, воплощение его идеалов, его грез о совершенстве.

Разве может она существовать наяву? Бред какой-то, игра разума, обман грязной старухи, чтобы он ее пощадил. Но какой красивый обман...

— Добей, — охрипшим от визга голосом просит она.

— Что ты, на хрен, такое?!

[1] Официальный источник новостей

Глава 9. По ту сторону безразличия (часть 1)

Мысли путались, набегая одна на другую, как волны во время бури. Мысли разбивались о скалы событий и сыпали мелкими, колючими брызгами. На теле не осталось живого места, и оно саднило, будто его завернули в стекловату.

Крик звенел в ушах. Огонь сжигал изнутри. Она горела. Падала. Кричала. Холодные касания. Ледяные руки хватали и утаскивали её во тьму.

Темнота пахла плесенью и сырой картошкой из погреба, в котором Аню заперли дворовые мальчишки. Она долго сидела под землей и сочиняла в темноте светлячков.

Светлячки горели красными огоньками и рассказывали о царстве мертвых глубоко под землей. Там, глубоко, все они сливались в единое ядро, образуя коллективное сознание и синхронизируя свои чувства, такие как: обида, горечь и боль за содеянное зло — они осмысливали свои преступления. Только через раскаяние души вновь могли вернуться к жизни за вторым шансом, исторгаясь магмой на Землю.

Вытащил Аню папа. Молодой, с живыми глазами. В том самом кашемировом пальто, что теперь носила Аня в память о прошлом. Он казался несокрушимым героем из мультфильмов. Прижимал к груди, ругал мальчишек, заперших Аню, обещал навалить им при встрече. Учил, как надо бить по носам. Он вернул её домой, к маме.

— Тише-тише, Нюточка! Спи, моя кроха, усни! Мама не даст тебя в обиду. Спи.

Под боком у мамы тепло. Мама пахнет зубной пастой и кедровыми орешками. За ней так легко спрятаться от всех бед.

Сосны вонзились кронами в серое небо. Ленивый свет обнимает их стройные стволы. Земля отталкивает нависающую сталь небес, источает могильный холод.

Как она оказалась в земле?

Смерть. Аня давно должна была уйти с ней. Она с детства знала, что ее судьба умереть ребенком. Но мама не отдала ее смерти. Мама решила, что Аня должна жить. Мама тогда еще до конца не понимала, что за жизнь всегда платят смертью.

— Ты будешь жить, Нюточка. Тебе сделают операцию, и все будет хорошо. У нас с тобой идеальная совместимость. Я стану донором.

Аня не выбирала, ей было только шесть. Она не могла выбирать.

— Ты — мое солнышко. Главное — ты будешь жить!

— Она умерла из-за тебя! Дитя смерти! — бессвязно бормочет отец, когда Аня пытается затащить его в дом, чтобы он не замерз пьяный на улице.

Он просто пьян. Не слушать его. Но слова забираются в душу, ранят навсегда.

— Она бросила меня одного! — пьяно цедит отец. — Лучше бы ты умерла! От тебя одни неприятности! Ты, как Екатерина Медичи — несешь за собой смерть.

«Да, от меня одни неприятности. Я несу смерть».

Жжет. Горит голова. И больно в груди.

Старик Егорушка наползает из темноты.

— А ты, деточка — должна страдать! Судьбинужка у тебя такая!

Нет. Не хочет Аня такой судьбы.

Она пытается быть счастливой. Отталкивает от себя старика. Он навис над ней. Егс губы, сухие и тонкие, проваливаются в черноту зева. И лик перед ней уже не стариковский, а тот, что древнее всякого слова, всякого имени. Она не может вынести его истинного облика.

Голову жжет. Тишину пронзают крики. Её крики.

— Губит людей не пиво, — поет старик на кухне, а отец вторит ему: — Губит людей вода.

— Твои страдания способны зажечь свет в пустоте.

Это она несет смерть. Из-за нее они все погибли. Все, кого она любила в этой жизни, их больше нет. Мама, Матфей, Вадик, отец, Аришка... Она несет за собой лихо. Она виновата.

— Солнышко моё!

— Мама, зачем ты умерла вместо меня? Ты нужна мне.

Горит в голове. Горит пламя. Пожар. Ее тело в пожаре. Крики! Крики разрывают голову.

— Ну, что ты, доча? Не убивайся так, солнышко моё.

— Мама, — шепчут пересохшие губы. — Mamочка.

— Я здесь. Я с тобой! Ты справишься и всех нас спасешь!

А на губах соль, как после купания с мамой в соленых озерах. В тех водах, где нельзя утонуть.

***

— Рили, собираешься валяться, притворяясь больной?

Аня вся мокрая лежала на больничной койке. Волосы налипли на лицо. Дышать было больно. Голова тяжелая. Она силилась осознать происходящее, но смысл ускользал от неё.

— Ты меня вообще слышишь?! Камон. Нервная горячка — это диагноз, выдуманный истероидными дамами 19 века из-за недостатка мужского внимания. От твоей банальной истерики я бы прописал пару оплеух.

Аня видела Илью через замутненное стекло искалеченного сознания, в нём мерещилась серая бездна. Он сидел на стуле, закинув длинные ноги на больничную тумбу. В руках книга. Илья читал, изредка поглядывая на Аню поверх страниц и бросаясь откровенной ерундой, вроде:

— Довольно живенько твой Федор Михайлович рассказывает о совращении девочки в главе «У Тихона». Я даже слегка возбуждился. Мастер слова, что тут сказать! Хочешь, почитаю вслух?

Во рту сухо, от чего язык кажется большим, неповоротливым булыжником.

— Уходи, — получается хрипло и едва слышно.

— И как такая правильная девочка может любить такого неправильного дядю? — продолжал Илья. — Дядю, сублимирующего в романе склонности к педофилии. Ай, как не хорошо. Неспроста современники, типа Тургенева, не любили этого хуманиста за грязные шуточки.

Тело Ани ломало. Оно ныло. Мешались раскосматившиеся влажные волосы. И очень хотелось воды.

— Уходи, — как будто ворона каркает где-то над ухом.

Хочется пить, но нет сил подняться, а Илью просить она ни за что не станет.

— Да изи. Вот только, знаешь ли... — он встал и подошел к окну, загоразивая собой тусклый серый свет. — Тебе тут недолго валяться в комфорте, — он брезгливо поморщился, осмотрев палату. — Ну, ок, в относительном комфорте. В любом случае, не в общей палате с другими психами. Ведь за тебя главврача умоляла... Как ее? Старуха здесь шастает?

— Ольга Егоровна, — прошептала Аня и закашлялась.

Илья взял стакан с тумбочки и поднес его к её пересохшим губам. Аня жадно припала к

воде.

— Она самая, — согласился он. — Но главврачу эта каморка самому нужна, сама понимаешь. Долго он на уговоры бабушки вестись не будет. Сколько на общую палату приходится психов? Ты ведь, насколько мне известно, тут работала, знаешь, что психи любят делать с другими психами по ночам? И действие нейролептиков тоже, надеюсь, знакомо. Чувствуешь же, как феназепам с тобой хорошо поработал. А дальше больше.

Аня поперхнулась и закашлялась. Вода изо рта брызнула во все стороны. Илья отпрянул и, морщась, стал старательно вытираться салфетками.

Она знала все прелести психушки и лекарств, которые скорее добивали психику больных, чем лечили её. Но деваться ей было некуда, да и незачем. Какая теперь разница, что будет? И будет ли что-то вообще?

Может, пока за ней нет присмотра, стоит покончить с этим? Покончить, пока не поздно, пока еще кто-нибудь не умер из-за неё? Ведь она проклята.

— Уходи.

— Ну, как же я могу бросить даму в беде, — ухмыльнулся Илья.

Её больше ничего здесь не держало. Главное сделать все правильно. Резать вены нужно вдоль, а не поперек. Кровь будет капать на холодный кафель. Отключится Аня быстро, осядет на посеревший от времени кафель. Её тело найдет санитарочка, поднимет крик.

И никто о ней не заскучает, не заплачет. Она теперь совсем одна.

Кроме, разве что... Здесь работала старенькая женщина, которая просила за неё. Что если Аню обнаружит Ольга Егоровна?

Одинокая старушка когда-то прикипела к Ане сердцем, а ведь сердце у нее совсем больное. Оно может и не вынести такого зрелища. Аня так живо нарисовала перед глазами Ольгу Егоровну, хватаящуюся за грудь, что сразу расхотелось стать тому причиной. Глупость сгенерировалась, и никак не хотела развенчиваться, хотя бы тем фактом, что Ольга Егоровна на своем веку и не такое видывала. Аня же назначала для своей смерти слишком высокую цену.

— Думаешь вскрыться? — вклинился в мысли голос Ильи.

Она успела забыть про него. Как же он был самодоволен — до тошноты. Привиделось, что это он найдет её труп в туалете. На пару мгновений остановит на ней равнодушный взгляд и брезгливо отвернется. Он пойдет по жизни дальше и никогда не оглянется на больничный туалет, никогда не вспомнит про девушку, которая там умерла.

Захотелось жить вопреки этому всепоглощающему безразличию. И вновь расхотелось.

Зачем он здесь? Развлекается? Какие у богатых мальчиков жестокие забавы и аппетиты растут день ото дня.

— Что тебе нужно? — спросила она, надеясь поскорее избавиться от его присутствия. Взять с неё все равно было нечего, и как только он это поймет, то исчезнет.

— Предлагаю помощь, — неожиданно озвучил Илья.

— Ты ничем не можешь мне помочь.

— К примеру, я могу помочь похоронить останки твоих близких. Или ты об этом еще не думала? Хочешь, чтобы закопали в общей безымянной могиле, как безродных псов?

Аня действительно была большой эгоисткой, она и не вспомнила про свой священный долг — похоронить родных по-человечески. Она даже не знала с чего и на что всё это начинать вспоминать. Но помощь Ильи казалась помощью нечистой силы. Она ни на грамм не верила в его доброту и бескорыстие — ему что-то от неё было нужно.

— Мне нечего дать взамен, — призналась она.

— Ошибаешься, — усмехнулся Илья. — Человек — это ресурс. Я помогу тебе с похоронами. На время своих трудностей поживешь у меня. А взамен, когда понадобится, ты поможешь мне.

— У меня ничего нет! — повторила она, уже понимая, что всё равно согласится, потому что другого выхода она не видела, а искать его не было сил.

— Это пока, — загадочно пожал он плечами.

Аня прикрыла глаза и с горечью заметила:

— Как в той сказке: пообещать то, о чем не знаешь, что оно у тебя есть?

— Что-то типа того.

— Там все эти обещания плохо закончились.

— А я-то думал, что с этого и началась сказка, — резонно подытожил он. — Собирайся, у нас много дел.

***

Аня с Матфеем шли мимо палатки с цветами. Продавщица окрикнула их: «Молодой человек, порадуите девушку розочкой, я скидку сделаю». Матфея предложение не заинтересовало.

Тогда это её задело, хотя, по обыкновению Аня не подала виду. Только все думала о том, что ему для неё жаль цветочка. Он ей ни разу даже сирень не дарил, хотя всем девочкам по весне мальчишки носили охапками. Одноклассницы между собой долго потом хвалились, как сильно они любимы «вторыми половинками» и делали красивые снимки с букетами и своими хмурыми половинками для соцсетей.

Дело было даже не в цветах — ей не перед кем было ими хвастать и некуда с ними фотографироваться, обижало скорее то, что Матфей не воспринимал её, как ту девушку, которой можно и нужно дарить цветы.

Уже прощаясь, Матфей, словно бы почувствовав ее обиду, смущённо признался:

— Ты знаешь, Ань, мне кажется, если у смерти есть запах, то она пахнет цветами. Хрень, конечно.

Он протянул ей шоколадку и зашагал прочь широкой пружинистой походкой.

У Матфея было много странностей, и все они были настолько не от мира сего, что лишь добавляли ему очарования. Вот и тогда она вмиг забыла про обиду и улыбнулась.

А сейчас Аня поняла, что смерть действительно пахнет цветами.

Полупустой прощальный зал. Приглушенный свет. Черные шторы. Погребальные венки. В открытом гробу — Вадик, остальные в закрытых, отчего начинаешь сомневаться, а там ли они вообще?

На Вадика смотреть было невмоготу. Подумалось, что лучше бы и не открывали, как остальных. Их она запомнит живыми. Вадик же навсегда останется в памяти мертвым.

Странно было ничего не ощущать, будто пожар выжиг всю боль и печаль. Только ноги то и дело предательски подгибались, и темнело в глазах. Тогда приходилось или тяжело опираться на Илью, или садиться на скамейку. Все происходящее виделось, как будто со стороны.

Илья, как всегда, вел себя спокойно и отстраненно. Механически придерживал её за локоть. Иногда пропадал, отдавая какие-то распоряжения.

Шепотки. Таха всхлипывает над гробом Вальки. Из их братии только старик Егорушка

постеснялся прийти, остальные же припёрлись с заметной надеждой, что им нальют, поглядывали по сторонам.

Когда гробы вынесли, к Ане подошла зареванная, уже подвыпившая Таха, протянула помятую коробку из-под обуви.

— На вот, Егорушка просил передать, на случай если, того, сам не сможет прийти, — хрипло сообщила она и, всучив Ане коробку, пошатываясь, побрела прочь.

Аня и рта не успела открыть. Отложила презент, не посмотрев, и чуть не забыла в прощальном зале. Коробку, брезгливо держа через платок, сунул в багажник Илья. С таким видом, будто это и не коробка, а ящик Пандоры. Платок он потом выкинул и долго вытирал руки влажными салфетками.

Похоронили всех рядом. Пятнадцатого декабря. Снег шел большими хлопьями. Все побелело, даже небо. Протоптаные тропинки с вдавленными в землю гвоздиками указывали покойникам дорогу к дому, в который им уже никогда не вернуться.

Над могилкой детей поставили памятник — ангела, обнимающего их души крылами. Отца закопали рядом с матерью, а Вальку с детьми чуть в стороне.

Комок мерзлой земли Аня кинула только в могилу отца. Он глухо, камнем стукнулся о крышку гроба. Больше она никому не смогла кинуть земли, рука не поднялась. А потом в машине ехала и жалела, что не кинула — ведь неспроста придумали, что нужно кидать.

И слез не было. Больше совсем не осталось слез, и за эту сухость тоже было стыдно. И за то, что в этот момент она думает о том, что ей за что-то стыдно, делалось совсем гадко.

***

Илья привез Аню к одному из самых высоких и современных зданий в городе. Первым делом, открыв багажник, он указал на Егорушкину коробку.

— Забирай эту дичь.

Они поднялись на вершину небоскреба. И прямо из лифта зашли в роскошную квартиру. Потом Илья вставил ключ и ввел какой-то код, запирая лифт.

Аня, ежась, плелась за Ильей. Квартира была двухэтажной. Он показал ей кухню, гостиную, тренажерный зал, библиотеку. Потом они поднялись на второй этаж. С лестничной площадки в разные стороны расходились двери. Илья махнул влево.

— Там моя территория, — сказал он, и повел ее в правую дверь. — А ты будешь жить тут.

Предложенные апартаменты: гостиная, спальня, ванная комната и гардеробная, были раз в десять больше всей сгоревшей квартиры Ани. Тяжелые занавески на панорамных окнах, картины, высокие потолки, мебель в духе царских дворцов — казалось, что она в музее. Единственное что порадовало — пианино цвета слоновой кости.

Илье кто-то позвонил, и он уехал. Не сказал куда и на сколько, только у лифта небрежно отмахнулся, что по делам. Она и не выпытывала, чувствуя скорее облегчение, что осталась одна. Илья действовал ей на нервы, вызывая тревогу и страх.

Аня побродила по квартире. Среди всей этой чужой обстановки ей сделалось так жутко и тоскливо, будто она призрак.

Посидела на огромной кровати с балдахинами. Встала.

Чуть поодаль стоял диван. Она легла на него, свернувшись клубочком и задремала. Замелькали беспокойные картины снов. Один из них особенно запомнился.

Маленький мальчик с синими глазами в манеже трясет погремушкой единорога.

Расплывается сам себе в добродушной улыбке. И вдруг его контуры начинают светиться синеватым светом, свет поглощает в себя мальчика, а когда тускнеет, из него появляется золотисто-белый единорог. Вернеежеребенок единорога. Он взмахивает крылами. Гарцует под потолком, из рога бьется сноп синего света. Свет наталкивается на едва заметные колебания воздуха и пробивает его, образуя не то проход, не то портал, за которым виднеется дивный сад. Жеребенок, радостно заржав, устремляется туда...

Когда Аня открыла глаза, взгляд её уперся в ту самую коробку, которую Таха передала ей от Егорушки.

Коробка чужеродно стояла на белоснежном, с золотой инкрустацией журнальном столике. Обычная коробка из-под дешевой обуви. Даже страшно представить, что этот полубезумный старик мог туда засунуть в качестве прощального сюрприза.

Аня взяла коробку, села на пушистый белоснежный ковер, подумав, как тяжело, наверное, сохранять его белизну и пушистость. Открыла, и глаза округлились.

Каким образом вещи из ее сгоревшей квартиры могли попасть к Егорушке? Каким образом ему удалось их спасти и зачем? И на похороны не явился... Что если — это он поджег её дом? Аня вспомнила старика и отогнала от себя эти мысли — при всей своей ненормальности он не был злодеем.

Она сосредоточилась на сбереженных, дорогих ей вещах. Портрет, который нарисовал Матфей для Ани еще в школе. Надпись на обратной стороне была смазана от её слез: «Ты хорошенькая. М.Ж».

На портрете Аня, действительно, вышла хорошенькой. Она вспомнила, как долго он ее рисовал, а она должна была сидеть неподвижно и улыбаться, отчего аж щеки сводило. Матфей так смотрел на неё, что по телу пробегала тёплая волна. Тогда было настоящей каторгой сидеть и не двигаться, а сейчас она все отдала бы за то, чтобы посидеть вот так перед ним.

Комикс Матфея, который Аня отобрала у Ильи на похоронах, тоже лежал здесь. Она тогда толком так и не полистала его — все было не до того, да и не хотелось расцарапывать свою боль и тоску.

А теперь торопиться уже и некуда. Боль больше не имела над ней никакой власти.

Аня открыла первую страницу и стала рассматривать картинки. Главная героиня — девушка с черными, густыми волосами до самых пят и глазами цвета сирени. Она походила на эльфийку, тоненькая в кости, воплощение хрупкости и женственности. Девушка не то, что вписывалась в современные стандарты красоты, но завораживала и притягивала взгляд. Эта красота была вне стереотипов, вне времени, вне критики...

Интересно, чьим образом Матфей вдохновлялся? Может, это какая-то модель или актриса? Хотя, вряд ли. Таковую, раз увидев, Аня никогда бы не забыла, и транслировали бы её образ отовсюду. Нет, девушка, скорее всего, если и существовала, то в окружении самого Матфея — рядом с ним. Только, наверное, рисуя, он её приукрасил, как и Аню, когда-то. Кольнуло ревностью, Аня поймала себя на том, что начинает сравнивать. Слотнула подступившую к горлу обиду.

Стала всматриваться в историю. По сюжету девушка — бездушная княжна, которая высасывает души фаворитов через поцелуй. В конце она убивает поцелуем блаженного дурачка на паперти, которого Матфей нарисовал с себя. Деревенские жители хватают её и ведут на костер. Предпоследний кадр, она горит, и огонь расплавляет её прекрасные черты в

жуткую гримасу. Последним кадром на пепелище сидит тот самый дурачок Матфей, судя по прозрачности — призрак и, держа обгорелый череп девушки, наклоняется к нему для поцелуя.

Атмосфера и сюжет комикса были настолько мрачными, что Ане сделалось не по себе. Нет, стать музой такого кошмара ей совсем не хотелось. Она отложила комикс, тряхнула головой, отгоняя жуткие картинки — своих хватало, и переключилась на другие вещи в коробке.

Взяла в руки рисунки Вадика и неординарное решение задачи Арины, за которое её хвалила учительница. Аня тогда вырвала листок с двумя пятерками из тетрадки и повесила на стену. А вот и фенечка, которую для неё сплели из мулине Вадик с Ариной. Она редко её носила, потому что украшения на работу нельзя. Аня повязала фенечку на запястье.

Мамина фотография. Мама такая красивая в вечернем платье. Смущенно улыбается, будто стесняется своей красоты.

Аня прекрасно представляла себе эту сцену. Папа фотоаппаратом ловит мамину улыбку и не может сдержать своей. Её папа. От папы у нее ничего не осталось...

Хотя... Аня заглянула в коробку. На дне каким-то чудом уместилось отцовское кашемировое пальто. Она вытащила его, обняла. Оно до сих пор хранило запах его сигар, которые он курил до того, как все случилось.

Встретятся ли они с мамой там, по ту сторону жизни?

Нет, Аня знала, что по ту сторону — ничего нет, лишь покой. Но покой — это не так мало. Теперь, когда близкие упокоены в земле, она могла уйти следом за ними. Но она уже не может уйти. И дело было даже не в обязательствах, которые она сегодня почувствовала перед Ильей. Ей просто хотелось жить. Она пока не понимала, как жить, когда так больно, но жить, несмотря ни на что, ей хотелось. Жить, хотя в жизни исчез всякий смысл.

По телу пробежал холодок. Она подошла к роялю, ласково погладила дорогой инструмент, села перед ним на высокий круглый стул. Длинными узловатыми пальцами, над которыми часто подсмеивался Матфей, откинула крышку, обнажив клавиши.

Когда-то, когда еще была жива мама, к ним домой приходил учитель музыки и пророчил Ане большое музыкальное будущее. Восхищался её длинными, сильными пальчиками и тем, с какой быстротой она схватывала материал. Когда мама умерла, учитель приходит перестал, вместо него появился Егорушка.

Вспомнился фильм: «Лабиринт Фавна». Когда она его посмотрела, до ломоты хотелось сыграть ту мелодию, что сочинил к фильму Хавьер Наваррете: «Много-много лет назад».

Аня стала напевать, беря звук на пробу. Пальцы легли на клавиши. Холодные льдинки согреваясь, задвигались под руками. Напев грустный, щемящий полетел свободней. Это был напев маленькой девочки, что потеряла всю семью и спряталась в сказочный мир грез.

Она вся ушла в музыку. Вся отдалась ей. Уже казалось, что между ней и музыкой нет никаких границ, что она сама и есть эта музыка, и больше ничего нет.

— Кек, у всех, живущих здесь женщин тяга долбать по клавишам? — Аня вздрогнула, подняла взгляд. Илья стоял у окна, кажется уже довольно долго. — Техники тебе, конечно, не хватает, но компенсируешь напором и голосом.

Глава 9. По ту сторону безразличия (часть 2)

Илья с ближайшими последователями заседал в подвале своего клуба. Всё здесь, начиная от освещения и заканчивая интерьером, работало на атмосферу величия и таинственности. Естественно, восседали соратники за круглым столом, и все присутствующие обрядились в балахоны.

Илья давно заметил, как легко манипулировать людьми через устоявшуюся символику — достаточно обратиться к архетипичным образам или сакральным цифрам, и люди, цепляясь за них, преисполнялись такой верой и пафосом, что можно было делать с ними всё, что только пожелается.

Революционный совет Илья назвал: «Апостолы Хаоса», и членов соответственно в нём числилось двенадцать, не считая самого Илью, который был тринадцатым. Ему нравилось это глумление над святынями. А эти идиоты действительно считали себя приближенными к богу и очень этим дорожили.

Перед ними раскинулась карта Рашки. Все деловито, с глубокомысленным видом пялились в неё. Кир — белобрысый, ушастый парень, даже привстал с места и начал водить по карте пальцем, загадочно шевеля губами.

Остальные недовольно поглядывали на него, опасаясь, что он может знать что-то важное, что не доверили им самим. Находчивый Веня достал органайзер и деловито делал пометки.

— Нам нужен общественный резонанс. Нужно, чтобы общество еще раз хорошенько трянуло. Камон. Есть идеи? — открыл Илья совещание, напустив в голос побольше пафоса.

Двенадцать «апостолов» Хаоса покосились друг на друга. Идей ни у кого, по всей видимости, не имелось, зато имелось большое желание продемонстрировать свою значимость и посвященность, но страх выглядеть глупо сдерживал амбиции. От этого диссонанса «апостолов» слегка корежило. Голос подал Максимка:

— Мы могли бы использовать ту девчонку, ну, ту, с пожара?...

— И как же? — с напускной заинтересованностью спросил Илья.

— Мы можем устроить теракт, — выдал «гениальную» мысль Максимка.

В очередной раз тупость окружающих подтверждалась фактами. Этот идиот думал, что если, как попугай, повторять все, что говорит Илья, то можно выслужиться. Это было скучно и утомительно. Какая же серая шваль кругом.

— И как же мы его устроим, Макс? — ласково стал допытываться Илья, поглаживая пистолет в кармане.

— Ну, не знаю, мы типо можем её заставить, и она пойдет в ТЦ какой-нибудь и того, все, — сбивчиво изложил Максимка.

— Заставить взорвать себя... — задумчиво повторил Илья, будто вправду можно было серьёзно раздумывать над таким тупым предложением. — А вы что думаете?

— Ну, типо можно, — осторожно согласился Дэн, зыркая на Илью из-под опущенных ресниц вишневыми линзами. Другие еще более осторожно закивали. Стадо баранов, а ведь он самых толковых на фоне бестолковых отобрал.

— И как мы её заставим? — продолжал играть Илья, глубокомысленно потирая подбородок. У него уже очень убедительно получалось показывать эмоции — тренировки не прошли даром и пипл хавал его актерскую игру за милую душу.

— Можно сказать ей типю, что мы её убьем, если она не согласится, — окончательно осмелев, кинул вариант Максимка.

Пистолет был сделан в Европе на заказ — ручная работа, один такой в мире. Илье нравился этот пистолет. А вот пользоваться еще не приходилось.

— И как я сам-то не додумался, — хлопнул себя по лбу Илья, внутренне отмечая, что явно уже переигрывает.

Лицо Максимки отобразило триумф победителя, и тогда Илья достал пистолет и навел его на безмозглого инициатора.

— Илья, за... За что?! — ошеломленно пискнул Максимка.

— Убей себя сейчас же, — спокойно приказал Илья, показные эмоции мигом слетели с его лица, обнажив холодное презрение. Перемена случилась, так быстро, что «апостолы» зависли, пытаясь перестроиться под жожака. — Иначе тебя убью я.

— Я... Я не буду! Не стану я этого делать! Понял?! — предсказуемо заупрямился Максимка.

— Ты так в этом уверен? — улыбнулся Илья.

— Лучше тогда ты, чем я, — упавшим голосом выдохнул Максимка.

Как же быстро он сдался. Лёха хоть боролся за себя, а эта амёба, даже не спорит. Даже играть скучно, ну, как же скучно и предсказуемо всё!

— Значит, твоя идея отстой. Еще идеи? Кир? — переводя пистолет на белобрысого парня, спросил Илья. — Как заставить девчонку взорвать себя и пару сотен человек?

— Можно, — Кир в ужасе сглотнул и стал судорожно водить пальцами по столу. — Пытать её.

Илья выстрелил. Кир взвыл, схватившись за руку. Остальные испуганно нагнулись к полу.

— Убей себя!

— Иди к черту! — забывшись от боли, рыкнул парень.

Илья выстрелил еще раз, в другую руку, пуля лишь слегка оцарапала Киру плечо.

— Убей себя! — требовательно повторил Илья.

— Ублюдок, сраный урод! — матюгался белобрысый.

Илья вытащил из кармана нож и подошел к Киру. Теперь одна рука была занята пистолетом, а вторая ножом.

— Ты прав — пистолет плохой способ пытки. Слишком всё быстро. Какая часть тела тебе нравится больше всего?

— Зачем ты это делаешь? — захныкал парень.

— Ты сказал, что пытки верный способ заставить кого-то убить себя и других. Вот мы и проверяем твои слова эмпирически. Научный метод — ничего личного.

— Ты чокнутый ублюдок!

Илья махнул рукой, и на пол плюхнулось окровавленное ухо. Белобрысый медленно опустил взгляд на часть своего тела и стал так же медленно оседать вслед за ним на бетон.

— Ну вот, пытки — не очень хороший вариант, — с сожалением, вздохнул Илья. — Какие еще есть предложения?

В комнате сделалась тихо-тихо.

— Вы разочаровали меня сегодня. Завтра мы продолжим совет. Хотя мы уже вчера должны были действовать! — пафосно подытожил Илья, доставая салфетки и вытирая брызнувшую на лицо каплю крови.

Илья на расслабоне пошел к выходу, но ему в спину, едва слышно кинули непростительное обвинение.

— Сам-то тоже ничего не предложил.

Илья резко повернулся на бабий голосок. Конечно же, слова принадлежали Нине — единственной девушке среди «апостолов». Её совсем недавно протащил в совет Веня, заменив ею поехавшего после убийства бомжа Лёху.

Веня был в своё время очень полезен. Бывший детдомовец, которого развели добрые друзья на квартиру. До встречи с Ильей Веня жил скверно — в теплотрассах, питаясь тоже скверно — с помоек. А после стал его верным псом. Нина же была Вениной девушкой из того самого детдома, они вроде как с самых пеленок вместе.

Встретившись с Ильей взглядом, Нина сжалась и пошла красными пятнами. Веня мог бы уже себе тёлку и покрасивей позволить — не по статусу ему была Нина. Илья не понимал, почему Веня её не только не поменял, но и наоборот — держался за эту мышь, как за самое дорогое в жизни.

Илья поднял пистолет и задумчиво навёл на Нину. Краем глаза видя, как с противоположного конца комнаты дернулся Веня на защиту своей тупой суки. Как же все было предсказуемо и скучно.

— Не трогай её, Илья, — умоляюще попросил Веня, но с металлическими нотками, твердо, через судорожно сжатые зубы, сдабривая просьбу явной угрозой.

— Не буду, Веня, я же не урод какой-нибудь, — примирительно улыбнувшись, пообещал Илья и перевел пистолет с девушки на Веню. — Камон, выбирай, Нина. Он или ты?

— Ты не сделаешь этого! — судорожно выдохнула она.

— На счет, скажем, тридцать три, можно будет сказать чиз и вылетит птичка. И я это сделаю, детка. Максимка, Камон, озвучь время. И, плиз, будь выразителен, как в кино.

— Раз, — дрожащим голосом выдохнул Максим. — Два. Три. Четыре...

Девушка в панике смотрела на Веню. Веня закрыл глаза. Он будто разрешил ей выбрать себя, а не его.

— Ладно-ладно, прости-прости, что я так сказала, — быстро затараторила Нина.

— Семь, — отчеканил Максимка.

— Ну что ты, я не обижаюсь, — успокоил её Илья, продолжая игру.

— Десять.

Она посмотрела на него, потом на Веню. Сглотнула ком в горле.

— Хорошо, я поняла. Но у меня нет пистолета, — прошептала Нина.

— Нина, нет! — процедил Веня. — Не надо!

— В столе лежит запасной пистолет. Подайте его даме. И поживее, — попросил Илья.

— Пятнадцать.

Дэнчик, подсуевившись, протянул Нине пистолет. Она взяла его дрожащей рукой.

— Двадцать.

— Не смей Нина! Дура! Ты мне нахер не нужна! Пошла нахер! — уже орал Веня.

Девушка приставила пистолет к виску.

— Так, я сделаю, только не трогай его, — попросила она.

— Двадцать три, — проговорил Макс.

— Веня, я тетя люблю... ты, знаешь.

— Нет! Нина, хрень, он не стрельнет!.. Ты!.. Он!.. Нина! — не своим голосом орал Веня.

— Двадцать семь.

Веня, не выдержав, кинулся к девушке. Но добежать не успел.

Нина зажмурилась и щелкнула пистолетом у виска.

Медленно открыла глаза, еще не веря себе. Перевела взгляд на пистолет на себя, на Илью, на Веню. Веня свалился на колени и разрыдался.

Илья убрал свой пистолет.

— Повезло, забыл зарядить, — извиняющимся тоном сказал Илья. — А ты говорила у меня нет предложений. Только мои, в отличие от ваших, работают, — презрительно добавил он на прощание и вышел.

Тёлка, конечно, дура. Её нужно срочно заменить. Но Веня был ему нужен. Если бы эта идиотка убила себя, Веня стал бы мстить, а это бы обернулось проблемами. Теперь же Веня ему благодарен, теперь же Веня еще больше с ним повязан. Кажется, Илье теперь есть, кого послать с Аркашей разрулить столицу.

А Аню он им не отдаст. Она ему нужна. В ней что-то было, Илья хотел понять что, и использовать это с умом. Пока же он не решил эту головоломку, не взломал её — она будет при нём. Нельзя разменивать такой козырь по мелочам.

Теракт — идея изначально глупая. К терактам слишком привыкли. Они никого уже не удивят и не шокируют. Нет, появилась идея поинтересней. Нечто, что проявит всю беспомощность власти перед стихией Хаоса. Нечто, что причинит настоящую боль. Апокалипсис должен быть организован.

***

Туман дней — она маятник. Уходит — приходит. Сколько она здесь: «дни?» «недели?».

Чужой холодный дом давит. Особенно по ночам. Не хватает родных. Тоска по улыбкам, щебету детей их играм. Прятки с Вадиком, ладошки к лицу — нет Вадика, открываешь ладошки — вот он её улыбочивый карапуз.

Горячие слезы в подушку. Снится мама — у неё теплые руки и шепот тёплый: «Доча!».

Тепло уходит — его выдувают сквозняки. Знобит. Она проваливается в кошмар — жуткий, липкий всепоглощающий ужас, что каждую ночь приходит в эту чужую постель и терзает её уставшее сознание.

Комната та же самая, в которой Аня заснула. С той же дорогой мебелью, теми же панорамными окнами и потолками до самого неба, но на месте гардеробной здесь устроена невероятно роскошная детская, как для маленького принца.

Маленький принц играет в манеже — ему не больше трёх годков. У малыша белые блестящие кудри, и необыкновенные глаза. В синей радужке этих глаз едва приметно растворен тоненький, размытый золотой ободок. От него исходит согревающий свет и тепло.

Мальчик заразительно улыбается Ане, доверительно протягивает игрушечного единорога. Аня пытается взять подарок, но рука проваливается в пустоту. Мальчика нет, вместо него над потолком, в синем свете появляется жеребенок единорога. Он машет крыльями и быстро перебирает копытцами по воздуху, воздух искрится золотой пылью. Из рога жеребёнка струится синий свет. Комната растворяется в этом свете.

И мальчик уже снова мальчик. Они идут по дивному саду. Не земной то сад, а небесный. Запахи дурманят. Все тонет в цветении чудесных растений. Природа здесь ласкова к человеку, она плоть от плоти его.

Среди густых трав мальчик видит бабочку и, заливаясь смехом, бежит за ней. Бабочка

словно подыгрывает, то почти дается в руки, то ускользает в небо. Мальчик, нахмурившись, хочет уже обидеться на проказницу, но она опережает его намерение, доверчиво присаживаясь ребёнку на нос. Он потешно сводит глазенки к переносице. Бабочка хлопает крыльями ему по щекам, от чего у мальчика опять вырывается задорный смешок.

Из-за кустов выходит обнаженная женщина. Она идеальна. В ней настолько всё правильно отмерено природой, что эта правильность кажется нечеловеческой, жуткой. Лицо её выражает искреннюю радость при виде ребёнка.

Она щелкает пальцами и рядом растущее дерево приобретает форму скамейки. Женщина садится, берет ребёнка на колени и начинает с ним играть в ладошки. Мальчик увлечённо бьёт по ладошкам. Кажется, нет предела его любознательности — ему интересно абсолютно всё.

Их идиллию нарушает появившийся из ниоткуда мужчина. Он тоже наг и тоже идеален в своей неземной красоте. Он чем-то донельзя раздражён, и вид женщины с ребёнком лишь подстегивает его недовольство.

— Ева, — окрикает он женщину, — ты слишком привязалась к мальчишке.

Ева виновато кивает, опуская ребенка на траву. Поднимается навстречу мужчине. Скамейка выпрямляется и обретает форму чудаковатого дерева. Ветки его тянутся к малышу и, подхватив его на самую свою вершину, начинают вертеть, качать с ветки на ветку. Маленький принц опять смеётся и так, что душа невольно откликается на его веселье, и губы сами собой растягиваются в счастливую улыбку.

— Ты прав, Адам, но мальчик — он почти как мы. Иногда мне хочется, чтобы он остался здесь, с нами, — печально, но с затаенной надеждой вздыхает Ева.

— Он приведет в наш дом чужаков, — твердо обрубает её Адам. — Ты этого хочешь? Ты думаешь, ангелы и Бог пощадят нас? После того, что мы сотворили?

Она долго молчит, наблюдая, как ребёнок качается на ветках.

— А вдруг ящик не сработает? — все ещё неуверенно спрашивает Ева. — Мальчик сильнее девчонки. Та, если и попадала в Эдем, то скорее случайно.

— Сработает, он никогда нас не подводил, — уверенно возражает Адам. — Девчонку сдерживал страх. Её воспитывала религиозная мать, которая внушала ей, что её сила от дьявола.

Ева отворачивается от малыша и, повернувшись к Адаму, ласково касается его щеки.

— Адам, тогда давай сделаем это сейчас, — с мольбой в голосе просит Ева. — Иначе я не смогу. Я хочу как можно скорей покончить с этим.

— Что ж, — забирая прядь золотых волос ей за ухо, подытоживает Адам. — Я тоже считаю, что медлить опасно. Он скоро окончательно войдёт в силу. И тогда приведет сюда своего отца — Михаила, а за ним и нашего отца.

Адам подходит к дереву. Оно услужливо наклоняется, вручая ему ребёнка, он осторожно берет его на руки. Малыш доверчиво протягивает ему своего единорога, и Адам не сдерживает улыбку, но дар не берет. Ева же старательно отводит взгляд, будто ей мучительно это видеть.

Они останавливаются у огромного гранатового древа. Его корни обнимают ящик.

Адам спускает малыша с рук и подходит к Еве.

Ева поглаживает корешки дерева, и они медленно втягиваются в землю. Она берет ящик. Черный, испещренный письменами ящик. От него исходит какая-то необъяснимая, противоестественная жуть.

Ане делается страшно за малыша.

— Вместе, — шепчет Адам.

— Вместе, — грустно повторяет она.

Они приоткрывают крышку. И сразу же пытаются опустить её обратно. Но крышка, несмотря на все их усилия, продолжает открываться. Адам и Ева в ужасе бросают ящик на землю и наваливаются на него, пытаясь закрыть его своими телами, но поздно. Ящик утягивает их в себя. И разворачивается воронкой над садом. Бездну не остановить. Она поглощает всё на своём пути, беснуется, кружит, обращая всю красоту в ничто.

Игрушечный единорожек падает на траву. В мальчика летит бездна. Серость забивается в глаза, он трёт их кулачками и начинает хныкать.

Аня хочет схватить его, унести отсюда, спрятать, закрыть собой. Но её будто и вовсе здесь нет.

В синем свете исчезает фигура ребёнка. Свет отгоняет бездну, но пораженный ею, становится тусклым и мутным. Тяжелый взмах крыльями, и перестук копыт золотыми искрами рассекает серость.

Единорог в комнате, вновь обратившись маленьким мальчиком, сидит в манеже. Но это уже не тот мальчик, что был прежде. Он принёс в себе бездну. Он поразительно спокоен. Глаза мертвые, чёрные. Мимика застыла в равнодушной гримасе. Аня с ужасом узнает в малыше Илью.

Илья стремительно взрослеет.

Он стоит возле неё. На губах его холодная усмешка. Он держит в руках факел. И... Кидает его прямо в Аню. Аня горит. В черных зрачках Ильи отражается огонь.

Проснулась от собственных криков. Сердце колотилось в ушах. Её бросало в жар и вместе с тем знобило. Взмокшие от пота сорочка и волосы неприятно липли к телу.

Она не могла больше нырнуть в спасительный сон, как ни старалась. Блуждающий взгляд не доставал до слишком высокого потолка и не знал за что зацепиться, он терялся в темноте и бродил там потерянный и одинокий. Кровать, как необитаемый остров. Хотелось живого человеческого тепла. Но всё её тепло принадлежало мёртвым.

И мысль, с которой она каждый раз просыпалась, не давала покоя. Ей казалось, что Илья умер. Навязчивая идея разрасталась до такой степени, что она чуть ли не воочию видела его труп, который лежит за стеной и остывает совсем рядом с ней, разделенный одной лишь стеной, одним коридором.

Аня крутилась, гнала эту чушь прочь, но тревога не отпускала, тревога сжимала свои объятья так крепко, что Ане ничего не оставалось, как унять себя действиями.

Она поднималась и тайком выбиралась на его территорию. На ночь Илья плотно закрывал рольставни, поэтому в спальне всегда царила абсолютная тьма. Идти по этой тьме было жутковато.

Она на ощупь подкрадывалась к его кровати. Вставала и, затаившись, слушала, как он мерно дышит во сне. Его дыхание успокаивало, напряжение спадало, и Аня шла обратно к себе.

Только убедившись, что он жив, ей удавалось заснуть. Пусть и лишь для того, чтобы вновь вернуться к своим кошмарам.

Однако вскоре от этого метода борьбы с разгулявшимся неврозом, пришлось отказаться, потому что она всё-таки вляпалась в неприятную историю.

Однажды за дверью его спальни ей послышались страшные протяжные стоны. Душа упала в пятки. Аня ни на миг не усомнилась, что это предсмертные стоны. Она влетела в комнату и, опешив, замерла в паре метров от кровати.

В приглушенном розоватом свете на коленях, спиной к Ане сидела полуголая девушка, на глазах у неё была повязка, руки связаны за спиной. Абсолютно голый Илья держал девушку за длинные белые волосы и наклонял её голову ближе к паху.

От этого зрелища, влетевшую в комнату Аню, буквально пригвоздило к месту. Она, опешив, пыталась собрать разбежавшуюся себя в кучку, но лишь беспомощно хватала воздух, как рыбка, выброшенная на берег.

Илья, кажется, тоже слегка обалдел и выпустил намотанные на руку волосы блондинки.
— Аня? — удивленно выдохнул он.

Илья отстранил от себя девушку и вопросительно прожигал Аню взглядом. Блондинка же так и осталась безропотно сидеть на коленях, как безвольная кукла.

— Э-э-э... Я...случайно, — наконец, сумела выдавить из себя Аня, зажмурившись, чтобы не видеть всего того, чего прежде никогда не видела, и видеть не хотела, она медленно стала пятиться к выходу. — Прости, я, не знала, что ты тут...

— Нравится? — нахально, где-то совсем близко спросил Илья. От изумления Аня распахнула глаза и обнаружила обнаженного Илью в двух шагах от себя самой, она сдавлено вскрикнула. — Хочешь присоединиться, Аня?

Краска бросилась в лицо. Аня развернулась и бегом выскочила прочь. Ей показалось, что за спиной сквозь тягучее, женское: «Илья? Чо это было?» — она услышала смех Ильи — сухой, отрывистый.

Она впервые слышала этот смех. Впервые за всё время, что знала его, она слышала, как он смеётся.

В тумане дней Аня всё больше теряла себя. Истончалась, не могла найти ни в чём смысла. С работы её уволили — в положение войти отказались. Найти новую в парализованном протестами городе не получалось. На учебе уже начались зимние каникулы — студентов распустили раньше в связи с чрезвычайной ситуацией, которую объявили в стране.

Она стала собирать бумаги, ей полагалась какая-то компенсация за сгоревшее жильё. Нужно было поскорей решить жилищный вопрос, чтобы иметь возможность съехать от Ильи. Но в социальных службах творилось черти что, все кадры разбежались, а те, кто остался, футболили Аню из кабинета в кабинет.

Приближался Новый год, но разгорячившийся народ не успокаивался. Город сошел с ума. Толпы с плакатами и транспарантами ходили по улицам, требуя перемен. Многие вели себя агрессивно. Не менее агрессивный ОМОН разгонял их. Выходить из дома с каждым днем становилось не то, чтобы страшно, а уже по-настоящему опасно.

Аня всё больше чувствовала себя затворницей. Нет, заняться то она всегда находила чем — в квартире была огромная библиотека и просто невероятная кухня. Однако атмосфера этого дома угнетала.

Илья в своих апартаментах почти не появлялся — приходил только переночевать. А днем исчезал непонятно куда и зачем. Оставлял ей деньги на тумбочке. Много оставлял. Аня, смущаясь, брала из этой кучи минимум на продукты.

Илья, вопреки ожиданиям, ничего от неё не требовал и ни в чем никогда не упрекал. И

она всё больше проникалась к нему благодарностью.

Она пыталась как-то выразить свою признательность. Начала готовить. Но Илья её стряпню не оценил. Он систематически заказывал еду в ресторане, а в сторону её кулинарных шедевров даже не смотрел.

Поначалу это очень обижало, но потом Аня свыклась.

Зато при помощи своей стряпни она подружилась с уборщицей. Та с завидным аппетитом уплетала Анины борщи с пирогами. И на комплименты не скупилась, забирая остатки наготовленной еды себе домой.

На вопросы об Илье Антонина Григорьевна отвечала коротко, неохотно и даже пугливо. Начинала нервничать, оглядываться по сторонам и торопилась по делам. Единственное, что удалось выяснить и то почти случайно, что совсем недавно Илья потерял маму.

Эта потеря многое объясняла в поведении Ильи. Объясняла, почему он решился ей помочь и его отстраненность — он просто замкнулся в своем горе. Аня очень хорошо его понимала. В Ане он бессознательно искал то же, что и она в нём — спасения от пустоты.

Аня смогла себя в этом убедить и даже поверила, что Илья хороший человек. Теперь она корила себя за изначальную неприязнь — ей казалось, что она относилась к нему несправедливо плохо. Поддавшись стереотипам, она повесила на него ярлык бездушного мажора и даже не попыталась копнуть глубже, понять его. А он просто стеснялся своей доброты, прятал её от всех, возможно, даже от себя самого.

Ему нужно показать, что он хороший, что в него верят, и тогда он откроется с другой стороны. Он уже показал своими делами, что лучше многих: он вынес Вадика из огня, организовал похороны, приютил её. Он заботился о ней так, как никто прежде не заботился. Даже Матфей. Илья доказал ей поступками, что не так страшен, как она его намалевала себе.

Но, как она ни старалась, ей никак не удавалось достучаться до него настоящего. А надуманный светлый образ лопался, как мыльный пузырь при столкновении с Илей в реальности. И каждый разговор, каждая стычка обнажали несостоятельность её теории.

Как-то Аня спустилась в гостиную. Там Илья видимо забыл выключить телевизор, и тот что-то бубнил в пустую комнату.

Ане, привыкшей на всем экономить, от одной мысли, сколько эта штука может зря намотать электричества, делалось дурно. Она стала искать пульт, чтобы выключить эту махину в полстены.

Но сумбурно мелькавшие кадры зацепили и потрясли её. Она застыла, глядя, как военные стреляют по толпе из автоматов, как толпа беснуется в ответ, швыряя камни и вырывая оружие у тех, кто не решался стрелять. В образовавшейся толкучке люди давили друг друга. Основную массу протестующих составляла молодёжь, но были там и старики, и даже женщины с детьми.

Эти кадры поражали жестокостью, поражали безумием. Бабушка, осенявшая толпу крестом, упала под дубинкой омовца, чтобы никогда больше не встать. Девушка попыталась вытащить раненого парня из этого месива, но их смяло нахлынувшей волной людей. Ребёнок на плечах мужчины заливался горькими слезами.

Аня, словно бы сама была в этой толпе — это её били дубинками, это в неё стреляли. Это она била дубинками, это она стреляла.

От боли потемнело в глазах. Её согнуло пополам, воздух вышибло. Ей бы отвернуться, не смотреть, но она не могла не смотреть.

— Чо с тобой?

Аня вздрогнула. Илья подкрался незаметно. И, щелкнув пультом, погасил источник боли. Связь оборвалась, равновесие вернулось, она выдохнула, и из глаз покатались слезы.

— Камон, чо ноешь-то?

— Мне жаль их, — прошептала она, кивая на экран.

— Жаль? — удивился он. — Почему тебе их жаль?

— А как иначе? — непонимающе спросила она. Аня не могла даже представить, что возможно не ужаснуться, не раниться от этого кровавого зрелища.

— Ну, когда забивают скот для дела, разве пастух будет его оплакивать? Это стадо тупых животных, что рвут друг друга ради инстинктов. У них даже идей нет, одни желания больше жрать и дольше валяться на диване, почесывая ленивые жопы.

— Илья, — его ядовитые слова застряли комом в горле, но она сумела протолкнуть через них свое бессильное недоверие, — ты не можешь говорить такое всерьез.

И вышла из гостиной, боясь окончательно утвердиться, в том, что он именно таков, каким изначально ей казался — бездушный, эгоцентричный мажор. Она хотела в него верить, верить, что он это не всерьез. Иначе ей придется уйти сию же минуту, если он такое взаправду, а не для виду. Но идти ей было некуда и не к кому.

Ей все больше казалось, что Илья последняя соломинка, за которую она держалась, чтобы жить. Если его не будет рядом, то все, что связывает её с жизнью — исчезнет. Поэтому она оставалась и убеждала себя, что его безразличие напускное — не может человек ничего не чувствовать — что она обязательно подберет ключ к его душе.

Ночь от ночи её нервное расстройство усугублялось. После того ужасного случая с блондинкой в спальню к Илье она больше не ходила. Дремала урывками и в эти краткие минуты сна каждый раз прокручивая один и тот же кошмар. А потом остаток ночи не могла, да и боялась заснуть.

От хронического недосыпа в темноте стало мерещиться всякое. То тень какого-то ангелоподобного мужчины с крыльями за спиной и очень похожего на Илью колыхнется у её кровати, то покажется, что из темноты за ней кто-то пристально следит. И ведь не пойдешь с этим к Илье — поиздевается и в психушку отправит.

В одну из таких ночей сделалось совсем неважно. Тогда она встала и сдернула с окон плотные шторы. В комнате сразу стало светлей и свободней, как будто она впустила в неё воздух.

Вид из окна открывался невероятный. Где-то внизу уютными желтыми огоньками горел город. Но самое прекрасное — это бездонное полотно неба, в котором сиял круглый прожектор луны. Уличный свет всё-таки пригасил звезды, оставив лишь крошечные следы едва намеченного узора.

Вспомнилось, как в детстве Аня с мамой дурачились, подвывая наперебой на луну. Мама говорила, что если уж совсем приспичило, то повить не просто можно, но и нужно.

Аня на пробу подала голос. Получилось сдавленно, нехорошо, собственные границы и рамки мешали, стесняя её порыв. Она попыталась раздвинуть свои границы, преодолеть барьер.

Вгляделась в луну, поймала её свет в себя и снова робко взывала еще и еще, пока окончательно не вошла в какой-то экстаз. И вдруг ощутила волю совершенно не человеческую, безграничную и, получилось от души и для души. Вой из самого сердца

пошел...

— Камон, Аня, какого черта ты тут воешь?! — в комнате стоял сонный Илья.

Аня смущенно замолкла. И поспешно отвела взгляд от его полуголого тела. Красивое у Ильи было тело, спортивное, но в меру. Со сна и в свете луны Илья казался каким-то более человечным что ли, и тёплым. Аня лишь выдавила из себя глупое:

— Воется.

Она понимала, что смахивает на психичку, и что он может потребовать от неё уйти прямо сейчас. Приютил на свою голову сумасшедшую, а теперь она ему всё время мешает: то врывается среди ночи, то спать не даёт.

Илья сел рядом с ней на кровать и посмотрел на луну. Он был совсем близко, так что она ощущала запах его дорогого парфюма.

Она инстинктивно отодвинулась, сделалось совсем неловко и даже немного страшно. Но он просто сидел и смотрел на луну. И она поняла, что ничего не будет и расслабилась, и тоже стала смотреть на луну.

А потом он завыл — страшно так, пронзительно. У него сразу это вольно вышло и очень искренне, по-звериному. Она тихонько подвыла ему в ответ. Так они и просидели остаток ночи вдвоём — подвывая.

Глава 9. По ту сторону безразличия (часть 3)

Утро отражалось в кухонной люстре. Они завтракали. Два стула стояли по разные концы длинного стола, отчего дистанция между Ильей и Аней ощущалась еще сильнее.

Ей хотелось проломить стену отчуждения между ними: поговорить, сблизиться, пробиться, наконец-то, через всю его напускную пустоту. Ведь всё это напускное, иначе он не выгнал бы Вадика из огня и не стал бы помогать ей с похоронами. Оставил бы в психушке, а не привез в свой дом. Иначе он не был бы с ней этой ночью.

Нет, он определенно лучше, чем ей казалось вначале. Она была несправедлива к нему. В очередной раз ей хотелось как-то компенсировать это. Но самое главное — хотелось банального человеческого тепла.

Начинать разговор с другого конца стола казалось глупым. Аня со скрежетом перетасила тяжеленный стул поближе. Переставила свои тарелки и села возле Ильи.

Илья наблюдал с пассивным любопытством.

Неловкость лишь возросла.

— Сегодня будет пати в моем клубе. В семь соберется круг избранных «напоговорить». Оденься норм, ок? — первым нарушил он тишину. — В то, что тебе купил. Нужно соответствовать, понимаешь? А то все подумают, что я приютил бродяжку. Хватит таскать этот уродливый шмот, ок?

Аня съежилась, лучше бы он молчал. Так ей было проще думать о нем лучше. А на тряпки, что он притащил, она даже смотреть не могла. Они стоили так дорого, что казалось кощунством их носить.

В первый же день пришла странная женщина с вытатуированными бровями и огромными губами почти в пол лица сняла с Ани мерки. Спросила: какие бренды и фасоны она предпочитает. Аня пожала плечами и честно призналась, что она носит обычные джинсы и свитера.

На следующий день люди в костюмах притащили гору вещей. И развесили все в гардеробе, занимающем целую комнату. Аня посмотрела на одежду и оставшиеся на ней ценники. Закрыла гардероб и больше туда не заглядывала. На остатки последней зарплаты купила себе еще одни джинсы и кофту на сменку того, что осталось, и закрыла для себя этот вопрос.

— Мне нужно по делам насчет компенсации моего сгоревшего жилья, не успею, — решила отвертеться Аня. — Там дурдом перед Новым годом. На них сильно повлияли недавние беспорядки на улицах. Не справляются. Кроме этого, выяснилось, что по документам дом давно снесён. Правды не найдешь...

Илья помолчал, прожевывая еду. Промокнул рот салфеткой и ответил:

— Я свяжусь с юристом. Зачем искать правду там, где нужно обращаться к праву?

— Для меня это одно и то же, — ей не нравилось, как натянуто и фальшиво звучат её фразы, хотелось теплого разговора, а получалось опять непонятно что. Видимо ни собеседник, ни холодная камерность его дома не располагали к теплу. — Право имеет силу только тогда, когда в нем есть правда. В правде — сила.

В низко висящей над столом люстре отражалось солнце, но и оно не давало тепла.

— Правда разная, а закон один. У тебя — своя правда, у меня — своя. Чья же правдивей? — пожал плечами Илья.

— Правда — она и есть правда, — возразила Аня, чувствуя, что начинает злиться. — Ты или живешь в соответствии со своим моральным компасом по правде, или живешь, как попало — категорический императив, если хочешь.

— Кек, ты красишь мир в черно-белое, и все о морали своей печешься. Не боишься надорваться?

— То, что ты говоришь — неправильно, Илья!

Все аргументы разбежались от переполняющих её эмоций. Все тезисы, легко разбивающие суждения Ильи, настырно лежали глубоко внутри, и только когда спор закончится, и эмоции улягутся, аргументы всплывут и будут мучить невысказанной правдой.

— Детка, теория разумного эгоизма уже давно правит бал, и все мы знаем, что даже альтруизм — эгоистичен. Признай это, и жить будет рили проще.

— Знаешь, ты... Ты просто пузырь! Дуешься, а внутри — пусто!

Повисла тишина. Ане было обидно и еще что-то. Это было отчаяние. Она не найдет в нем тепла. Оно может и есть, но не для неё. И чем больше она к нему привязывается, тем больнее ей будет потом.

Она встала. Он кинул ей вслед монотонно и до гадства уверено, будто она никуда не сможет деться и обязана подчиниться, будто он уже купил её.

— В 18:30 жду тебя внизу в нормальном виде.

Аня поднялась в комнату. Внутри все рвалось. У неё больше не было сил оставаться здесь, в этом чужом холодном доме с этим чужим человеком. Это место ее доканывало. Ей показалось, что ночью у нее получилось пробиться к нему, оказалось — показалось. Она должна уйти. Куда угодно, но подальше отсюда. Лучше быть одной, чем быть одной с кем-то.

Осмотрелась вокруг. Здесь не было ничего, что принадлежало бы ей. Разве что коробка, подаренная ей Егорушкой. Она схватила её и сумку, где лежали все документы, которые она, бегая по очередям, пыталась восстановить всю прошлую неделю.

— Далеко собралась? — от неожиданности Аня вздрогнула.

На пороге прислонившись к косяку, стоял Илья.

— Решила пожить у знакомой, пока не найду себе жилье, — стараясь, чтобы голос звучал как можно более твердо, ответила она, шумно застегивая сумку.

— У тебя разве еще кто-то остался? — настороженно сузил глаза Илья.

— Я... — Аня облизала пересохшие губы. — Илья, я не могу так... Мне тяжело... Зачем я тебе?

— Какая разница? Камон, тебе некуда идти!

— Зачем ты притащил меня сюда? Что ты от меня хочешь?!

— Тебе что-то не нравится? Я к тебе не лезу... Или тебе не хватает побоев и жестокого обращения? Покупаю тебе шмот, хочу вывести в люди. Но ты отвергаешь мою помощь! Залезла в эту уродливую одежду! Не берешь деньги, что я оставляю!

— Зачем тебе все это нужно? Зачем тебе я?! — настойчиво допытывалась Аня.

Она поняла, что он не хочет отвечать, что переводит стрелки, но ей нужен был ответ.

— Да ладно, любая тёлка на твоём месте писала бы от радости кипятком! Чего тебе не хватает? Может, ты, как любая целка, — он подошел к ней вплотную и прошипел, — хочешь, чтобы тебя трахнули? А я зря развожу с тобой сантименты.

Она сглотнула и сделала шаг назад.

— Мне от тебя ничего не надо, — прошептала она. — А ты, ты так и не ответил в честь

чего ты такой добренький со мной?

— Какая разница! — зарычал он.

Никогда она не видела его таким раздражённым. Впервые за маской равнодушия, проявилось что-то настоящее, пусть и страшное, но искреннее. И она не могла так просто оставить эту ниточку.

— Для меня есть разница! Я хочу знать — зачем?! — потребовала она.

Илья вздрогнул, проглотил комок и выдохнул:

— Раньше я точно знал — зачем, а теперь — запутался.

Он сжал голову руками и стал, раскачиваясь, ходить по комнате.

— Илья? — испуганно прошептала Аня.

— Не знаю зачем! Это не логично, ты не вписываешься в мои планы... — повторял он, уставившись в одну точку. — Аня, уходи!

Аня не двинулась с места: всё это выглядело до боли знакомо. Она пару раз видела такое на работе.

Лицо Ильи скривилось. Он закричал. Этот крик, услышав однажды, не спутаешь ни с каким другим криком. Крик был ей хорошо знаком.

Илья упал, потеряв сознание, забился в эпилептическом припадке.

Аня постаралась дышать ровно и не паниковать. Оглядела комнату.

На кровати валялось полотенце. Она схватила его. Свернула валиком. Подбежала к бьющемуся в конвульсиях Илье. Повернула голову немного вбок. Надавила на подбородок, разжимая стиснутые намертво зубы. Засунула полотенце между зубов. Села рядом на пол. Положила его голову себе на колени. Стала гладить по волосам.

— Тише, Илья, тиш-ш-е, — бормотала она. — Всё хорош-ш-о.

Аня смотрела на часы: минута... три...

Приступ длился слишком долго.

Наконец, подергивания стали затихать.

Он пришел в себя.

— Теперь ты точно уйдешь, — голос был слабый.

Илья попытался встать.

— Не торопись, Илья, — ласково удержала она его. — Нет. Теперь я точно останусь.

***

После приступа Аня решила все-таки пойти с Ильей. Но и не подумала делать так, как он ей велел. В 18:35 она вышла к нему в своей повседневной одежде.

Илья стиснул зубы, недовольно процедил.

— Shit.

Клуб Ильи назывался по-дурацки: «Дети Хаоса». Аня никогда прежде в клубах не бывала и сразу пожалела о своем решении пойти.

Друзья Ильи естественно прибыли при всех понтах. Их одежда не то чтобы отличалась изысканностью или утонченностью, наоборот, девушки и парни пришли в кроссовках и в полуспортивных вещах, но с бирками и лейблами, которые позволяли идентифицировать «своих». Аня отсутствием всех этих атрибутов богатства и значимости сразу же противопоставила себя присутствующим.

Разговоры пошли о том, кто какое шмотье купил в Милане и какие тренды будут модными в следующем сезоне. Громкие смешки, грубые шуточки.

Собралось человек тридцать. Стало шумно. Музыка играла фоном.

Среди остальных знакомых Ильи сразу выделилась яркая девушка с блондинисто-розовыми волосами. Точнее, Аня заметила ее платье, сшитое, словно из старых футболок полуспортивного кроя. Она бы может и не обратила на него внимания, если бы не перевернутый символ анархии на спине. Аня знала этот символ, потому что Матфей увлекался анархическими идеями.

Парни и девушки сидели в приглушенном розовато-сиреневом свете. На мягких диванах и креслах, расставленных широким кругом. Курили кальяны.

Разговоры, смешки мешались с музыкой и дымом.

Илья застыл на диване, прикрыв глаза и небрежно сложив ноги на столик. Рядом, прижавшись к нему, сидела та самая девушка, которую Аня заметила из-за платья.

Девушку звали Лика. Она была очень красива: каре и идеально правильные черты лица, большие глаза, маленький носик и пухлые губы, на запястье — тату лисы. Она будто выпала из другого, параллельного Аниному, мира.

Аня продолжала разглядывать ее платье: вверху, задом наперед надпись: «INTERLOG» чуть ниже нарисованы перевернутые раскрытые ножницы, ручки которых держат «vetements», а лезвия режут «interлог». Внизу все это зеркально повторялось.

Лика, в отличие от напряженной, притаившейся от всех в уголке Ани, была уверена в себе и полностью расслаблена. Она сидела на диване, прижав к груди ноги, и пухлыми губами выводила красивым грудным голосом пухлые фразы. Она говорила их как нечто весомое, ее голос завораживал, и Аня не сразу поняла всю их пустоту.

— Принципиально хожу в мужские туалеты, — Лика затянулась кальяном и выдохнула кольцо дыма, округлив рот буквой «О», от чего стала похожа на американскую девушку с плакатов в стиле pin-up. — Я за гендерно-нейтральные туалеты.

— Что, нравится на мужские писуны смотреть? — тут же оскалился парень с идеальной бородой и уложенными волосами. — Я могу тебе и так показать.

— Со-орян, бро, мелкая рыбешка меня не впечатляет, не старайся. Я так выражаю свой протест против дискриминации женщин в Рашке.

— Ты так наивна, что до сих пор веришь, что, если целовать ментов в засос, они перестанут хреначить мирных демонстрантов дубинками?

— Я верю, что сочетание дичи и позиции способны перевернуть мир.

— Точно не вашими лесбийскими акциями, — хмыкнул «уложенный» бородач.

Лика переглянулась с девушкой с выжженными концами красных пряжей и, подмигнув ей, поманила к себе, указав на место рядом с собой, чуть отодвинулась от Ильи, который продолжал безучастно курить кальян.

— Лера, Камон, иди ко мне, киса?

— Ты что-то имеешь против ЛГБТ? — вызывающе вздернула брови Лера, садясь рядом с Ликой и обнимая её.

— Я против... — девушки стали целоваться, парень выдохнул и покраснел до самых ушей, — ...лесбиянок в политике.

— Да ты — консерва! — засмеялась Лика, продолжая поглаживать Леру по ноге. — Тебя по телику нужно пропагандировать!

— Может, пойдешь к Соловью заливать людям уши серой?

— Проблема Рашки в том, что у нас нет полового воспитания, это нас травмирует, — заметил парень с вишневыми линзами и татуировкой черепа на щеке.

— Травмируют акции, где телки разъезжают в резиновом члене и что-то задвигают о революции.

— Да иди ты нафиг!

— Это, вообще-то, аллюзия на ядерные заряды, которыми меряются наши цари.

— На мой взгляд, — снова кивнул парень с вишневыми глазами, — это самая удачная акция.

Лица обернулась на Аню и внимательно взгляделась в её лицо, приторно ей улыбнулась. Аня проигнорировала эту фальшивую улыбку. Лица неожиданно соскочила с места и, подлетев, впиалась губами в Анины губы.

Аня отпрянула. Лица рассмеялась.

— А то у тебя вид такой, будто ты нас всех сейчас арестуешь!

Аня залилась краской и кинулась прочь, старательно вытираясь. Было нестерпимо стыдно и гадостно. Хотелось просто исчезнуть, но чья-то рука схватила ее, удерживая.

— Пусти, Илья! Я ухожу!

— Ты обещала остаться, — напомнил он. — Камон, Аня, извини. Она зря это сделала.

— Увези меня домой, пожалуйста, — взмолилась Аня.

Они стояли у барной стойки. Он кивнул, бармен налил рюмку и подал ему.

— Выпей, — Илья протянул ей рюмку.

— Я не хочу, — замотала она головой. — Что это?

— Шот, — Илья пристально посмотрел на нее. — Камон, хочешь ты или нет, мы здесь на всю ночь. Это мой клуб, моя работа. Сейчас начнется шоу, и мы будем сидеть за отдельным столиком.

***

Аня думала, что хуже уже не будет, но как только началось шоу, оставаться в клубе стало просто невыносимо.

Набежала куча народу. Заорала музыка и стала бить по ушам так, что Аня не слышала собственных мыслей. Люди дрыгались на танцполе, словно дикое африканское племя. Кто-то обжимался на диванах. Повсюду напустили дым.

От стыда за происходящее Аня не знала, куда себя деть. Она таскалась за Ильей хвостиком, то и дело теряя его из виду и паникуя.

С Ильей все здоровались. Все на него смотрели, все старались что-то ему сказать. На неё же косились неодобрительно, но с любопытством.

Заиграл медляк. Красивая музыка, знакомая. Это были «Поэты осени» со своей колыбельной «Sleep sugar».

Тягучая мелодия в аранжировке звуков природы, как будто немного отрезвила толпу.

Илья подал Ане руку, пригласив на танец. Она неуклюже встала со стула, принимая приглашение.

Он бережно обнял ее. Аня растворилась в грусти музыки. Дыхание Ильи коснулось волос. Сердце забило чаще. Она положила голову ему на плечо. Ноздри защекотал запах осенней свежести.

Аня плотнее прильнула к Илье. Его длинные пальцы холодновато покалывали кожу, пытаюсь растопить её напряжение. Она задышала чаще от поднявшейся снизу живота горячей волны.

Аня понимала, что он не тот. Не тот, кто должен быть первым.

Память вытаскивала другое лицо, цепляясь за чистоту в сердце, но тут же тонула в желании близости. Сейчас. Ей нужно было пусть и такое холодное и обжигающее, но тепло.

Она подняла голову, их взгляды встретились. Глаза у Ильи казались синим, пронзительно синими, а вовсе не чёрными как прежде. В этих глазах ей хотелось раствориться, тонуть, как в небе, чувствуя себя единственной звездой, способной дать ему свет.

Музыка закончилась выстрелом. Аня вздрогнула.

Илья отпустил её и быстро скрылся в толпе. Аня застыла, растерянно глядя ему вслед.

На сцену вышел ведущий. Объявил конкурс. Условия заключались в том, чтобы мужчина зажал между ног банан, а девушка ртом надела на него презерватив. Кто справится быстрее, тому приз — путевка на двоих на море.

Аня оторопело смотрела на девушек, что, сидя на коленях, пытались надеть на банан презерватив.

— Круто-круто, все молодцы! Победила пара номер шесть! Их приз — поездка в Калифорнию!

Толпа восторженно заорала. Аня брезгливо отвернулась.

— А теперь поблагодарим нашего спонсора и хозяина всего этого великолепия. Он, кстати, здесь! И не один, а с подружкой! Пошумим, ребятки! Илья Лакунин и его спутница!

Илья опять оказался рядом. Взял Аню за локоть и уверенно потянул за собой к сцене.

Ведущий пожал ему руку, а Анину руку поцеловал.

Аня, стараясь ни на кого не смотреть, спряталась за спину Ильи. Илья обнял её за плечи, притянул к себе и шагнул к микрофону.

— Камон, рад, что все мы здесь. Прожигаем жизнь и хотим, чтобы праздник никогда не кончался! И мы его готовы себе создать! Хаос был вначале! Хаос будет в конце! Мы сломаем мир! Взмах крыла бабочки в Бразилии может вызвать торнадо в Техасе! Мы создадим точку бифуркации! И придем к высшей форме упорядоченности — Хаосу!

Толпа одобрительно загудела. Хотя, скорее, инертно-одобрительно, чем и вправду заценив сложную речь.

Аню же не оставляла тревога. Она достигла высшего накала, когда за их спиной раздался знакомый голос.

— А вот и я! — она вздрогнула всем телом, увидев в двух шагах от нее и Ильи заросшего бородой грязного мужика с пистолетом в руках. — Кто шелохнется, тот будет первым трупом!

Видимо в толпе кто-то подумал, что это шутка и неуверенно засмеялся.

Толпа колыхнулась, но мужик выстрелил в потолок. Все закричали.

— Стоять, сказал! — проорал мужик в микрофон, отобрав его у ведущего.

— А-а... Лёха, — расслаблено кинул Илья. — Из дурки пожаловал? Чего пришел?

Леха, наведя на Илью пистолет, заорал.

— Ты разрушил мою жизнь, ублюдок! — пистолет подрагивал в его руках. Со лба сбегали крупные капли пота, которые он то и дело вытирал рукой с зажатым в кулаке микрофоном. — Это всё из-за тебя! Мой папаша от меня отказался! Я верил в тебя и твои сраные идеи! Ты был моим кумиром! — с горечью кричал он. — А теперь ты подохнешь!

— Не надо! — Аня сделала шаг, инстинктивно закрывая собой Илью.

Раздался оглушительный выстрел.

Аня вздрогнула, и оступилась — ноги подкосились. Она едва не упала, но Илья вовремя

подхватил её.

Лицо Ильи побледнело, глаза из черных опять стали синими. Ей нравилось, когда у него глаза становились синими. В них приятно было забыться, словно в небе, стать единственной звездочкой, способной рассеять мрак его вселенной.

— Аня! Аня! — почему-то голос его звучал, как эхо.

В груди больно жгло, обдавая горячими волнами. Дыхание рвалось натужно, со свистом. Контуры Ильи плыли размытыми кругами. Ей казалось, что вокруг него коконом копошится гнилое нечто. Оно оплетает отвратительными щупальцами прекрасный розоватый свет, который становится всё ярче.

Аня протянула к этому свету руку, но рука оказалось непосильно тяжелой и безвольно упала.

— Ты не такой...

— Тише-тише. Сейчас приедет скорая. Все будет хорошо. Ты... Ты... только не умирай! Не из-за меня, Аня! Не закрывай глаза! Аня!..

Слова уносились от нее всё дальше и дальше.

Мир сузился в точку и погас щелчком.

***

— Аня! Не закрывай глаза Аня! Подожди. Аня! Я...

Тело обмякло в его руках. Илья осторожно опустил её на пол и встал рядом на колени. Осмотрел рану: пуля угодила в сердце.

Он стал зажимать кровь рукой. Запоздало дошло, что это бесполезно.

Руки перепачкал кровью, но он не замечал этого, размазывая по щекам кровь и что-то влажное, что текло из глаз.

Илья поднял взгляд на Лёху. Тот в оцепенении смотрел на убитую девушку, тупо хлопая своими рыбьими глазами.

Вокруг кричали, мелькали тени убегающих людей. В неверном свете софитов движения казались отрывистыми, разбитыми на микро клипы.

Илья выпрямился, дышать было тяжело. В голове звенела боль.

Он осмотрел себя: может, в него тоже попало рикошетом? Но он был цел, а Аня мертва.

Умерла. И внутри вспыхнул вулкан.

Умерла, и ее не вернуть.

А эта мразь стоит тут перед ним. Живой.

Илья поднялся и пошел на оцепеневшего Лёху.

— Я это... Я того... Не хотел в неё! Илья, эт случайно!.. — испуганно залепетал Лёха. — Чё тебе эта девка-то? У тебя и получше есть! Давай замнем, а?

Но Илья останавливаться не собирался. И гримаса на лице у него была такой, какой Лёха никогда прежде у него не видел.

Пистолет гулко упал на пол. Лёха попятился. Поскользнулся, едва не свалившись со сцены.

Это привело его в чувство. Он прыгнул на опустевший танцпол и побежал прочь.

Илья кинулся следом. Перелетел через турникет. Хлопнули двери, и они оба выбежали на улицу.

Порыв ветра, подхватив пригоршню снега, бросил ее в измазанное кровью лицо Ильи. Завыли сирены. Кто-то заорал в громкоговоритель. Но Илья видел лишь широкую спину

перед собой.

Лёха петлял, пытаясь скрыться, нырял в кусты. Но Илья не отставал.

Вот он вытянул руку и почти поймал Лёху за капюшон, но потерял равновесие на льду и на всей скорости упал.

В ноге хрустнуло. Илья вскрикнул. Боль током пронзила всё тело. Илья прежде никогда не испытывал ничего подобного, и в глазах у него потемнело.

Поднялся. С лица стекали слезы. Осмотрелся: спина исчезла.

На снегу угадывались едва различимые в неверном свете фонарей следы ботинок. Илья, хромя, побежал по следу. Следы уводили к гаражам.

Лёха прыгнул на него с гаража, повалив в сугроб.

Адская боль в ноге прояснила сознание. Это придало силы.

Илья дико взревел и скинул Леху с себя. Легко, как пушинку. Тот в ужасе завопил.

Илья перевернул его к себе лицом. Лёха еще пытался сопротивляться, но сила явно была не на его стороне.

Илья зафиксировал руки Лехи коленями и стал бить его по лицу, пока оно не превратилось в кровавое месиво.

Костяшки стало саднить. Новое неприятное ощущение. Однако оно же и доставляло.

Илья посмотрел на разбитые костяшки и вытащил из кармана нож.

Лёха подвывал, не переставая бессвязно умолять:

— Плиз, плиз, Илья... — и только увидев нож, как-то по-человечески, без заученных понтов, прошептал. — Пожалуйста...

Вдруг резкий свет фонарика ударил по глазам:

— Стоять!

Илья, прищурившись, скорее по голосу, угадал Птичкина за спиной, а впереди еще какой-то урод с фонарём.

— Руки подними! — приказал следователь. — Вот ты и попался, щенок! — сквозь зубы процедил он.

Илья поднял одну руку, тогда как вторая, с ножом, осталась у груди Лехи.

На поднятой руке обозначился средний палец.

В тот же миг Илья упал на Лёху, всадив нож в горло по самую рукоятку.

Оглушительно хлопнул выстрел. Что-то горячее растеклось по груди Ильи.

Пространство свернулось в хрупкий девичий силуэт, и под звуки маминого голоса, который всплыл в памяти щемящим чувством, Илья последний раз выдохнул струйкой крови.

Больше книг на сайте - Knigoed.net